КИТАЙСКІЕ ЭМИГРАНТЫ

ВЪ СЕМИРѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ

И РАСПРОСТРАНЕНІЕ СРЕДИ НИХЪ

ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНСТВА.

Н. П. Остроумова.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1879.

КИТАЙСКІЕ ЭМИГРАНТЫ

ВЪ СЕМИРѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ

И РАСПРОСТРАНЕНІЕ СРЕДИ НИХЪ

ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНСТВА.

Н. П. Остроумова.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1879.

Отдѣльный оттискъ изъ „Православнаго Собесѣдника“ 1879 г.

Въ концѣ 1877 года мы познакомились съ священникомъ госпитальной церкви города Ташкента, Вас. Гавр. Покровскимъ и изъ его разсказовъ о своемъ пребыванiи и службѣ въ Семирѣчьѣ узнали о разныхъ сторонахъ жизни китайскихъ эмигрантовъ, выселившихся въ 1867 году въ Семирѣченскую область изъ При-Илiйской окраины китайскихъ владѣнiй и принявшихъ въ Семирѣчьѣ св. крещенiе по обряду православной русской церкви ([1]). Заинтересовавшись сообщенными намъ о. Покровскимъ свѣдѣнiями о новокрещенныхъ китайскихъ эмигрантахъ, мы просили его изложить на бумагѣ воспоминанiя о своей миссiонерской дѣятельности и напечатать ихъ къ общему свѣдѣнiю всѣхъ интересующихся миссiонерскимъ дѣломъ въ нашемъ отечествѣ. — О. Покровскiй предложилъ исполнить это намъ и съ обязательностiю человѣка, глубоко заинтересованнаго религiозно-нравственнымъ состоянiемъ бывшихъ своихъ пасомыхъ—

([1]) О. Покровскiй, урожденецъ калужской губернiи, съ 1869 года по 1876 годъ служилъ въ Сарканскомъ выселкѣ Семирѣченской области въ качествѣ миссiонера при новокрещенныхъ китайскихъ эмигрантахъ.

новокрещенныхъ инородцевъ, представилъ въ полное наше распоряженіе всѣ свои корреспонденціи, какія онъ въ разное время, на досугѣ, писалъ изъ Сарканскаго выселка и помѣщалъ въ Туркестанскихъ вѣдомостяхъ за 1871 — 1875 годы. Кромѣ печатныхъ корреспонденцій своихъ, о. Покровскій вручилъ намъ копію съ представленной имъ въ октябрѣ 1872 года туркестанскому преосвященному, покойному Софоніи, докладной записки о миссіонерскомъ дѣлѣ въ Сарканскомъ выселкѣ среди китайскихъ эмигрантовъ и нѣсколько писемъ, писанныхъ къ нему уже въ Ташкентъ бывшими его учениками изъ новокрещенныхъ по Сарканской школѣ. Съ полною признательностію къ о. Покровскому мы приняли доставленные имъ матеріалы и рѣшили привести сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія въ систему и дополнить ихъ нѣкоторыми другими свѣдѣніями изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, какіе было можно достать въ Ташкентѣ. и изъ личныхъ своихъ разслѣдованій на мѣстѣ, въ Семирѣчьѣ.—Весь собранный нами матеріалъ мы изложили въ предлагаемомъ вниманію читателей краткомъ очеркѣ, за составленіе котораго мы тѣмъ съ большею охотою взялись, что корреспонденціи о. Покровскаго разбросаны по №№ мало распространенной газеты за цѣлые пять лѣтъ и потому не представляютъ ничего цѣльнаго, а между тѣмъ сообщаемыя въ нихъ свѣдѣнія чрезвычайно любопытны и должны имѣть свою цѣну въ глазахъ каждаго интересующагося современнымъ состояніемъ отечественной церкви

въ Семирѣчьѣ, какъ единственный пока матеріалъ для уясненія себѣ недавно совершившагося обращенія разноплеменныхъ китайскихъ эмигрантовъ къ православной русской церкви.—Въ тоже время и православный русскій миссіонеръ встрѣтитъ въ предлагаемомъ очеркѣ немало интересныхъ для себя вопросовъ, обсужденіе которыхъ можетъ навести его на новыя мысли и уяснить ему одну изъ главныхъ задачъ его—находить наилучшія средства для успѣшнѣйшаго воздѣйствія на новокрещенныхъ, въ интересахъ православной церкви и православнаго русскаго отечества. Руководясь такими мыслями при составленіи своего очерка, мы очень сожалѣли, что не могли посвятить этой работѣ больше времени, и потому просимъ у читателей благосклоннаго снисхожденія къ ея недостаточной внѣшней отдѣлкѣ и неполнотѣ содержанія: мы сдѣлали—что могли, при искреннемъ желаніи познакомить ревнителей отечественнаго церковнаго дѣла съ успѣхами православно-русской миссіонерской дѣятельности на отдаленной границѣ нашего отечества съ Китаемъ. — Въ своемъ очеркѣ мы очень мало касались исторической стороны описываемаго нами факта, боясь, при недостаткѣ матеріаловъ, представить дѣло въ ложномъ свѣтѣ и надѣясь, что со временемъ мѣстные архивы сдѣлаются болѣе доступными для людей, интересующихся исторіей Семирѣчья, и найдутъ преданныхъ отечественнымъ интересамъ тружениковъ, которые воспроизведутъ подробную и точную исторію поселенія китайскихъ эмигрантовъ въ нашемъ Семирѣчьѣ и

водворенія среди нихъ русской гражданственности, основаніемъ которой для значительной части ихъ послужила православно-христіанская вѣра, которую эмигранты узнали и приняли, обязанные этимъ усердію нашихъ оо. миссіонеровъ.

14 января 1879 года.
Г. Ташкентъ.

КИТАЙСКІЕ ЭМИГРАНТЫ

ВЪ СЕМИРѢЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ТУРКЕСТАНСКАГО КРАЯ

И РАСПРОСТРАНЕНІЕ СРЕДИ НИХЪ

ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНСТВА.

I. Политическія событія въ При-Илійской провинціи Китая, вызвавшія эмиграцію китайскихъ подданныхъ въ Семирѣченскую область Туркестанскаго края.

Поставивъ себѣ задачею представить исторію распространенія православнаго христіанства среди китайскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ Семирѣченской области Туркестанскаго края, мы имѣли въ виду монгольскія племена: Дауръ-солоновъ, Сибо-солоновъ и Калмыковъ, бывшихъ военными поселенцами При-Илійской провинціи Китая, о внѣшней и внутренней жизни которыхъ до времени эмиграціи мы и намѣрены высказать здѣсь нѣсколько замѣчаній въ видѣ предисловія къ своему очерку.

При-Илійская провинція Китая образовалась на мѣстѣ бывшей Джунгаріи, покоренной и уничтоженной Китайцами во второй половинѣ 18-го столѣтія ([1]).

([1]) Джунгарія (монг. *Сун-гаръ*, покитайски *Тьянъ-шан-пе-лу*, т. е. лѣвая сторона) была прежде самостоятельнымъ царствомъ Сунгаровъ, составлявшихъ лѣвое крыло монгольскаго войска, и съ 1759 года была покорена Китайцами и заселена военными колонистами: Манджурами, Чахаръ-калмыками, Торгоутами и особенно ссыльными изъ Китая.

Главнымъ правительственнымъ центромъ этой новопокоренной страны считался основанный въ 1764 году [1] на рѣкѣ Или городъ Хай-Юанъ-Ченъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Новой Кульджи въ отличіе отъ старой, мусульманской Кульджи, существовавшей гораздо ранѣе новой Кульджи.

Всѣ названные сейчасъ поселенцы монгольскаго племени: Дауръ-солоны, Сибо-солоны и Калмыки были выселены Китайцами на берега р. Или, какъ правительственный элементъ, съ цѣлію поддержанія въ новопокоренной странѣ спокойствія и порядка, такъ какъ на мѣсто истребленныхъ Китайцами Джунгаровъ были поселены Китайцами, на удобныхъ для хлѣбопашества мѣстностяхъ, 7000 сартскихъ семействъ изъ Турфана и другихъ городовъ восточнаго Туркестана и Дунгане изъ провинціи Гань-су. Но разсчеты китайскаго правительства не сбылись: военные поселенцы монгольскаго племени не были настолько многочисленны, чтобы могли на случай возстанія турфанскихъ переселенцевъ подавить бунтъ въ самомъ началѣ и не дать ему принять большіе размѣры, а переселенцы турфанскіе и Дунгане, какъ мусульмане по вѣрѣ, не могли быть покорными и надежными подданными Китайцевъ. Кромѣ того Китайцы допустили съ своей стороны ошибку и въ томъ, что для скорѣйшаго заселенія При-Илійской долины ссылали туда каторжниковъ, извѣстныхъ подъ нарицательнымъ именемъ „*чампановъ*“, которые также отбывали воинскую повинность, составляя особую милицію, отличавшуюся храбростію. Вслѣдствіе такихъ ошибокъ китайскаго правительства, со стороны его новыхъ подданныхъ начались возстанія. Въ 1865 году возстали турфан-

---

Вся эта страна, изобилующая озерами и котловинами и замкнутая горами, находится между 49 и 42° сѣвер. шир. и идетъ на юго-западъ вдоль 98° вост. долг. (См. Всеобщее землеописаніе Разина и пр. Спб. 1864 г. Т. III, стр. 351).

(1) По Разину и пр. въ 1760 году.

скіе переселенцы, но были усмирены и въ наказаніе за возстаніе были записаны въ казенные землепашцы подъ общимъ именемъ *таранчей* (¹). Этою мѣрою китайское правительство не обезпечило однакожъ себѣ спокойствія въ бывшей Джунгаріи и не могло подавить послѣдовавшаго въ 60 годахъ текущаго столѣтія мятежа Дунганъ, такъ какъ собственно китайскій элементъ въ При-Илійской провинціи всегда былъ гораздо малочисленнѣе мусульманскаго. Гарнизоны такихъ городовъ, каковы Кульджа, Чугучакъ и Баяндай имѣли всего отъ одной до трехъ тысячъ человѣкъ. Между тѣмъ Дунгане были распространены по всей китайской имперіи, группируясь болѣе въ провинціяхъ Гань-су, Шань-си, Сы-чуанъ, Юнъ-нань и по сѣвернымъ отрогамъ Тянь-шаня. Это были люди съ китайскимъ типомъ лица, говорящіе китайскимъ языкомъ и носившіе китайскую одежду, а по вѣрѣ— чрезвычайно строгіе и набожные мусульмане суннитскаго толка. Въ мечетяхъ они читали текстъ молитвъ на арабскомъ языкѣ, а объясненія арабскаго текста дѣлали на китайскомъ языкѣ. Они подстригали себѣ усы помусульмански, не пили вина и водки, не курили опіума и табаку. Въ Средней Азіи они были извѣстны своею честностію, особенно въ торговыхъ

(¹) *Таранчи* (تارانچی) отъ глаг. корня *тара* (تارا) обрабатывать землю. — означаетъ *земледѣльца*. По словамъ Гейнса, таранчи были полурабы, выселенные Манджурами изъ Алты-Шара въ опустошенную Джунгарію послѣ покоренія обѣихъ этихъ странъ, т. е. около 1759 года. Тогда выселено было въ Джунгарію около 8,000 семействъ, которыя имѣли право запахивать столько земли, сколько могли обработать; за то они были обложены непомѣрно большими податями. Семейство, состоящее изъ четырехъ человѣкъ и менѣе, обязано было платить ежегодно 32 мѣшка проса (въ мѣшкѣ около 5 пудовъ) подати; семейство, состоящее изъ 4—8 членовъ, платило 64 мѣшка проса; 8—16 членовъ платили 120 мѣшковъ и т. д. Содержаніе каждаго китайскаго солдата стоитъ по цѣнѣ 32 мѣшка проса, т. е. 8000 семействъ таранчей содержали 8000-й корпусъ Манджуровъ, что составляло постоянную цифру войскъ, находившихся въ окрестностяхъ Кульджи, въ мирное время.

дѣлахъ, и китайское правительство вслѣдствіе этого охотно опредѣляло Дунганъ на полицейскія должности. Дунгане горячи, запальчивы и при ссорахъ хватаются за ножи, которые они носятъ при себѣ. По наружности они отличаются отъ Манджуръ и Китайцевъ крѣпкимъ физическимъ сложеніемъ и болѣе осмысленнымъ лицомъ. Особенно характеристическую черту Дунганъ составляетъ ихъ наклонность къ промышленнымъ предпріятіямъ. Сознаніе своей силы и нравственнаго превосходства давало Дунганамъ возможность находиться въ исключительномъ положеніи. Не смотря на политическую щекотливость манджурскаго правительства, оно не вмѣшивалось въ дѣла сильной дунганской общины (Саларъ) въ провинціи Гань-су, гдѣ мусульмане жили сплошною массою. Этою общиною управлялъ имамъ, имѣвшій значеніе духовнаго главы Дунганъ; со стороны же манджурскаго правительства въ дунганской общинѣ находился всего одинъ человѣкъ, между тѣмъ какъ у Дунганъ провинціи Гань-су считалось около 4,000 мечетей. Хотя эта цифра слишкомъ и преувеличена, во всякомъ случаѣ она даетъ понять, что Дунганъ было много и что одного манджурскаго чиновника для надзора за ними было очень недостаточно.

Не смотря на многочисленность Дунганъ, Китайцы смотрѣли на нихъ, какъ на людей стоящихъ ниже прочихъ граждан-буддистовъ.—Поэтому Дунгане были обложены большимъ количествомъ податей, не только по сравненію съ господствующими въ Китаѣ народностями, но и съ другими покоренными племенами. Вѣроятно, желая ослабить рѣзкое различіе, существовавшее между Дунганами и остальными жителями городовъ имперіи, китайское правительство, когда могло, касалось обычаевъ и внутренняго порядка дунганской жизни. — Такимъ образомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ изданъ императорскій декретъ, въ силу котораго Дунганы должны были носить длинныя косы, а ихъ дочери имѣть урод-

ливыя китайскія ножки. Точно также административнымъ путемъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ заставить Дунганъ отдавать своихъ дочерей замужъ за Китайцевъ-немусульманъ. Эти притѣсненія, особенно послѣднее насиліе, чрезвычайно оскорбившее Дунганъ, а также новые и большіе налоги, сборъ которыхъ сопровождался взяточничествомъ чиновниковъ,—и крутыя мѣры, предпринимавшіяся подозрительнымъ манджурскимъ правительствомъ противъ мусульманскихъ своихъ подданныхъ, ставили всѣхъ ихъ въ одинаково враждебное отношеніе къ правительству, противъ котораго у нихъ началась фанатическая пропаганда политическо-религіознаго характера, скоро распространившаяся повсемѣстно среди дунганскаго населенія. Главою этой пропаганды считаютъ нѣкоего Савуна, довольно высокаго чиновника, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ манджурскаго (китайскаго) правительства. . . . .

О ближайшемъ поводѣ къ возстанію Дунганъ разсказываютъ различно. Гейнсъ останавливается на разсказѣ о слѣдующемъ обстоятельствѣ: въ городѣ Сиганъ-Фу ([1]) жили два богача: одинъ Манджуръ, другой Дунганъ. Послѣдній былъ купцомъ и покупалъ у перваго скотъ па ямбы ([2]). Такъ какъ обороты купли и продажи были очень велики, то расплата производилась гуртомъ, въ извѣстные опредѣленные сроки. Однажды Дунганъ почему-то не захотѣлъ отдать Манджуру своего долга. Послѣдній осрамилъ его публично. Раздраженный Дунганинъ выхватилъ саблю и распоролъ животъ Манджуру. Убитый пользовался между своими громкою репутаціею и имѣлъ множество кліентовъ, которые подстерегли дунганскаго богача и убили его, а имущество и домъ совершенно разграби-

([1]) Сиганъ-Фу, губернскій городъ въ провинціи Шанъ-си, близъ рѣки Вей-хо впадающей въ рѣку Хоанъ-хо. Сиганъ-Фу, по разсказамъ азіятъ, въ пять разъ болѣе Ташкента, слѣдовательно очень большой городъ

([2]) Китайскія серебряныя деньги.

ли. Это обстоятельство послужило сигналомъ общей рѣзни между Дунганами и Манджурами, жившими въ Сингань-Фу. Тѣхъ и другихъ было почти поровну; но Манджуры, потерявшіе въ послѣднее время всякую энергію, вслѣдствіе непомѣрнаго употребленія опіума, не могли дать надлежащаго отпора, и были истреблены, а обширный Сингань-Фу достался въ руки Дунганъ.—При извѣстіи объ успѣхѣ инсуррекціи, изъ Салара прибылъ въ Сингань-Фу сынъ упомянутаго выше Савуна, Сохунжанъ, молодой человѣкъ 21 года, и принялъ начальство надъ возставшими. Успѣхи инсургентовъ были такъ велики, что возстанія не могли подавить регулярныя китайскія войска. Нѣсколько разъ китайскія войска вступали въ открытый бой съ инсургентами, но безуспѣшно. Въ 1862 году инсургенты даже совершенно разбили 40,000-ю манджурскую армію и уничтожили ее.—Рѣзня въ Сингань-Фу подала поводъ къ такой же рѣзнѣ и въ другихъ городахъ сѣверо-западнаго Китая. Во всѣхъ мѣстахъ, населенныхъ Дунганами, усиленно проповѣдывалась „*священная война*“ противъ невѣрныхъ Манджуровъ. Началось общее возстаніе мусульманскихъ подданныхъ Китая противъ иновѣрнаго и нетерпимаго правительства. Жестокія наказанія и казни, какимъ Китайцы подъ ничтожными предлогами предавали даже почетныхъ мусульманъ, думая подавить этимъ возмущеніе, еще болѣе ожесточали народъ и усиливали мятежъ. Предводителями мятежниковъ были духовныя лица, которымъ было удобно поддерживать и усиливать въ народѣ религіозный фанатизмъ, составляющій самое сильное средство въ рукахъ заправителей народными мятежами. Ходжи и ахуны вездѣ входили въ близкія сношенія съ мѣстными ишанами и волновали жителей мусульманъ, внушая имъ, что настало время готовиться къ борьбѣ съ невѣрными Манджурами, борьбѣ, долженствующей продолжаться или до окончательнаго ихъ истребленія, или же до обращенія ихъ въ мусульманскую вѣру. По примѣру Саларской об-

щицы, всѣ Дунганы—мужчины должны были идти на войну, не смотря на лѣта и физическіе недостатки. Они должны были отказаться отъ всего мірскаго и свое достояніе отдать въ мечеть.—На эту тему много говорилось и читалось въ мечетяхъ до тѣхъ поръ, пока возбужденіе не достигло крайнихъ предѣловъ; тогда достаточно было незначительнаго повода, чтобы Дунганамъ взяться за оружіе. Подобныя проповѣди столь сильно дѣйствовали на сердца слушателей, что не было примѣра, чтобы кто нибудь изъ богатыхъ Дунганъ не отдалъ всего своего имѣнія въ мечеть. Это наблюдалось такъ строго, что ахуны, ходжи и имамы непремѣнно казнили бы обманщика, какъ врага Божія.—Изъ собранныхъ такимъ способомъ денежныхъ средствъ при мечетяхъ образовались денежныя кассы, изъ которыхъ выдавалось содержаніе воинамъ и ихъ семействамъ, и на средства которыхъ велась борьба со врагами. Кромѣ того были образованы центральные денежные склады, куда поступали: часть средствъ изъ каждой мечети и вся добыча, взятая отъ Манджуровъ. До окончанія священной борьбы, никто не долженъ былъ имѣть своего состоянія, но каждый инсургентъ имѣлъ право на полученіе изъ мечети всего ему нужнаго. Ему выдавались: исправная одежда, кольчуга и вообще полное вооруженіе [1].

---

[1] Сначала инсургенты были вооружены палками, рѣзаками, кистенями, топорами и камнями; но, надѣясь на небесную помощь, они не боялись кидаться на своихъ, относительно хорошо вооруженныхъ, враговъ, и отнимали у нихъ много оружія. Скоро между Дунганами нашелся мастеръ, который сталъ дѣлать имъ деревянныя пушки, изъ которыхъ каждая могла выдержать до 7-ми выстрѣловъ. При помощи этихъ пушекъ, Дунганы стали отбирать у Манджуровъ настоящія пушки и крѣпости.—Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ Дунганы оставались побѣдителями, они оставляли свои семейства на мѣстахъ, подъ покровительствомъ мусульманскаго гарнизона; а когда не предвидѣлось безопасности и невозможно было брать съ собою семейства, Дунганы, чтобы не стѣсняться мірскими интересами, убивали своихъ женъ и дѣтей, оправдывая себя тѣмъ, что онѣ все равно попадутъ въ руки невѣрныхъ Манджуровъ, что, на взглядъ мусульманина, хуже смерти.

Равнымъ образомъ на счетъ мечети производилось исправленіе всего испортившагося. Семейства Дунганъ, получавшія продовольствіе отъ мечетей, имѣли общій столъ.—Во время боя при извѣстномъ числѣ воиновъ долженъ былъ находиться одинъ неспособный носить оружіе и держать два кушанья: одно холодное, другое горячее, чтобы, по первому требованію, имѣть возможность подкрѣпить силы дерущихся. Для раненыхъ устроены были большіе госпитали при мечетяхъ, гдѣ больныхъ лѣчили муллы, имамы и ахуны. Дунганскіе начальники не пользовались никакими матеріальными преимуществами и получали тоже самое, что и простые рядовые. За неповиновеніе старшимъ, виновнымъ отсѣкали головы.—Грабежъ солдатъ строго наказывался. Если во время боя, дунганскій солдатъ подинмалъ съ поля золото, серебро, чужое оружіе или какую нибудь вещь, то его казнили на мѣстѣ. Послѣ боя, вся добыча отъ побѣжденнаго непріятеля поступала полностію въ общественныя кассы. Кто курилъ табакъ или опіумъ, или пилъ вино, тѣхъ наказывали также весьма строго.

Одно изъ первыхъ мѣстъ въ началѣ возстанія Дунганъ занималъ нѣкто Хаджи-Ахунъ ([1]) — пользовавшійся почетомъ во всей Новой Кульджѣ, какъ человѣкъ, проживиій 15 лѣтъ въ Меккѣ. Вмѣстѣ съ нимъ упоминается постоянно, вѣроятно какъ его помощникъ, Султанъ Мазамъ или Махзаметъ-ханъ, который за полгода до возстанія сидѣлъ въ тюрьмѣ, по подозрѣнію китайскихъ властей, не смотря на то, что

([1]) Онъ былъ начальникомъ въ Илійской провинціи, и распорядился, чтобы добыча изъ буддійскихъ кумирень поступала на содержаніе гробницъ двухъ мусульманскихъ святыхъ и на содержаніе при нихъ сторожей. Одна гробница, въ урочищѣ Кургасъ-Тайссы,—Темиръ-Хана; другая, находящаяся между Чанъ-Пандзы и Кульджею, Шейкъ-Магометъ-Садыка, изъ Медины. При этихъ двухъ гробницахъ жили, въ качествѣ сторожей, 200 мусульманскихъ семействъ.—Въ другихъ мѣстахъ, охваченныхъ возстаніемъ Дунганъ, изъ мѣдныхъ бурхановъ (идоловъ), или золотыхъ и серебряныхъ вещей, находимыхъ въ кумирняхъ, чеканили монету.

онъ самъ и предки его отличались *видимою* преданностію правительству. Китайцы хотѣли поправить ошибку и освободили изъ тюрьмы Махзамъ-хана, давшаго обѣщаніе китайскимъ властямъ подавить мятежъ.—Но Махзамъ-ханъ *обманулъ* Китайцевъ и присталъ къ мятежникамъ, въ качествѣ ихъ предводителя, на мѣсто убитаго, по его проискамъ, предводителя ново-кульджинскихъ мятежниковъ, Абдрасуль-Эмира.

Въ началѣ возстанія инсургенты оставляли все управленіе краемъ въ томъ же порядкѣ, какъ это было при Манджурахъ; только послѣднимъ подстригали усы, въ знакъ того, что начнутся мусульманскіе порядки. Выступая противъ Манджуровъ, Дунгане возили съ собою важнѣйшихъ изъ императорскихъ чиновниковъ, признавшихъ надъ собою власть инсургентовъ, съ тою цѣлію, чтобы они дрались противъ Манджуровъ же. Однако вскорѣ открылось, что манджурскіе чиновники переписываются съ своимъ прежнимъ правительствомъ и всячески стараются вредить инсургентамъ. Тогда, по приговору дунганскихъ старшинъ, имъ всѣмъ отсѣкли головы. Послѣ того Дунгане, по овладѣніи какой либо страной, начали передѣлывать все на свой ладъ: всѣ мусульмане сейчасъ же сбрасывали китайскій нарядъ и одѣвались въ сартское платье; китайскія и калмыцкія божницы немедленно разрушались; дѣтей. безъ различія происхожденія, Дунгане отдавали въ мечеть на воспитаніе и обращали въ мусульманъ. Кто изъ Китайцевъ принималъ исламъ, тотъ пользовался всѣми правами Дунганъ; кто оставался буддистомъ—тотъ обращался въ работника или пастуха. Отъ женщинъ не требовалось перемѣны исповѣданія.

Ходъ дунганскаго возстанія во внутреннихъ областяхъ Китая хорошо неизвѣстенъ. Въ 1864 году, лѣтомъ, предводимые своими офицерами, Дунгане взбунтовались противъ манджурскихъ властей, взяли Урум-

чи и сожгли часть этого обширнаго города (¹). При этомъ погибли огромные склады чая (30,000 мѣстъ одного байховаго чая),—такъ какъ изъ Урумчи, какъ главнаго торговаго пункта западнаго Китая, снабжалась чаемъ вся Средняя Азія и наши степные рынки. Всѣ Манджуры, жившіе въ Урумчи, были убиты (²). Сарты, т. е. всѣ мусульмане и Дунгане и не изъ китайскаго Туркестана, жившіе въ Урумчи, оставались равнодушными во время борьбы Манджуровъ съ Дунганами; но послѣдніе заставили ихъ присоединиться къ себѣ, угрожая, въ противномъ случаѣ, истребить ихъ. Изъ Урумчи инсургенты двинулись на западъ, къ Манасу. Завладѣвъ здѣсь нѣсколькими орудіями, они продолжали двигаться на Куръ-Кара-Усу. Илійскій дзянъ-дзюнъ (генералъ-губернаторъ) выслалъ противъ мятежниковъ изъ Кульджи войска, которыя были разбиты и отступили, чрезъ Талкинскій проходъ, къ Баяндаю. Результатомъ этой побѣды было волненіе между илійскими Дунганами и Сартами. Одновременно съ движеніемъ на Манасъ, часть инсургентовъ направилась на югъ отъ Урумчи, и, переваливъ черезъ Тянь-шаньскій хребетъ, вступила въ предѣлы Туркестана.

Лѣтомъ 1864 года, Дунгане перешли черезъ Тянь-Шань и двинулись по направленію къ г. Куча (³). Соединившись въ Кучинскомъ округѣ съ мусульмана-

---

(¹) Въ Урумчи считалось до возстанія, какъ утверждаютъ, до 2,000,000 жителей (вѣроятно съ окрестностями).

(²) Даже въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ показано китайскими чиновниками до 130,000 Манджуровъ убитыми при штурмѣ Урумчи (Записка г. Захарова).

(³) О. Покровскій говоритъ, что возстаніе въ г. Куча началось по слѣдующему побужденію: китайскій чиновникъ увлекся одной дунганкой, за что дунганка была зарѣзана своимъ отцомъ. Чиновникъ обидѣлся на отца своей любимицы и распорядился зарѣзать какъ отца, такъ и нѣкоторыхъ его родственниковъ. Кучинскіе Дунгане, возмущенные подобнымъ поступкомъ китайскаго чиновника, возстали поголовно и, убивши виновника, вырѣзали всѣхъ китайскихъ чиновниковъ въ городѣ.

ми и Дунганами, служащими въ расположенныхъ здѣсь войскахъ, они овладѣли городомъ и опять перерѣзали всѣхъ Манджуровъ; тѣмъ изъ туземныхъ мусульманъ, которые оставались равнодушными къ возстанію Дунганъ, было предложено на выборъ: либо пристать къ сторонѣ инсургентовъ, либо испытать участь Манджуровъ. Конечно власть Дунганъ была признана. По взятіи Кучѝ, главнымъ начальникомъ округа и города Дунгане назначили Хана-Ходжу, одного изъ династіи ходжіевъ черногорской линіи. Усиливпись мусульманскимъ населеніемъ восточной части Туркестана, Дунгане двинулись на Аксу. Разбивши здѣсь манджурскія войска, инсургенты взяли городъ и цитадель. Судьба прочихъ туркестанскихъ городовъ постигла бы Кашгаръ и Хотанъ, если бы манджурскіе гарнизоны этихъ городовъ не были до времени спасены какимъ-то извѣстіемъ тревожнаго свойства, полученнымъ Дунганами въ Яркендѣ. Отсюда они поворотили на сѣверъ и, оставивъ гарнизоны въ завоеванныхъ городахъ, подъ начальствомъ Хана-Ходжи, сосредоточились въ Урумчи.

Вѣроятно, около этого же времени произошло возстаніе и въ Хамилѣ (¹), по крайней мѣрѣ къ половинѣ 1865 года манджурская власть тамъ не существовала. Въ сентябрѣ 1864 года мятежники напали на самую Кульджу, на улицахъ которой рѣзня продолжалась 12 дней (²). — Китайцы, отразивъ нѣсколько

(¹) Хамиль лежитъ на юговосточной оконечности Небесныхъ горъ. Іакинѳъ. Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, ч. 2, стр. 76 (Указатель).

(²) О послѣднемъ поводѣ къ кульджинскому возстанію разсказываютъ такъ. Когда на востокѣ Дунгане одержали нѣсколько успѣховъ, изъ Пекина, въ видахъ предупрежденія, было разослано секретное приказаніе истребить всѣхъ Дунганъ. Получивъ это приказаніе, кульджинскій дцянь-дзюнъ собралъ на совѣтъ важнѣйшихъ чиновниковъ Илійской провинціи. Пока сановники разбирали предложенный вопросъ, ихъ подслушалъ слуга дцянь-дзюна, Дунганинъ по происхожденію, который и поспѣшилъ дать знать своимъ единовѣрцамъ о грозящей имъ опасности. Дунгане

разъ нападеніе мусульманъ, должны были разрушить городъ, а сами заперлись въ крѣпости, гдѣ они могли съ величайшими для себя усиліями продержаться до 3-го марта 1866 года. 3 марта 1866 года (а по показанію консула Павлинова 22 февраля) Кульджинская крѣпость была взята мусульманами, а потомъ были осаждены и другія поселенія Китайцевъ, причемъ Китайцы, не успѣвавшіе спасаться бѣгствомъ, были *поголовно вырѣзываемы*. Насколько Дунгане были озлоблены противъ Китайцевъ и насколько послѣдніе были запуганы Дунганами, объ этомъ весьма наглядно свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что при нападеніи двухъ трехъ Дунганъ, вооруженныхъ одними ножами, Китайцы падали въ страхѣ на землю иногда цѣлыми десятками и безъ всякаго сопротивленія дозволяли Дунганамъ отрѣзывать у себя поочередно головы.

Послѣ взятія Кульджинской крѣпости и раззоренія китайскихъ городовъ, мятежники направили всю свою силу на Солоновъ, какъ военныхъ поселянъ, державшихъ сторону китайскаго правительства, и нанесли ихъ селеніямъ (*кентъ*) ужасный погромъ. Въ маѣ 1866 и январѣ 1867 годовъ инсургенты раззорили и ограбили все, что только можно было раззорять и грабить. Солоны вынуждены были или переходить на сторону Дунганъ и принимать мусульманство, или же спасаться бѣгствомъ отъ мести Дунганъ. Бѣжавшіе дѣйствительно спаслись въ русскихъ владѣніяхъ, подъ защитою Борохудзирскаго отряда, гдѣ и основали небольшое поселеніе ([1]). Калмыки олётскаго рода,

---

стали открыто готовиться къ возстанію. Слухи о причинахъ, заставившихъ Дунганъ волноваться, дошли до дцянь-дзюна. Желая успокоить ихъ, онъ самъ отправился въ мусульманскую мечеть, но тутъ дунганскіе старшины надѣлали ему грубостей. Въ тотъ же день началась уличная рѣзня.

([1]) Въ Борохудзиръ бѣжали около тысячи человѣкъ Солоновъ съ праваго берега Или, подъ предводительствомъ Ильгидая Чирчи. Въ 1869

кочевавшіе на р. Текесѣ, еще въ 1865 году были разбиты и ограблены Дунганами за помощь Китайцамъ и также должны были спасаться за русской границей, которую они перешли въ количествѣ 2,000 юртъ. Военные поселяне изъ племени Сибо, обитавшіе на лѣвомъ берегу рѣки Или, въ семи кентахъ, т. е. поселкахъ, вынуждены были заблаговременно признать надъ собой власть Дунганъ и принять мусульманство и только поэтому остались неистребленными. Но послѣ и Сибо, хотя далеко не всѣ, должны были бѣжать въ русскіе предѣлы Семирѣчья и тамъ искать себѣ окончательнаго спасенія и спокойствія. И на самомъ дѣлѣ, Сибо и ихъ соплеменникамъ и сотоварищамъ по бѣдственному положенію ничего болѣе не оставалось, какъ бѣжать въ русскія Семирѣченскія владѣнія, потому что на мѣстѣ ихъ прежняго жительства не было уже никакой надежды на спокойное житье: китайскіе гарнизоны въ крѣпостяхъ были вырѣзаны; крѣпости были разрушены до основанія; надежды на прибытіе къ мѣсту этой ужасной, безпощадной рѣзни новыхъ китайскихъ войскъ не было; на вмѣшательство могущественнаго сосѣда — Россіи разсчитывать было нельзя. При такомъ положеніи дѣлъ всѣмъ монгольскимъ племенамъ предстояла одна возможность избѣжать переселенія въ чужую сторону — присягнуть въ вѣрности новому мусульманскому правительству. Но отъ Дунганъ они всегда должны были ожидать себѣ мщенія за прежнюю свою вѣрность Китайцамъ и потому рѣшились бѣжать, не взирая на всѣ трудности такого отчаяннаго предпріятія, и въ 1867 году цѣлыя тысячи ихъ бѣжали въ копальскій и вѣрненскій уѣзды Семирѣченской области.

Нужно было видѣть собственными глазами этихъ несчастныхъ бѣглецовъ, чтобы судить о всѣхъ перене-

---

году онъ домогался отъ Русскихъ похода противъ Таранчей и обѣщалъ содѣйствіе всѣхъ Калмыковъ и Сибо.

сенныхъ ими бѣдствіяхъ. — Это были окончательно раззоренные бѣдняки, бѣжавшіе въ паническомъ страхѣ, кто въ чемъ могъ и успѣлъ спастись. Старики, взрослые, дѣти, мужчины и женщины, пѣшіе и конные—цѣлыми массами стремились въ Семирѣчье, какъ къ тихому пристанищу,—стремились въ безпорядкѣ, съ поспѣшностію свойственною большому страху. Многіе изъ нихъ за дорогу отъ Кульджи до Копала отдали проводникамъ Киргизамъ всѣ свои драгоцѣнности, а иные—ужасно сказать—отдавали собственныхъ дѣтей въ рабство тѣмъ же Киргизамъ единственно за кусокъ хлѣба. Такой страшный голодъ испытывали бѣжавшіе въ дорогѣ!

При такихъ невѣроятныхъ усиліяхъ въ борьбѣ за жизнь, около 4,000 несчастныхъ переселенцевъ добрались наконецъ до г. Копала, гдѣ положеніе ихъ, благодаря вниманію и заботливости мѣстной администраціи и русскаго населенія Копала, скоро улучшилось. Семирѣченское русское правительство благоразумно обласкало переселенцевъ, потому что они заслуженно пользовались славою самаго трудолюбиваго земледѣльческаго населенія въ При-Илійской провинціи Китая, гдѣ они довели земледѣліе, садоводство, огородничество и лѣсоводство до такой степени совершенства, какую мы можемъ только гадательно представить себѣ.—Кромѣ того въ данное время они представляли собою неоцѣненныя рабочія руки, въ которыхъ тогда такъ нуждалось наше Семирѣчье. Поэтому невольно приходится пожалѣть, что значительная часть такихъ дорогихъ переселенцевъ, вслѣдствіе подстрекательства китайскихъ чиновниковъ, завѣрявшихъ ихъ въ возможности возвращенія всѣхъ въ Кульджинскіе предѣлы и въ возможности спокойной жизни тамъ, подъ охраною новыхъ и многочисленныхъ китайскихъ полчищъ, двинулись обратно къ китайской границѣ, между тѣмъ какъ всѣ они, обла-

сканные Русскими въ Семирѣчьѣ, были склонны къ принятію русскаго подданства ([1]).

II. Этнографическія свѣдѣнія о китайскихъ эмигрантахъ, поселившихся въ Семирѣченской области.

Оставшіеся въ копальскомъ уѣздѣ Семирѣченской области эмигранты, принадлежа къ монгольской расѣ, подраздѣляются на нѣсколько народностей, отличающихся одна отъ другой какъ въ отношеніи языка и религіи, такъ и въ отношеніи образа жизни. Было-бы весьма желательно представить о каждой изъ этихъ народностей болѣе или менѣе подробныя этнографическія данныя для большаго уясненія себѣ послѣдующей ихъ внѣшней и внутренней жизни въ Семирѣчьѣ; но мы имѣемъ возможность исполнить это только по отношенію къ Дауръ-солонамъ и Калмыкамъ, и только отчасти по отношенію къ Сибо-солонамъ.

1) Дауръ-солоны.

Точно и подробно опредѣлить происхожденіе и этнографическія особенности Дауръ-солоновъ мы не можемъ за неимѣніемъ для этого данныхъ и потому ограничимся сообщеніемъ о нихъ лишь немногихъ свѣдѣній. — Дауръ-солоны принадлежатъ къ тунгузскому племени и первоначально жили въ Манджуріи, по рѣкѣ Амуру, извѣстной у Китайцевъ подъ названіемъ *Хей-лунъ-цянь*, что значитъ: „Черный драконъ“,

---

([1]) См. Извѣстія Императорскаго русскаго географическаго общества 1866 г. Т. II, часть 2, стр. 75—96, ст. «О возстаніи мусульманскаго населенія, или Дунганъ въ западномъ Китаѣ»; Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ, вып. II, (Спб. 1873 г.), стр. 202—206, ст.: «Краткій очеркъ политическихъ событій въ Кульджѣ, со времени возстанія мусульманъ противъ Китайцевъ».—Турк. вѣдом. 1873 г. № 19 ст.: «Изъ прежняго быта Калмыковъ-эмигрантовъ».

а у Манджуровъ подъ именемъ *Саха-лянъ-ула*, что значитъ: „Черная рѣка". Съ глубокой древности они управлялись разными тунгузскими владѣтельными домами и находились въ сношеніяхъ съ сосѣдними монгольскими народами, а въ XVII столѣтіи сдѣлались извѣстны Русскимъ, уже какъ подвластные Китаю. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича стали носиться слухи, что по рѣкѣ Шилкѣ сидятъ многіе пахатные хлѣбные люди и живетъ князекъ Лавкай, у котораго на устьѣ рѣки Уры есть серебряная, мѣдная и свинцовая руда и хлѣба всякаго много. На основаніи этихъ слуховъ якутскій воевода Головинъ отправилъ въ 1643 г. на рѣки Зію и Шилку письменнаго голову Василія Пояркова съ 133 человѣками „для государева ясачнаго сбору, для пріиску вновь неясачныхъ людей, серебряной, мѣдной и свинцовой руды и для хлѣба". По возвращеніи изъ экспедиціи, Поярковъ донесъ своему начальству, что тѣ землицы (въ которыхъ онъ ходилъ) людны и хлѣба родится много и что рѣки рыбны и государевымъ ратнымъ людямъ хлѣбной скудости ни въ чемъ не будетъ.

Вслѣдствіе разсказовъ Пояркова о богатствѣ приамурскихъ странъ, въ 1649 году ходилъ на Амуръ Хабаровъ и въ 1650 году, возвратившись въ Якутскъ, донесъ, что на славной великой рѣкѣ Амурѣ живутъ „*даурскіе*" (1) люди, пахатные и скотные и что въ той великой рѣкѣ всякой рыбы много, а по берегамъ луга великіе и пашни, лѣса темные большіе, соболя и всякаго звѣря много, государю казна будетъ великая.—По донесенію Хабарова, на даурскихъ поляхъ

---

(1) Въ Энциклопедическомъ словарѣ, издан. Плюшара, говорится, что выраженія: «Даурія, Дауры», не племенныя названія, а означаютъ просто *дальнихъ* людей по отношенію къ Россіи; на языкѣ сибиряковъ выраженіе „*дауръ*" означаетъ: глушь, даль, уголъ, украину. Это названіе и было придано племенамъ, жившихъ по р. Амуру, а сами Дауры не знаютъ такого названія. (См. т. XV, стр. 386—387).

родится ячмень и овесъ, просо, горохъ, гречиха и сѣмя конопляное и что если *даурскіе* князьки покорятся государю, то прибыль будетъ большая....... что *даурская* земля будетъ прибыльнѣе Лены, да и противъ всей Сибири будетъ мѣсто украшено и изобильно. Въ томъ же 1650 году около Хабарова собралось 170 человѣкъ охотниковъ, съ которыми онъ и отправился на Амуръ, взявъ съ собою три пушки. Дауры рѣшились не дозволять пришельцамъ селиться между ними и брать съ нихъ ясакъ. Не доходя до города Либозина (Албазина?) Хабаровъ встрѣтилъ Дауровъ въ полѣ, разбилъ ихъ и занялъ городъ, оставленный жителями. Князекъ Гугударъ далъ также сильный отпоръ Русскимъ изъ своего городка и когда Русскіе требовали отъ него ясака для великаго государя, Гугударъ отвѣчалъ: „даемъ мы ясакъ богдойскому (китайскому) царю, а вамъ какой ясакъ у насъ? Хотите ясакъ, что мы бросаемъ послѣднимъ своимъ ребятамъ“? И „настрѣляли Дауры, пишетъ Хабаровъ, изъ города къ намъ на поле стрѣлъ, какъ нива стоитъ насѣяна. И тѣ свирѣпые Дауры не могли стоять противъ государевой грозы и нашего бою“. Хабаровъ взялъ городокъ, положивши на мѣстѣ болѣе 600 непріятелей. Весною 1652 г. Хабарову пришлось имѣть дѣло уже съ манджурскими войсками, но и тогда (24 марта) побѣда осталась за Хабаровымъ. Послѣ этого Хабарову нельзя было разсчитывать на дальнѣйшій успѣхъ и онъ писалъ объ этомъ въ Якутскъ. Въ 1653 году на Амуръ пріѣхалъ дворянинъ Зиновьевъ съ государевымъ жалованьемъ—золотыми Хабарову и его товарищамъ. Хабаровъ сдалъ ясакъ Зиновьеву и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Москву, а „приказнымъ человѣкомъ великой рѣки Амура новой *Даурской* земли“ оставленъ Онуфрій Степановъ. Послѣдній въ 1654 году имѣлъ также дѣло съ китайскимъ войскомъ, послѣ котораго китайкое правительство запретило прибрежнымъ жителямъ сѣять хлѣбъ, чтобы Русскимъ нельзя было доставать себѣ хлѣба и

распорядилось, чтобы подданные Китая переселились на рѣку Наунъ, берущую истокъ къ югу отъ Амура. Въ 1655 году Степановъ, укрѣпившійся на устьѣ рѣки Камары, выдержалъ и отбилъ нападеніе 10,000 войска китайскаго и снова началъ пробираться за хлѣбомъ на Амуръ и Шингалъ; но въ 1656 году вышелъ указъ китайскаго царя свести всѣхъ дучеровъ (дауровъ?) съ Амура и Шингала. Степановъ пришелъ было за хлѣбомъ и за ясакомъ, но не нашелъ на прежнихъ мѣстахъ никого и ничего (1)! — Съ этого времени вошло въ употребленіе названіе *Дауръ*, названіе, данное имъ Русскими 17-го столѣтія (2). Что же касается названія „*Солонъ*", то объяснить его мы не можемъ.

Переселенные китайскимъ правительствомъ съ береговъ Амура въ При-Илійскій край, Дауръ-солоны начали тамъ осѣдлую земледѣльческую жизнь и жили, подобно казакамъ, отдѣльными поселками, состоявшими изъ 100—150 дворовъ.—Каждый такой поселокъ составлялъ такъ называемый *Сумунъ* (эскадронъ, конный полкъ), въ которомъ числилось до сотни строевыхъ конныхъ воиновъ. Зачисляясь въ войско съ 15 лѣтъ, Дауръ-солоны, въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ, жили дома и почти ежедневно ходили на ученье, гдѣ обучались подъ руководствомъ старшихъ урядниковъ главнымъ образомъ стрѣльбѣ изъ луковъ; по достиженіи же совершеннолѣтія и по окончаніи предварительнаго обученія стрѣльбѣ, они зачислялись уже въ строй, поступали въ дѣйствительную службу и получали отъ своего правительства ежемѣсячное содержаніе по 3 р. 50 к. на наши деньги и готовое ору-

---

(1) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева, т. XII, Москва, 1870 г. стр. 306—713.

(2) Энциклопедическій лексиконъ Плюшара. Спб. 1838 г. т. XV, стр. 386—387; ср. Географическій статистическій словарь Россійской имперіи Семенова. Спб. 1865 г. т. II, стр. 15.

жіе—лукъ и стрѣлы. Всѣ остальныя принадлежности воина, даже и лошадей, Дауръ-солоны должны были имѣть отъ себя. Срокъ обязательной строевой службы для Дауръ-солоновъ былъ непродолжителенъ, именно два года, и эту необременительную по продолжительности службу они отбывали по очереди. Состоя на службѣ, Дауръ-солоны участвовали въ походахъ (большею частію на Кашгаръ и Чугучакъ), а въ свободное отъ походовъ время упражнялись отъ трехъ до четырехъ разъ въ годъ въ военныхъ маневрахъ.— Неслужилое, свободное отъ отбыванія очередной воинской повинности, населеніе Дауръ-солоновъ отличалось миролюбивымъ характеромъ и трудолюбіемъ, занимаясь преимущественно земледѣліемъ, огородничествомъ и садоводствомъ. Въ Кульджинскомъ краѣ было не мало дауръ-солонскихъ выселковъ и въ каждомъ изъ нихъ были огороды, сады и цвѣтники. Въ огородахъ у нихъ росли въ изобиліи разные овощи, среди которыхъ красиво подымались подсолнечники, стручковый перецъ и лукъ; въ садахъ росли яблони, груши, урюкъ, виноградъ и пр.; въ цвѣтникахъ пестрѣли различные цвѣты въ клумбахъ, зеленѣли бесѣдки съ висящими по ихъ бокамъ кувшинными тыквами. Занятіе земледѣліемъ, при умѣньи и усердіи Дауръ-солоновъ и при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ давало имъ столь обильные урожаи, что поселенія Дауръ-солоновъ служили для всего Кульджинскаго края неистощимою житницею. Достаточность Дауръ-солоновъ ясно была замѣтна въ каждомъ домѣ по серебрянымъ браслетамъ, ожерельямъ, серьгамъ и прочимъ украшеніямъ женщинъ и по достаточному количеству запаснаго серебра въ деньгахъ. — Поэтому въ дауръ-солонскіе поселки охотно шли и китайскіе музыканты и китайскіе актеры и калмыцкіе гецулы со сборомъ на монастыри. Дауръ-солоны охотно принимали всѣхъ ихъ и щедро одаряли, потому что были у нихъ основанія повеселить-

ся во время и было изъ чего удѣлить часть съ благотворительною цѣлію.

Объ общественной экономической мудрости Дауръ-солоновъ краснорѣчиво говорятъ ихъ запасные хлѣбные магазины, изъ которыхъ каждый нуждающійся могъ взять за извѣстный процентъ извѣстную часть хлѣба. Проценты эти шли въ пользу совершенно неимущихъ людей, прокармливавшихся такимъ образомъ на общественный счетъ. Это немудреное въ сущности правило дало возможность Дауръ-солонамъ не видѣть въ своихъ поселкахъ нищенства, какое въ сосѣднихъ китайскихъ поселеніяхъ было обыкновеннымъ явленіемъ. Первичная простота жизни и патріархальность нравовъ отличали домашнюю и общественную жизнь Дауръ-солоновъ. Всѣ старшаго возраста ихъ соплеменники были у нихъ въ большомъ почтеніи: каждый младшій при встрѣчѣ съ старшимъ, гдѣ бы ни произошла эта встрѣча, обязанъ былъ встать на одно колѣно и сдѣлать установленный поклонъ. Если младшій ѣхалъ верхомъ на лошади, то при встрѣчѣ со старшимъ онъ обязанъ былъ еще за нѣсколько шаговъ слѣзть съ лошади, встать на одно колѣно и поклониться. Оскорбленіе старшаго, въ какой бы формѣ ни было, и даже противорѣчіе ему въ разговорѣ считалось у Дауръ-солоновъ большимъ преступленіемъ. Для управленія дауръ-солонскими выселками назначался особый чиновникъ *(Зангъ)*, который деспотически распоряжался въ выселкѣ, давая полный просторъ своему самодурству и употребляя всякія насилія въ отношеніи своихъ подчиненныхъ.

Дауръ-солоны исповѣдывали языческую (шаманскую) вѣру и въ религіозныхъ дѣлахъ находились въ зависимости отъ своихъ шамановъ, извѣстныхъ у нихъ подъ именемъ *ядган*'овъ. Ядганы, носившіе особую шаманскую одежду и употреблявшіе, при отправленіи своихъ религіозныхъ обрядовъ, разныя спеціальныя принадлежности, имѣли особенно большое вліяніе на Дауръ-солоновъ, пока они жили въ Манджу-

ріи. Съ выселеніемъ Дауръ-солоновъ въ Кульджинскій край, вліяніе ядгановъ пало, такъ что впослѣдствіи они, не смотря на свое жреческое званіе, записывались на ряду съ прочими Дауръ-солонами въ строевые отряды и участвовали въ походахъ и въ воинскихъ упражненіяхъ. Спеціальная же обязанность ядгановъ состояла въ распознаваніи характера болѣзней Солоновъ, въ опредѣленіи злаго духа (шуркулъ), составляющаго, по ихъ вѣрованіямъ, причину болѣзни и въ назначеніи жертвы для изгнанія этого духа и исцѣленія больнаго. Въ большинствѣ случаевъ кудесническія знанія ядгановъ переходили отъ отца къ сыну и содержались въ извѣстномъ родѣ подъ величайшимъ секретомъ, какъ дорогое достояніе рода. Своими знаніями и вліяніемъ на простой народъ ядганы нерѣдко злоупотребляли, такъ какъ не всегда соглашались идти къ больному для изгнанія изъ него шуркула.... Но въ подобныхъ случаяхъ родственники больнаго не стѣснялись употреблять въ отношеніи всесильнаго шамана даже и насильственныя мѣры и притомъ не очень скромнаго свойства, въ родѣ толчковъ, пинковъ и всякаго рода побоевъ вообще.

Во время своего столѣтняго проживанія въ Кульджинскомъ краѣ, среди Китайцевъ и Калмыковъ, Дауръ-солоны забыли многое изъ своихъ шаманскихъ вѣрованій и преданій и стали индифферентнѣе относиться къ вѣрованіямъ своихъ сосѣдей—Китайцевъ и Калмыковъ. Продолжая по старинѣ приносить жертвы разнымъ духамъ, они въ то же время съ спокойною совѣстію посѣщали китайскіе и буддійскіе молельни и участвовали въ совершаемомъ въ нихъ богослуженіи. Такое охлажденіе Дауръ-солоновъ къ своему шаманству можно объяснить прежде всего общеприсущимъ каждому языческому вѣрованію характеромъ терпимости къ другимъ религіямъ; но рядомъ съ этою внутреннею причиною дѣйствовала и чисто внѣшняя причина, находившая себѣ поддержку въ

первой. То было вліяніе калмыцкихъ ламъ, весьма искусныхъ во врачебномъ знахарствѣ и подрывавшихъ такимъ образомъ авторитетъ у дауръ-солонскихъ ядгановъ. Довольно значительная ученость ламъ имѣла также весьма большое вліяніе на уменьшеніе нравственнаго авторитета дауръ-солонскихъ шамановъ. Дауръ-солоны отъ калмыцкихъ ламъ научились лѣтосчисленію и основнымъ понятіямъ о природѣ вообще, о громѣ, молніи, дождѣ и другихъ явленіяхъ въ частности. Вмѣстѣ съ знаніемъ природы Дауръ-солоны переняли у ламъ и нѣкоторые чисто религіозные обряды, напр. извѣстное складываніе рукъ во время поклоненія бурханамъ и т. п. Рядомъ съ калмыцко-ламайскимъ вліяніемъ, и даже еще ранѣе его, Дауръ-солоны подчинились и китайскому вліянію. Отъ китайцевъ они заимствовали обычай праздновать новый годъ; у нихъ же они научились музыкѣ, танцамъ и пѣснямъ. На совмѣстное дѣйствіе этихъ двухъ вліяній на Дауръ-солоновъ указываютъ весьма ясно собственныя имена послѣднихъ: у женщинъ исключительно китайскія, а у мужчинъ какъ китайскія, такъ и калмыцкія.

Въ семейной и общественной жизни Дауръ-солоновъ господствовалъ мужчина, которому была порабощена женщина, вступавшая въ свои права только по достиженіи почтеннаго возраста. До этого-же времени она была рабою мужа, а до замужества находилась подъ строгимъ надзоромъ и въ полной власти своихъ родителей. Къ замужеству солонскія женщины, какъ и у всѣхъ почти азіатскихъ народовъ, предназначались весьма рано. Онѣ просватывались обыкновенно еще въ дѣтскомъ возрастѣ, часто двухъ лѣтъ, и, считаясь съ этого времени невѣстами, находились подъ строгимъ надзоромъ родителей, которые воспитывали ихъ въ разобщеніи съ мужскимъ поломъ. По понятіямъ и обычаямъ Солоновъ, дѣвочкѣ не прилично было играть съ мальчиками—сверстниками, а тѣмъ болѣе разговаривать съ мужчиной. Освободившись

изъ подъ опеки родителей, съ выходомъ за мужъ, солонскія дѣвушки становились рабами своихъ мужей и находились подъ строгою опекою своихъ свекровей. Замужество не давало Солонкѣ личныхъ правъ и свободы и только по достиженіи почтенныхъ лѣтъ, когда дѣти ея достигали зрѣлаго возраста, она, будучи уже женою и матерью, пріобрѣтала значеніе самостоятельной женщины. Рожденіе дѣтей считалось у Солоновъ главною цѣлію супружеской жизни; поэтому, въ случаѣ неплодства жены, Солонъ имѣлъ право жениться на другой женѣ. Равнымъ образомъ и жена, если оставалась по смерти мужа бездѣтною, могла вступать въ новый бракъ послѣ трехлѣтняго траура. И имѣя дѣтей, она лишалась права на вступленіе во второй бракъ только тогда, когда у нея, по смерти мужа, оставался сынъ. — Если же оставались однѣ только дочери, то женщина могла вступать во второй бракъ; потому что цѣль супружества, по понятію Солоновъ, вполнѣ достигалась не просто рожденіемъ дѣтей, а рожденіемъ именно *мальчиковъ;* рожденіе же дѣвочекъ какъ бы не считалось завершеніемъ супружеской жизни, что и давало право вдовѣ-матери однѣхъ дочерей вступать во второй бракъ.

О религіи Дауръ-солоновъ трудно составить полное и опредѣленное представленіе. Замѣчено однако, что въ основѣ ихъ міросозерцанія лежитъ дуалистическое начало: два духа—добрый и злой одновременно управляютъ всѣмъ міромъ. Но это характерное языческо-шаманское представленіе не было развито у Дауръ-солоновъ въ строго послѣдовательную и въ подробностяхъ обработанную систему. Метафизическія представленія, требующія для своей обработки значительнаго умственнаго развитія, были не подъ силу Дауръ-солонамъ, которые даже такой важный вопросъ, какъ вопросъ о смерти и загробной жизни человѣка, оставили безъ всякой съ своей стороны попытки къ ясному и опредѣленному представленію его. Быть можетъ впрочемъ, что Солоны имѣютъ объ

этихъ предметахъ какія либо и опредѣленныя представленія, но въ настоящее время намъ объ этомъ почти ничего неизвѣстно. Неизвѣстно также и то, какими религіозными обрядами сопровождались у нихъ разные важные случаи въ семейной жизни человѣка, каковы: рожденіе, бракосочетаніе и похороны; извѣстно только, что во всѣхъ этихъ случаяхъ участіе шамановъ не считалось настоятельно необходимымъ. Имена новорожденнымъ давались по личному усмотрѣнію родителей или родственниковъ и характеризовали обыкновенно физическую природу родившагося ребенка, и притомъ имена мальчиковъ указывали болѣе на мужество, крѣпость силъ (*Косо*—желѣзо, *Лапту* дубинка), а имена дѣвочекъ указывали уже на красоту (*Хунъ-хуалъ* красный цвѣтокъ, *Лю-хуалъ* зеленый цвѣтокъ, *Лапши-хуалъ* хлѣбный цвѣтокъ, *Му-хуалъ* древесный цвѣтокъ). Черезъ два-три дня, или чрезъ недѣлю, смотря по состоянію здоровья родительницы, отецъ новорожденнаго устроивалъ въ своемъ домѣ пиръ, на который приглашалъ всѣхъ родныхъ своихъ и знакомыхъ. Всѣ гости обязаны были приносить съ собою какой нибудь подарокъ новорожденному. Пированіе продолжалось только одинъ день. Бракосочетаніе у Солоновъ сопровождалось также однодневнымъ пиромъ въ домѣ жениха, но пиръ этотъ былъ обильнѣе яствами и въ немъ принимали участіе гораздо болѣе гостей, чѣмъ на пирѣ по случаю родинъ. Каждый гость, присутствовавшій на свадебномъ пиру, обязанъ былъ давать новобрачнымъ подарки. Калымъ не былъ извѣстенъ Дауръ-солонамъ: невѣсту выбиралъ женихъ съ согласія родителей и вводилъ ее въ домъ своего отца и матери, съ которыми и продолжалъ жить, составляя одну семью. — Похороны у Дауръ-солоновъ сопровождались также пиромъ, дѣлавшимся на пожертвованія родныхъ и знакомыхъ, пришедшихъ почтить въ послѣдній разъ память умершаго. Чѣмъ знатнѣе былъ умершій, тѣмъ болѣе было денежныхъ приношеній со стороны гостей и тѣмъ

торжественнѣе былъ прощальный обѣдъ въ честь его. Обѣдъ этотъ устроивался въ домѣ умершаго, а списокъ жертвователей на обѣдъ торжественно произносился на кладбищѣ, надъ могилой умершаго. Тѣла умершихъ простыхъ смертныхъ Дауръ-солоны обыкновенно клали въ гробы и потомъ зарывали въ землю; трупы же ядгановъ (шамановъ) закладывались камнями на холмахъ; трупы умершихъ отъ заразительныхъ болѣзней сожигались. Чрезъ сто дней послѣ похоронъ умершаго, родственники и знакомые его собирались на его могилѣ, сжигали тамъ яйца и мясо и потомъ уже въ домѣ умершаго устроивали послѣдній обѣдъ въ честь его (¹). Были ли у Дауръ-солоновъ какіе либо другіе поминки,—неизвѣстно.

Пока Дауръ-солоны жили на своей родинѣ, у нихъ не было никакихъ общественныхъ школъ; домашнее образованіе ихъ ограничивалось умѣніемъ читать и писать по манджурски и знаніемъ счетоводства. Обученіе этимъ немногосложнымъ предметамъ сопровождалось у нихъ битьемъ учащихся широкими и увѣсистыми деревянными линейками за каждый не выученный урокъ. Свѣдѣнія о природѣ и ея явленіяхъ распространялись въ народной массѣ путемъ устныхъ преданій и только грамотному меньшинству были доступны книжныя буддійскія сказанія. По представленію Дауръ-солоновъ, каждое отдѣльное явленіе физической природы управлялось особымъ духомъ (*Модуръ*), живущимъ въ глубинѣ морской, а всѣ эти духи въ свою очередь были подчинены главному стихійному духу (*Модуръ-хану*). Модуръ-ханъ на рисункахъ стѣнной живописи буддійскихъ молеленъ изображается четырерукимъ старцемъ, сидящимъ на какомъ-то чудовищѣ съ змѣиною головою и рыбьимъ хвостомъ; одною парою рукъ своихъ онъ пускаетъ въ злыхъ ду-

---

(¹) См. Туркестанскія вѣдомости 1872 г. № 6, ст. «Изъ Сарканскаго выселка».

ховъ огненныя стрѣлы, а двумя другими руками бьетъ въ барабанъ, чтобы издаваемымъ имъ звукомъ дать знать людямъ о своей борьбѣ съ злыми духами. Поэтому Дауръ-солоны безбоязненно встрѣчали громъ и молнію и не считали ихъ гибельными для людей; если же случалось, что молнія поражала кого-либо изъ людей, то Дауръ-солоны считали убитыхъ отверженными Богомъ и лишали ихъ погребенія. Въ частности же Дауръ-солоны такъ объясняли себѣ появленіе дождя, града, грома и молніи. Когда по волѣ Модуръ-хана, служебные его духи, обитающіе въ бездпѣ морской, поднимаются въ верхній слой воздуха въ видѣ рыбы, то поднявшіеся за рыбою водяные пары падаютъ на землю въ видѣ дождя безъ грома и молніи; когда Модуръ подымается въ видѣ лягушки, то отъ холоднаго дыханія ея водяные пары замерзаютъ въ воздухѣ и падаютъ на землю въ видѣ града; когда же наконецъ Модуръ поднимается въ воздухѣ въ видѣ людей, то падающій изъ тучъ сильный дождь сопровождается молніей и громомъ.

Во время лунныхъ затменій Дауръ-солоны стрѣляли изъ ружей и даже изъ пушекъ, чтобы прогнать злаго духа, намѣревающагося уничтожить это свѣтило, которому онъ мститъ съ давнихъ поръ за слѣдующее: Баркындъ-Багышъ, изобрѣтатель буддійской письменности, былъ великимъ ученымъ и святымъ и изобрѣлъ чудесное снадобье, сообщавшее людямъ безсмертіе, и живую воду. Жилъ онъ съ своими учениками въ монастырѣ. Однажды, когда Баркындъ-Багышъ вышелъ изъ монастыря, въ его келью вошелъ злой духъ, въ образѣ женщины, поѣлъ все приготовленное имъ, дававшее безсмертіе, выпилъ всю живую воду и ушелъ изъ кельи.—Возвратившись домой и не нашедши дорогихъ снадобья и питья, Баркындъ-Багышъ послалъ своихъ учениковъ розыскивать похитителя его завѣтныхъ сокровищъ и наказать его. Одинъ ученикъ Баркындъ-Багыша, по указанію солнца и луны, догналъ злаго духа—похитителя на вершинѣ высокой горы и

тарелкой разсѣкъ ему животъ, при чемъ часть вылившейся изъ его чрева живой воды произвела въ горахъ вѣчно съ тѣхъ поръ зеленѣющій верескъ и ельникъ... Злой духъ похититель былъ наказанъ, но въ свою очередь онъ поклялся отомстить солнцу и лунѣ за то, что они открыли его убѣжище ученику Баркындъ-Багына, и съ тѣхъ поръ при каждомъ удобномъ случаѣ бросается на эти свѣтила и стремится уничтожить ихъ. Но на солнце, какъ свѣтило огненное, этотъ духъ не можетъ нападать: поэтому вся злобная его месть распространяется на одну луну,—и мудрый Баркындъ-Багынъ предупредилъ объ этомъ людей: по его завѣщанію во время лунныхъ затменій, происходящихъ отъ нападенія на луну мстительнаго духа, Дауръ-солоны подымаютъ всеобщій крикъ, ревъ, стукъ, стрѣльбу, чтобы устранить злого духа и не дать ему возможности уничтожить ночное солнце.

Падающія звѣзды по понятіямъ Дауръ-солоновъ означаютъ смерть кого-либо изъ людей, указывая своимъ паденіемъ мѣсто смерти человѣческаго существа. Большія падающія звѣзды указываютъ на смерть великихъ людей, а маленькія на смерть обыкновенныхъ. Поэтому къ падающимъ звѣздамъ Дауръ-солоны относятся равнодушно, безбоязненно; но явленіе кометы они всегда встрѣчали со страхомъ и смятеніемъ, потому что появленіе кометы предвѣщало имъ неизбѣжное бѣдствіе: голодъ, повальную болѣзнь и т. п. Сѣверное сіяніе Дауръ-солоны считали предзнаменованіемъ войны и по этому поводу у нихъ начинались разнообразныя гаданія о будущемъ извѣстнаго имъ политическаго міра. Вихрь считали они душею самоубійцы, не принимаемою Богомъ и вслѣдствіе этого кружащеюся на поверхности земли, пока не наступитъ опредѣленный ей Богомъ срокъ для жизни на землѣ ([1]).

([1]) См. Туркест. вѣдом. 1872 г. № 23, ст. *«Изъ прежняго быта китайскихъ эмигрантовъ»*.

2) Сибо-солоны.

Сибо-солоны, по разсказамъ однихъ (1), были выходцами изъ мѣстности, прилегающей къ китайской горѣ Шанъ-хай-фу, а по разсказамъ другихъ изъ мѣстности Джаннанъ, находящейся къ сѣверу отъ Китая. Одновременно съ Дауръ-солонами они были выселены въ При-Илійскую провинцію Китая и находились въ войнахъ подъ начальствомъ Джао-дзяньдзюня, посланнаго китайскимъ правительствомъ овладѣть Кульджею. Семь лѣтъ стояли они около Талкинскаго перевала и когда Кульджа сдалась Китайцамъ, Сибо-солоны остались жить въ окрестностяхъ Кульджи. Нѣкоторые изъ нихъ вызвали къ себѣ съ родины женъ, а другіе женились на мѣстныхъ калмычкахъ.

Какъ народъ осѣдло-земледѣльческій (2), Сибо-солоны поселились, въ количествѣ первоначально 800 человѣкъ, на лѣвомъ берегу р. Или въ мѣстности Холзигеръ, между Кульджею и Чунджинскимъ постомъ и образовали семь небольшихъ военныхъ поселковъ (*кентъ*), расположенныхъ вдоль караванной дороги. Каждый такой поселокъ былъ обнесенъ, какъ и всѣ китайскія поселенія, стѣною, образующею прямоугольный четыреугольникъ. Въ настоящее время всѣхъ Сибо-солоновъ насчитываютъ до 15,448 душъ.

Во время господства въ краѣ Таранчей, Сибо-солоны находились въ угнетеніи отъ нихъ: Таранчи питали къ Сибо-солонамъ полное презрѣніе, употребляли ихъ на разныя казенныя работы и содержали ихъ въ военной службѣ. Будучи народомъ весьма трудолюбивымъ, Сибо-солоны были окончательно деморализованы китайскимъ управленіемъ, превратились въ людей забитыхъ, безхарактерныхъ и неимовѣрно

---

(1) Такъ разсказывалъ намъ въ г. Вѣрномъ Дауръ-солонъ Плесу, состоящій переводчикомъ при военномъ губернаторѣ Семирѣченской области.

(2) Кромѣ осѣдлыхъ, есть и кочующіе Сибо-солоны, которые также живутъ въ Кульджинскомъ краѣ и исповѣдуютъ языческую вѣру.

трусливыхъ. Потерявши всякое самоуваженіе и самолюбіе, они жили въ страшной нищетѣ и грязи, такъ какъ все рабочее время проводили надъ исполненіемъ казенныхъ работъ, надъ ломкою и доставкою каменнаго угля, надъ постройкой городскихъ стѣнъ. Трусость ихъ неимовѣрна: во время возстанія Дунганъ достаточно было въ кентѣ Сибо показаться одному Дунганину или Таранчинцу, чтобы привести все населеніе въ смертельный страхъ; а десятокъ инсургентовъ истреблялъ цѣлые сотни военныхъ поселянъ изъ племени Сибо. Будучи такими трусами, Сибо заблаговременно и добровольно покорились Таранчамъ, постоянно держали ихъ сторону и потому не были истреблены подобно Солонамъ. Таранчи продолжали угнетать ихъ и обременять всякаго рода повинностями и работами, почему они сильно ненавидѣли ихъ, но, при отсутствіи личнаго мужества и при численномъ перевѣсѣ Таранчей, не только не думали о возстаніи, но и не рѣшались на первыхъ порахъ бѣжать въ русскія предѣлы по примѣру Солоновъ. Между тѣмъ къ Русскимъ они очевидно относились съ довѣріемъ и расположеніемъ, какъ это видно между прочимъ изъ слѣдующаго отвѣта, даннаго ими одному русскому человѣку, имѣвшему случай разговаривать съ ними о намѣреніяхъ Таранчей: „Мы народъ бѣдный, ничего не знаемъ; Таранчи пріѣдутъ, прикажутъ, что хотятъ, и мы должны безусловно то исполнить. А съ Русскими у насъ одинъ Богъ; призываю Его въ свидѣтели, что говорю правду“. По достовѣрнымъ слухамъ въ 1868 году они посылали къ Русскимъ письменную просьбу о дозволеніи имъ выселиться въ русскіе предѣлы и о высылкѣ для охраненія ихъ отряда; но Таранчи, перехватившіе письмо, наказали зачинщиковъ; въ 1869 году Сибо готовы были всѣ возстать противъ Таранчей. По вѣрѣ Сибо—ламаисты (¹).

(¹) См. Матеріалы для статистики Туркестанскаго края. Ежегодникъ. Вып. II, стр. 207 и 219 вып. III, стр. 128.

3) Калмыки (1).

Калмыки, представляющіе собою остатокъ истребленнаго Китайцами при помощи Киргизъ, въ половинѣ XVIII-го столѣтія, джунгарскаго народа, имѣютъ плоское лице съ выдающимися скулами, ввалившимся подбородкомъ и закинутымъ назадъ лбомъ. Глаза у нихъ маленькіе, похожіе на узкіе щели, расположенныя на косой линіи; губы безцвѣтныя, сложенныя въ странную, почти идіотическую и вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо-грустную улыбку; широкіе ярко-бѣлые зубы у мужчинъ бываютъ окрашены у женщинъ черною краскою; волосы на головѣ прямые, торчащіе, жесткіе и непремѣнно черные; волосы на бородѣ рѣдкіе и жесткіе; кожа на тѣлѣ грубая и смуглая; ростъ средній, приближающійся къ низкому; плечи широкія; руки длинныя, лѣниво болтающіяся по бокамъ; ноги—кривыя, выгнутыя въ голеняхъ; говоръ—рѣзкій, острый, съ сильными придыханіями. Къ этимъ внѣшнимъ признакамъ необходимо прибавить длинную жесткую косу, какую мужчицы заплетаютъ изъ небритыхъ на затылкѣ волосъ и непріятный запахъ чесноку, нюхательнаго табаку и пота. По характеру Калмыки кротки, благодушны и страшно безпечно-лѣнивы; искусственно возбужденная веселость смѣняется у нихъ глубокою меланхоліей. Обыкновенно застѣнчивые, Калмыки горячатся, если раздразнить ихъ. Они легковѣрны и страстно любятъ разсказы и сказки; физическій трудъ презираютъ и не отличаются строгою нравственностію; за то по великодушію, откровенности и гостепріимству Калмыки рѣзко отличаются отъ нравственно испорченныхъ Китайцевъ. Калмыки—отличные пастухи и обладаютъ остротою внѣшнихъ чувствъ. Суровый климатъ, продолжитель-

(1) Семирѣченскіе калмыки называютъ себя «*калмак*ами».

ный холодъ и всякую вообще нужду они легко переносятъ. Они ловки и сильны и отличаются въ верховой ѣздѣ.

Жильемъ Калмыковъ служатъ ихъ юрты, т. е. войлочные шатры, имѣющіе около 10 фут. высоты, съ двойною дверью и отверстіемъ для дыма; на лѣвой сторонѣ отъ двери помѣщаются мужчины, а на правой женщины. Ковры и тюфяки бываютъ только у богатыхъ Калмыковъ; бѣдные довольствуются войлоками. Домашнюю утварь Калмыковъ составляютъ желѣзный котелъ, чашка, кожаные мѣхи для воды, деревянная посуда для молока, блюдо, лопата, ножъ и сундукъ съ бурханами, драгоцѣнными вещами и уборами. На бараньихъ рогахъ, прикрѣпленныхъ къ стѣнамъ юрты, висятъ фитильное ружье, лукъ и стрѣлы. Питаются Калмыки отъ своихъ стадъ; хлѣба не употребляютъ и вообще довольствуются скудною пищей. Кирпичный чай составляетъ ихъ лакомство; его варятъ въ котлѣ съ молокомъ, саломъ, солью, мукою и просомъ. Кромѣ чаю Калмыки любятъ кумысъ, который они приготовляютъ дома. Женщины у Калмыковъ довольно независимы и далеко не отличаются супружескою вѣрностію: на преступную связь даже съ иновѣрцемъ онѣ смотрятъ легко. Такъ какъ значительная часть мужескаго пола Калмыковъ посвящаетъ себя духовному званію, то многоженство у нихъ поощряется. Занимаясь скотоводствомъ, Калмыки держатъ большіе табуны лошадей, стада овецъ и иногда верблюдовъ, а хлѣбопашествомъ занимаются очень мало. Мужчины пасутъ свои стада и отбываютъ военную службу. Заботы по домашнему хозяйству возлагаются у Калмыковъ на женщинъ. Калмыки, подобно Киргизамъ, раздѣляются на нѣсколько родовъ: Дсунгаръ, Торгоутъ, Кошотъ, Дюрбетъ и пр. Въ 1672 году часть Торгоутовъ проникла на западъ, поселилась въ степяхъ между Волгою и Дономъ подъ русскимъ владычествомъ, а въ 1770 году они снова откочевали на востокъ и осѣлись на р. Или,

Къ мусульманамъ вообще Калмыки относятся непріязненно, а Киргизъ въ особенности не терпятъ ([1]). Какъ народъ кочевой, Калмыки кочевали между Кульджею и Манасомъ, въ горахъ Талки, Арбанъ, Баробургасу, по берегамъ р. Манаса, а также къ востоку отъ Кульджи. Численность Калмыковъ опредѣлить точно нельзя.

Въ административномъ отношеніи Калмыки дѣлились на эскадроны (сумунъ), по 200 юртъ въ каждомъ и составляли китайскую иррегулярную кавалерію ([2]). Каждый сумунъ находился подъ управленіемъ *Гелуна* и *Занга*, изъ коихъ первый (гелунъ) былъ лице духовное и состоялъ во главѣ управленія сумуномъ, а послѣдній (зангъ) былъ свѣтскимъ мѣстнымъ начальникомъ. Какъ духовное лице, гелунъ занималъ послѣ ламы первое мѣсто; онъ имѣлъ право совершать богослуженіе и производить низшихъ ламъ своего сумуна въ *гецулы*, представлявшихъ собою духовную особу третьей степени. Какъ лице, занимавшее довольно видное мѣсто въ калмыцко-буддійскомъ клирѣ, гелунъ обязательно долженъ былъ отличаться нѣкоторыми нравственными качествами и подвигами: онъ обязанъ былъ хранить постоянное дѣвство, соблюдать постъ въ 8, 15 и 20 дни каждаго мѣсяца, брить голову, не пить вина и не курить табаку, не проливать крови и не лишать жизни не только животныхъ, но и насѣкомыхъ. Отличаясь отъ міранъ перечисленными внутренними качествами, гелунъ от-

---

([1]) Во время возстанія Дунганъ Калмыки сдѣлали нападеніе на Киргизъ байджигитскаго рода и въ продолженіе трехъ дней избивали безъ всякаго состраданія беззащитныхъ и грабили ихъ имущество; что было можно увезти съ собой, Калмыки забирали, а что брать и везти было неудобно, то они складывали въ костры и жгли.

([2]) См. Матеріалы для статистики Туркест. края. Ежегодникъ. Выпускъ 2-й (Спб. 1873 г.), ст. «О Кульджѣ», стр. 208—209.

личался отъ нихъ и своей одеждой. Въ обыкновенное время онъ носилъ длинную рубашку, закрывавшую весь его станъ до пятъ, поверхъ которой надѣвалъ желтый съ широкими рукавами халатъ; голову свою гелунъ накрывалъ желтою шляпой. Во время богослуженія гелуны надѣвали особыя одежды, довольно многосложныя по своему количеству и разнообразныя по формѣ. Мѣстопребываніе гелуна, его юрта постоянно находилась въ какомъ-нибудь одномъ сумунѣ и притомъ въ самомъ его центрѣ и отличалась отъ прочихъ юртъ покрывавшими ее бѣлыми кошмами и холщевымъ флагомъ съ молитвенною надписью, вывѣшаннымъ на высокомъ шестѣ у самыхъ дверей юрты. Въ этой юртѣ съ гелуномъ вмѣстѣ жили и его ученики (шаби), число которыхъ доходило до пяти и болѣе. — Одни изъ учениковъ гелуна были просто его служками, другіе завѣдывали его столомъ и домашнимъ хозяйствомъ, третьи наконецъ имѣли званіе гецуловъ и помогали гелуну во время совершенія имъ богослуженія. Въ ученики гелуновъ принимались обыкновенно дѣти Калмыковъ, не моложе 12-ти лѣтняго возраста.—Юрта гелуна была въ тоже время и молитвенной палаткой, гдѣ гелунъ совершалъ свои религіозные обряды, и домашней аптекой его. Не смотря на высокое положеніе свое въ сумунѣ, гелуны держали себя близко въ отношеніи къ народу; ихъ юрты были доступны каждому во всякое время: заболѣетъ ли у Калмыка корова, потеряется ли лошадь, собирается ли кто въ дальній путь, приснится ли кому что-нибудь необычайное и страшное,— всякій изъ нихъ идетъ свободно къ гелуну за совѣтомъ и предсказаніемъ, соблюдая при этомъ нѣкоторыя условныя приличія. Входя въ юрту гелуна, каждый Калмыкъ долженъ былъ сложить на груди свои руки и наклонить голову; гелунъ вставалъ, возлагалъ на голову вошедшаго священную книгу и произносилъ обычное благословеніе. Содержаніе свое гелуны получали отчасти отъ правительства (до 48 р.

въ годъ), а главнымъ образомъ отъ прихожанъ своего сумуна, который онъ еженедѣльно объѣзжалъ въ сопровожденіи одного или двухъ своихъ учениковъ. Когда гелунъ пріѣзжалъ въ аулъ, его съ радостію встрѣчали Калмыки и каждый изъ нихъ считалъ особою честью для себя принять гелуна въ своей юртѣ и почтить его приличнымъ угощеніемъ, обыкновенно состоявшимъ изъ свѣжей баранины, чаю и кумысу. Устроившись въ юртѣ своего прихожанина, гелунъ никогда не забывалъ исполненія ежедневныхъ своихъ религіозныхъ обязанностей: въ положенное время онъ аккуратно совершалъ богослуженіе точно такъ, какъ у себя дома. Почетъ и уваженіе къ гелуну со стороны его прихожанъ видны между прочимъ изъ того, что къ нему, во время его проѣзда чрезъ аулъ, являлись всѣ жители аула — мужчины, женщины и дѣти и каждый изъ нихъ считалъ своею обязанностью подойти къ гелуну и принять отъ него обычное благословеніе.—Какъ лицо духовное, гелунъ не подчинялся суду свѣтскихъ чиновниковъ, а только своему высшему начальству—настоятелямъ монастырей, и самъ не входилъ въ разбирательство мірскихъ дѣлъ Калмыковъ. Отношенія его къ свѣтскому правителю (зангу), ограничивались тѣмъ, что онъ чрезъ каждые три мѣсяца представлялъ ему списки всѣхъ родившихся въ его сумунѣ. Но не имѣя непосредственнаго вліянія на мірскія дѣла Калмыковъ, гелуны всегда оказывали на рѣшенія этихъ дѣлъ сильное вліяніе чрезъ ламъ, классъ которыхъ у Калмыковъ очень многочисленъ, потому что одинъ изъ трехъ братьевъ въ семействѣ непремѣнно принималъ на себя званіе ламы. Весь этотъ многочисленный классъ ламъ принадлежащихъ къ одному сумуну, жилъ отдѣльною общиной и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ своимъ гелуномъ, отъ котораго получалъ различныя пособія. Настоятели ламскихъ общинъ (монастырей) представляли собою уже высшее духовное начальство, суду ко-

тораго подлежали и гелупы, которыхъ они имѣли право не только подвергать денежнымъ взысканiямъ, но и тѣлеснымъ наказанiямъ, что случалось очень рѣдко по особой снисходительности Калмыковъ къ слабости своихъ гелуновъ мнимо-дѣвственниковъ.

Гражданскiй правитель калмыцкаго сумуна, *зангъ* состоялъ въ чинѣ майора и жилъ въ одной изъ юртъ сумуна. Юрта его была лучшею въ числѣ другихъ, но наружныхъ отличiй никакихъ не имѣла. Въ домашней обстановкѣ и жизни зангъ ничѣмъ не отличался отъ зажиточныхъ Калмыковъ. Единственнымъ отличительнымъ признакомъ его костюма была шляпа съ павлиньимъ перомъ и темноголубымъ камнемъ. Обязанности занга по должности состояли въ очередномъ нарядѣ Калмыковъ на пограничные пикеты, на караулъ казенныхъ лошадей и т. п.; а также и въ разбирательствѣ неуголовныхъ преступленiй обитателей сумуна. Виновныхъ въ такихъ проступкахъ зангъ подвергалъ 27—54 ударамъ плетью; давать большее число ударовъ онъ не имѣлъ права. Какъ къ гражданскому чиновнику, Калмыки не питали къ зангу такого расположенiя, какимъ пользовался духовный правитель ихъ гелунъ. Являлись они къ нему только по требованiю и обязаны были становиться предъ нимъ на одно колѣно. Садиться въ присутствiи занга никто изъ нихъ не смѣлъ безъ его позволенiя; точно также никто не могъ дѣлать никакихъ возраженiй по поводу его приказанiй. Особенною правдивостiю въ отправленiи своихъ оффицiальныхъ обязанностей зангъ не отличался: обыкновенно онъ поблажалъ богатымъ и налегалъ на бѣдныхъ, которые безотказно исполняли всѣ его требованiя, отбывали всѣ работы, назначаемыя имъ и т. д. Богатые же не только имѣли возможность уклониться отъ работъ, путемъ откупа, но и могли освободиться, при помощи своего богатства, отъ всякой притязательности своего начальника и даже отъ заслуженнаго наказанiя плетьми. Что касается взаимныхъ отношенiй занга и гелуна, то

они были близки и дружественны, какъ отношенія равныхъ лицъ: при взаимныхъ посѣщеніяхъ и встрѣчахъ они привѣтствовали другъ друга безъ всякихъ церемоній (¹).

Въ отношеніи религіозныхъ вѣрованій, Калмыки—эмигранты были глубоко и искренно вѣрующими буддистами-шаманистами и были не только стойки сами въ своихъ вѣрованіяхъ, но и усердно пропагандировали ихъ среди Дауръ-солоновъ, Сибо и Манджуровъ. Пропаганда буддизма среди названныхъ племенъ и поддержка его среди Калмыковъ производилась ламами, которые для Калмыковъ были и совершателями религіозныхъ обрядовъ, и учителями грамоты, и знахарями-лекарями. Мучится Калмычка родовыми муками—является лама и читаетъ надъ нею извѣстныя молитвы; родится ребенокъ—лама нарекаетъ ему имя при совершеніи религіознаго обряда; подростетъ ребенокъ—лама учитъ его грамотѣ; достигнетъ совершеннолѣтія—лама совершаетъ надъ нимъ обрядъ бракосочетанія; заболитъ Калмыкъ, лама является лечить его своими молитвами и лекарствами; умретъ—лама совершаетъ надъ нимъ погребальный обрядъ и поминки, и опредѣляетъ способъ погребенія умершаго, т. е. зарытіе трупа въ могилу, бросаніе его въ степи или сожженіе; безъ ламы не входитъ Калмыкъ въ новую юрту, не запахиваетъ пашню, не начинаетъ сѣять хлѣбъ. Словомъ: лама являлся главнымъ совѣтникомъ и учителемъ Калмыка во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ его жизни. Кромѣ этого онъ снабжалъ Калмыка разными амулетами и бурханами.

Для совершенія молитвенныхъ обрядовъ у Калмыковъ въ Кульджѣ была особая молельня. Кромѣ того въ Текесѣ, близь Тянь-Шаня, они содержали монастырь. Въ юртахъ своихъ Калмыки держали домаш-

(¹). Смот. Туркест. вѣдом. 1872 г. № 32, ст. «Изъ прежняго быта китайскихъ эмигрантовъ».

нихъ своихъ пенатовъ, бурхановъ, а на шеѣ носили амулеты, т. е. краткія молитвы, зашитыя въ лоскутъ матеріи, имѣвшей форму сердечка.—При отправленіи въ дальній путь, они надѣвали на свои шеи, кромѣ амулетовъ, еще маленькихъ бурханчиковъ въ кожаныхъ мѣшечкахъ. Старики Калмыки носили четки ([1]). Бурханы приготовляются у буддистовъ изъ разныхъ матеріаловъ и имѣютъ неодинаковую форму: у однихъ бурханы были писанные масляными красками на полотнѣ, у другихъ литые изъ мѣди; у третьихъ—рѣзные изъ дерева и камня; у четвертыхъ вылѣпленные изъ глины и наконецъ печатные на бумагѣ. — Преимущественно распространены писанные на полотнѣ бурханы, какъ предоставляющіе болѣе удобствъ при переѣздахъ Калмыковъ съ одного мѣста на другое. Такіе бурханы состоятъ изъ кусковъ полотна разной величины, прикрѣпленнаго къ деревянному валику, на который полотно навертывается и завязывается завязками. Во время совершенія молитвословій, бурханы обыкновенно развертываются и развѣшиваются въ юртѣ; по окончаніи же молитвословія снова накатываются на валики, завертываются въ куски шелковой матеріи и укладываются въ ящикъ. Въ праздничные дни Калмыки разставляютъ предъ бурханами мѣдныя чашечки съ такъ называемымъ кунжутнымъ масломъ ([2]), которое и зажигаютъ. Кромѣ того они воскуряютъ предъ бурханами въ праздники разныя благовонія и чаще всего мелко истолченный или мелко наструганный верескъ. Кромѣ бурхановъ пользуются почитаніемъ, какъ священные предметы, — конусообразныя, величиною съ голубиное яйцо, черныя пирамидки съ оттиснутыми на нихъ

([1]) Туркест. вѣдом. 1872 г. № 6, ст. «Изъ Сарканскаго выселка».

([2]) Кунжутное масло, очень распространенное въ Туркестанскомъ краѣ, приготовляется изъ сѣмянъ представляющаго видъ конопли растенія *„бангъ“* съ примѣсью къ нимъ сѣмянъ льна *(зыгиръ)*. Масло это употребляется туземцами въ пищу и на смазку кожъ.

тибетскими буквами. Пирамидки эти, по разсказамъ ламъ, получаются изъ Тибета, гдѣ они приготовляются изъ смѣси глины съ пепломъ отъ сожигаемыхъ труповъ набожныхъ буддистовъ. Такія пирамидки Калмыки носятъ на груди, какъ чудодѣйсвенную святыню, въ металличекихъ—мѣдныхъ, а иногда даже и серебряныхъ коробочкахъ (1).

Семейная жизнь Калмыковъ отличается большею свободою сравнительно съ Дауръ-солонами. Дѣтство Калмычки проходило въ степи, среди стада овецъ и козъ. Замужъ Калмычку выдавали очень рано, и иногда за нелюбимаго человѣка и безъ ея согласія; но за то ей предоставлено было обычаемъ право оставить своего мужа и уйти къ своимъ родителямъ и затѣмъ выйти замужъ на полной своей волѣ и свободѣ. Узнать, нравится ли женихъ невѣстѣ было бы всегда легко: если женихъ нравился, то Калмычка уходила изъ юрты, какъ скоро начинались переговоры по сватовству: если же женихъ не нравился, то она оставалась въ юртѣ во все время сватовскихъ переговоровъ; но родители рѣдко обращали на вкусъ невѣсты вниманіе,—и женихъ, по существующему обычаю, подкарауливалъ свою невѣсту и увозилъ ее къ себѣ насильно, съ согласія ея родителей, которые также считали себя предъ дочерью правыми, такъ какъ ее украдкою увозилъ женихъ. Послѣ смерти своего мужа, каждая Калмычка могла снова вступить въ бракъ, пробывши въ траурѣ три мѣсяца и даже одинъ мѣсяцъ. Послѣ родовъ, въ теченіи мѣсяца, она считалась нечистою. Супружеская вѣрность цѣнилась у Калмыковъ, а дѣвство не только женщинъ, но и мужчинъ они считали добродѣтелью,—почему и существовали у нихъ мужскіе и женскіе монастыри.

(1) См. Туркест. вѣд. 1872 г. № 19. ст. «Изъ прежняго быта Калмыковъ эмигрантовъ».

Калмыки, проводя кочевую жизнь и ненавидя въ равной степени Таранчей, Дунганъ и Киргизовъ, которые грабили ихъ и избивали при удобныхъ случаяхъ, мало подвергались чуждымъ вліяніямъ въ своей жизни и сохранили свой народный (разговорный и письменный) языкъ, остались вѣрны своимъ народнымъ преданіямъ, помнили свое прошлое и любили свои народныя пѣсни. Особенно любовію къ пѣснямъ отличались Калмычки; хоровыя пѣсни онѣ и доселѣ поютъ вмѣстѣ съ мужчинами (¹). Чуждыя вліянія проникали къ Калмыкамъ исключительно посредствомъ буддійской грамотности, обученіе которой было сосредоточено въ калмыцкихъ монастыряхъ и распространено собственно между ламами. Грамотность ламъ отличалась одностороннимъ характеромъ, ограничиваясь религіозною обрядностію буддійскихъ вѣрованій. Какъ на элементъ болѣе или менѣе китейскій, не религіозный, въ буддійско-калмыцкой книжности можно указать на врачебныя знанія, имѣющія весьма широкое приложеніе въ жизни Калмыковъ; но и эти знанія не были въ собственномъ смыслѣ общимъ достояніемъ народа, а всегда были исключительною принадлежностію ламъ и въ ихъ рукахъ получали характеръ кудесничества.

Взглядъ на явленія природы былъ заимствованъ Калмыками изъ той же буддійской письменности и потому они одинаковымъ образомъ съ Дауръ-солонами объясняли себѣ солнечныя и лунныя затменія, дождь, градъ, громъ и молнію (²). Затменіе луны Калмыки считали общимъ бѣдствіемъ всего міра и старались отогнать отъ луны злаго духа, намѣревающагося уничтожить свѣтило, всеобщимъ крикомъ и стукомъ

(¹) См. Туркест. вѣдом. 1872 г. № 6, ст. «Изъ Сарканскаго выселка».

(²) См. Туркест. вѣд. 1872 г. № 23, ст. «Изъ прежняго быта китайскихъ эмигрантовъ».

во все то, что только изъ хозяйственныхъ принадлежностей ихъ кочевой жизни можетъ издавать звукъ. Считая крутящійся вихрь душею самоубійцы, Калмыки всегда старались свернуть отъ него въ сторону; если же вихрь неожиданно налеталъ на Калмыковъ, то они отплевывались отъ него, какъ отъ прикосновенія злополучной отверженной Богомъ души (¹).

III. Просвѣщеніе китайскихъ эмигрантовъ православно-христіанскою вѣрою; водвореніе ихъ въ Сарканскомъ выселкѣ Семирѣченской области и сельско-хозяйственная ихъ жизнь.

Водвореніе китайскихъ эмигрантовъ въ нашемъ Семирѣчьѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе тѣмъ, что было тѣсно связано съ принятіемъ ими русской православно-христіанской вѣры, послужившей краеугольнымъ камнемъ новой гражданственности переселенцевъ. Съ одной стороны принятіе эмигрантами православія замѣчательно тѣмъ, что самая эмиграція вызвана была *религіознымъ* возстаніемъ Дунганъ и такимъ образомъ и по началу своему, и по концу имѣла характеръ религіозный; съ другой стороны это было весьма важно для насъ тѣмъ, что въ окрестившихся эмигрантахъ наше Семирѣчье получило не просто работящихъ колонистовъ, но вѣрноподданныхъ гражданъ отечества и истинныхъ сыновъ православно-русской церкви. Мы разскажемъ здѣсь краткую исторію просвѣщенія эмигрантовъ православно-христіанскою вѣрою и покажемъ, какую замѣчательную рабочую силу получили мы въ новыхъ своихъ соотечественникахъ и собратьяхъ по вѣрѣ.

Начало просвѣщенія китайскихъ эмигрантовъ православно-христіанскою вѣрою положено было преосвященнымъ Алексѣемъ, епископомъ томскимъ, въ

(¹) См. Туркест. вѣдом. 1872 г. № 6, ст. «Изъ Сарканскаго выселка» и № 23, ст. «Изъ прежняго быта китайскихъ эмигрантовъ».

августѣ 1868 года, такъ какъ имъ совершено было *первое* крещеніе эмигрантовъ въ г. Копалѣ Семирѣченской области. Во время своего обзора въ іюлѣ 1868 года церквей Семирѣченской области, входившей тогда въ составъ томской епархіи, преосвященный Алексѣй получилъ въ Копалѣ отъ мѣстной администраціи свѣдѣнія о томъ, что въ копальскомъ уѣздѣ въ то время временно проживали китайскіе эмигранты-язычники въ большемъ количествѣ и что нѣкоторые изъ нихъ желали принять св. крещеніе и вступить въ число исповѣдниковъ православной христіанской вѣры. Преосвященный Алексѣй принялъ къ сердцу сообщенныя ему свѣдѣнія и тогда же обѣщалъ положить начало миссіонерскому дѣлу среди семирѣченскихъ эмигрантовъ. Ко времени его возвращенія изъ г. Вѣрнаго въ г. Копалъ было собрано нѣсколько вліятельныхъ эмигрантовъ. Преосвященный, послѣ продолжительной миссіонерской бесѣды съ ними, имѣлъ удовольствіе услышать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ заявленія о согласіи креститься и тогда же самъ лично огласилъ ихъ, приготовилъ къ крещенію и самъ же совершилъ надъ ними таинство св. крещенія, при довольно торжественной обстановкѣ. Надъ ручьемъ, протекающимъ среди города, была устроена крещальня изъ четырехъ колоннъ съ куполообразнымъ верхомъ, украшеннымъ позолоченнымъ крестомъ. Съ ранняго утра къ этому мѣсту собралось много народу разнаго происхожденія и вѣроисповѣданій: казаки, эмигранты, Татары (1) и Киргизы. Чтобы придать

---

(1) Въ бытность свою въ г. Копалѣ (въ началѣ ноября прошлаго 1878 года) мы между прочимъ къ прискорбію узнали, что Татары *сильно* смущали изъявившихъ желаніе креститься, наговаривая имъ разные ужасы и въ сей и въ будущей жизни, ожидающіе оглашенныхъ за принятіе христіанства. Это весьма замѣчательно: Татары вездѣ успѣваютъ съ своей фанатической пропагандой. При этомъ можетъ быть понятно и то, что нѣкоторые старухи и старики изъ изъявившихъ желаніе креститься сильно пугались своего будущаго положенія и, какъ намъ раз-

болѣе торжественности предположенному къ совершенію обряду и тѣмъ сильнѣе напечатлѣть его въ памяти мѣстныхъ жителей, преосвященный совершилъ къ крещальнѣ изъ церкви крестный ходъ, въ которомъ участвовалъ томскій архимандритъ и нѣсколько мѣстныхъ священниковъ. — Во время совершенія обряда пѣніе положенныхъ церковію молитвъ было исполнено хоромъ пѣвчихъ преосвященнаго. Воспріемниками новокрещенныхъ были высшія административныя лица города, которыя приготовили для своихъ духовныхъ дѣтей лучшее бѣлье..... Наконецъ и самая погода способствовала благопріятному впечатлѣнію на крещаемыхъ, такъ какъ утро было прекрасное. — При такой обстановкѣ были просвѣщены св. крещеніемъ девятнадцать человѣкъ обоего пола эмигрантовъ (¹).

Преосвященный оказалъ тогда къ новопросвѣщеннымъ свое вниманіе между прочимъ и тѣмъ, что, пожелавъ имъ преуспѣянія въ христіанской вѣрѣ, надѣлилъ каждаго изъ нихъ серебрянымъ крестомъ для ношенія на шеѣ и пожертвовалъ имъ на ихъ домашнія нужды 30 руб. Такое отеческое вниманіе архипастыря къ новопросвѣщеннымъ язычникамъ, привыкшимъ видѣть своихъ духовныхъ сановниковъ (ламъ) недоступными для простаго народа, произвело на нихъ весьма благопріятное впечатлѣніе; они были поражены такимъ непривычнымъ для нихъ снисхожденіемъ и вниманіемъ къ себѣ со стороны высшаго представителя православно-христіанской іерархіи. И мѣстныя

сказывали очевидцы, *плакали*, когда шли къ мѣсту крещенія. Но тѣмъ не менѣе они не могли сочувствовать и мусульманству, какъ религіи, проповѣдывающей рѣзню и вынудившей ихъ спасаться бѣгствомъ въ русскіе предѣлы: кровь единоплеменниковъ, умерщвленныхъ во время возстанія Дунганъ, поселила въ сердцахъ эмигрантовъ отвращеніе къ исламу.

(¹) Въ числѣ крестившихся были и Калмыки, и Дауръ-солоны, и Китайцы... Но точныхъ свѣдѣній по этому предмету мы не имѣемъ.

административныя лица города также отнеслись сочувственно къ новымъ братьямъ своимъ по вѣрѣ. Кромѣ того, что эти лица были воспріемниками новокрещенныхъ отъ купели, они по окончаніи обряда устроили въ память этого событія большой обѣдъ, за которымъ присутствовали и всѣ новокрещенные.

Видимымъ памятникомъ этого *перваго* крещенія китайскихъ эмигрантовъ, происходившаго въ 1868 году, служитъ небольшая, но красивая по своей архитектурѣ, каменная, покрытая желѣзомъ съ красивымъ куполомъ и большимъ позолоченнымъ крестомъ на верху — часовня ([1]), устроенная въ г. Копалѣ въ 1869 году копальскимъ купцомъ Затинщиковымъ, при выѣздѣ изъ этого города въ г. Вѣрный. Часовня эта имѣетъ осьмигранную ([2]) форму съ особымъ каменнымъ крыльцемъ для входа. Надъ дверями въ часовню находится надпись: „*вниду во св. купель и выйду, отряся слѣпоту душевную, вкупѣ и тѣлесную*“. Внутренность часовни выбѣлена и освѣщается двумя большими окнами.—На восточной стѣнѣ ея устроенъ иконостасъ, предъ которымъ стоятъ большіе подсвѣчники и висятъ серебряныя лампады; на самой срединѣ часовни устроена просторная выложенная камнемъ крещальня, которая въ обыкновенное время бываетъ закрыта подвижными досками. Въ иконостасѣ три иконы; самая большая изъ нихъ (средняя), писанная на холстѣ, изображаетъ крещеніе Христа Спасителя. По правую сторону отъ входа находится икона деревянная, на которой по золотому фону изображенъ

([1]) Діаметръ часовни не болѣе 7—8 шаговъ.

([2]) О. Покровскій неправильно утверждаетъ, что часовня имѣетъ круглую форму (См. Туркест. Вѣдом. 1873 г. № 44, стр. 175). Неправильно также утверждаетъ онъ, что «кругомъ этого зданія (есть) каменная ограда съ прочными воротами». Ограду на самомъ дѣлѣ составляютъ тоненькіе столбики деревянные съ такими же перекладинами; прочныя же ворота на самомъ дѣлѣ суть не что иное, какъ переплетная изъ тоненькихъ жердочекъ дверка.

ликъ св. князя Владиміра; по лѣвую сторону стоитъ также деревянная икона, съ изображеніемъ лика Пресв. Богородицы „утоли печали" ([1]). Всѣ эти иконы были заказаны на счетъ строителя часовни въ С.-Петербургѣ и доставлены въ его же счетъ въ г. Копалъ.

Такимъ образомъ часовня уже сама по себѣ своимъ существованіемъ напоминаетъ копальскимъ горожанамъ и всѣмъ вообще жителямъ Семирѣчья о фактѣ перваго крещенія китайскихъ эмигрантовъ въ этой отдаленной окраинѣ нашего отечества; но кромѣ того самый день перваго крещенія эмигрантовъ ежегодно воспоминается служеніемъ въ часовнѣ молебна мѣстнымъ копальскимъ духовенствомъ. И всегда въ прекрасной ея крещальнѣ, снабжаемой проточной водой изъ арыка, совершается крещеніе язычниковъ въ Копалѣ ([2]).

На пути изъ Копала, преосвященный Алексѣй останавливался въ Арасанскомъ выселкѣ и своею продолжительною бесѣдою съ некрещенными эмигрантами такъ подѣйствовалъ на ихъ сердце, что они просили у него христіанскаго благословенія и молитвы объ обращеніи ихъ въ нѣдра христіанской церкви ([3]).

([1]) Всѣ эти иконы не такъ хороши и художественны, какъ утверждаетъ о. Покровскій. Но для Копала, конечно, это — рѣдкость петербургская.

([2]) См. Турк. вѣдом. 1873 г. № 44, ст. «Часовня въ г. Копалѣ».

([3]) Такъ говоритъ о. Покровскій; на самомъ дѣлѣ было не такъ, какъ узнали мы на мѣстѣ. Убѣдившись въ возможности просвѣтить св. крещеніемъ и сарканскихъ эмигрантовъ, преосв. Алексѣй распорядился, чтобы они собрались въ Арасанскій выселокъ, находящійся какъ разъ на срединѣ между Копаломъ и Сарканомъ. Въ Арасанской церкви хотѣлъ совершить таинство крещенія... Пріѣхалъ онъ въ Арасанъ, а желающіе креститься не явились. Долго ждалъ онъ ихъ прибытія и рѣшилъ наконецъ уѣхать и отправился по дорогѣ къ Саркану. Отъѣхавъ версты три, онъ былъ встрѣченъ идущими въ Арасанъ сарканцами и возвратился снова къ Арасанской церкви. Но пришли только 15-ть человѣкъ и то съ тѣмъ, чтобы совершенно отказаться отъ принятія кре-

Убѣдившись такимъ образомъ собственнымъ опытомъ въ благодарности почвы, какую представляли собою новопоселившіеся въ Семирѣчьѣ китайскіе эмигранты, заботливый архипастырь предложилъ тогда всѣмъ священникамъ области потрудиться въ расположеніи язычниковъ къ христіанству и въ просвѣщеніи ихъ христіанскою вѣрою, а для эмигрантовъ копальскаго уѣзда назначилъ, по соглашеніи съ мѣстной администраціей, особаго миссіонера. Съ своей стороны преосвященный обѣщалъ особо и по преимуществу цѣнить и награждать ревностныхъ священниковъ на новомъ и весьма трудномъ для нихъ апостольскомъ поприщѣ (1).

Положенное преосвященнымъ Алексѣемъ въ 1868 г. начало просвѣщенія китайскихъ эмигрантовъ—язычниковъ христіанскою православною вѣрою продолжалось въ выселкѣ Коксуйскомъ и въ Сарканѣ, такъ что число всѣхъ эмигрантовъ, окрещенныхъ въ копальскомъ уѣздѣ, представляется въ слѣдующей таблицѣ:

въ	1868	1869	1870	1871	1872	Всего.
Кара-калмыковъ. .—	261	1	7	53	7	329
Чахаръ-калмыковъ —	90	—	4	—	1	95
Дауръ-солоновъ . .—	195	—	8	9	—	212
Сибо . . . .—	25	1	—	29	6	61
Манджуровъ . . . .—	9	—	2	—	1	12
Китайцевъ . . . . .—	8	3	—	—	1	12
Всего. .—	588	5	21	91	16	721(2).

щенія. Преосвященный долго бесѣдовалъ съ ними, но успѣха не имѣлъ: крещеніе не состоялось.... Уже послѣ о. Покровскій окрестилъ сарканцевъ въ водахъ рѣки Саркана.... Говорятъ, что и въ этотъ разъ главнымъ образомъ помѣшали преосвященному Татары, напугавшіе эмигрантовъ всевозможными страхами,—и мы этому вполнѣ вѣримъ: фанатизмъ Татаръ—вездѣ силенъ.

(1) См. Турк. вѣдом. 1874 г. № 33, ст. о. Покровскаго: «Изъ Сарканскаго выселка».

(2) См. Туркест. вѣдомост. 1873 г. № 21, ст. «Изъ Сарканскаго выселка».

Представленныя въ таблицѣ цифровыя данныя относительно крестившихся эмигрантовъ въ періодъ 1868—1872 гг. невольно останавливаютъ на себѣ наше вниманіе. Прежде всего бросается въ глаза неравномѣрное распредѣленіе принявшихъ крещеніе въ 1868 г. по отношенію къ племенамъ, такъ какъ самое большое число окрестившихся было изъ Калмыковъ и Дауръ-солоновъ, а самое меньшее — изъ Манджуровъ и Китайцевъ. Объяснять эту неравномѣрность слѣдуетъ бо́льшею предрасположенностію Калмыковъ, Дауровъ и Солоновъ къ христіанству и ихъ бо́льшею сравнительно съ другими переселенцами численностію. Китайцы и Манджуры оказались менѣе склонными къ христіанству. Разъясненіе этого вопроса было бы весьма поучительно и интересно, но мы не можемъ сдѣлать этого за неимѣніемъ на то данныхъ. Поэтому, не вдаваясь въ подробности, мы обратимъ вниманіе на другую не менѣе интересную сторону дѣла, на слишкомъ неравномѣрное распредѣленіе общей цифры крестившихся по годамъ. Это послѣднее обстоятельство мы съ вѣроятностію можемъ выяснить до нѣкоторой степени изъ современныхъ самому акту крещенія обстоятельствъ.

Прибывшіе въ 1867 году въ копальскій уѣздъ эмигранты прежде всего были люди нефанатичные по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ,—люди совершенно не похожіе въ этомъ отношеніи на мусульманъ. Живя долгое время подъ китайскимъ владычествомъ, они кромѣ того сроднились, какъ передавалъ намъ Н. М. Бахтіаровъ, человѣкъ близко знакомый съ исторіей поселенія эмигрантовъ въ Семирѣчьѣ, съ мыслію, что всѣмъ поселенцамъ, какого бы племени и вѣроисповѣданія они ни были, необходимо не только признавать высшую государственную власть страны, но и исповѣдыватъ господствующую въ ней религію. Съ такимъ убѣжденіемъ явились эмигранты въ Копалъ и вниманіе русской администраціи къ себѣ объясняли желаніемъ ея вознаградить ихъ за предстоявшую имъ

перемѣну вѣры. Съ своей стороны эмигранты спѣшили заявить свое согласіе на предлагаемую имъ перемѣну вѣры, боясь своимъ отказомъ лишиться обѣщанныхъ имъ денежныхъ пособій, въ чемъ они сильно нуждались тогда. Эмигранты были окончательно разграблены и раззорены во время возстанія Дунганъ и находились въ такомъ безвыходномъ положеніи, что трудно передать словами; поэтому они были весьма рады вниманію къ нимъ русскаго начальства и при своемъ оригинальномъ взглядѣ на перемѣну вѣры, готовы были принять предложеніе русскаго начальства перейти въ православіе, лишь бы поскорѣе устроиться и успокоиться отъ недавнихъ тяжелыхъ невзгодъ. Кромѣ того, по заявленію г. Фридерикса, многіе изъ обитателей западнаго Китая, переселяясь въ русскіе предѣлы, уже умѣли креститься по католически и такимъ образомъ были отчасти подготовлены къ принятію христіанства, или по крайней мѣрѣ были съ нимъ знакомы... Въ тоже время не слѣдуетъ забывать и того, что эмигранты при всемъ своемъ религіозномъ индифферентизмѣ, не могли не чувствовать въ себѣ потребности въ молитвѣ, въ храмахъ и руководителяхъ въ вѣрѣ, а какъ язычники буддисты—были вообще предрасположены къ обрядности въ богослуженіи. Присутствуя при богослуженіи некрещенныхъ эмигрантовъ, г. Фридериксъ наблюдалъ у нихъ много сходнаго съ католическимъ богослуженіемъ, наприм. употребленіе колокольчиковъ, въ родѣ тѣхъ, какіе употребляютъ въ костелахъ, нѣкоторое подобіе хоругвей и свящ. рисунковъ, особенное убранство главной стѣны молельни, выбритыя усы ламъ, напоминающихъ ксендзовъ и т. п. (¹). А это сходство богослуженія эмигрантовъ-язычниковъ съ богослуженіемъ католиковъ естественно должно было располагать первыхъ

(¹) См. Туркест. вѣдом. 1874 г. № 24, ст. «Нѣсколько замѣтокъ о Семирѣченской области».

въ пользу богослуженія православно-русской церкви, церковно-богослужебная обрядность которой такъ пріятно и гармонично дѣйствуетъ на сердце простаго человѣка. Поэтому, если мы предположимъ со стороны русской администраціи желаніе видѣть въ эмигрантахъ не только будущихъ своихъ согражданъ, но и братьевъ по вѣрѣ, если представимъ вниманіе, ласки и увѣщанія со стороны духовной власти, то намъ будетъ понятно, что въ 1868 году, когда самъ епископъ принималъ участіе въ судьбѣ эмигрантовъ, изъ нихъ окрестилось 588 человѣкъ,—понятно будетъ, почему застрапцигапія Татаръ, по случаю перехода эмигрантовъ въ православіе, и ихъ проповѣдь противъ иконопочитанія не имѣли желанныхъ результатовъ: къ иконопочитанію эмигранты были подготовлены, а въ *мирѣ и любви*, возвѣщаемыхъ Евангеліемъ, они должны были видѣть прочный залогъ будущаго своего спокойствія и благополучія не только внутренняго, но и внѣшняго. Затѣмъ, когда эмигранты убѣдились, что русское правительство не употребляетъ принудительныхъ мѣръ въ примѣненіи къ религіознымъ убѣжденіямъ человѣка, что и безъ перемѣны своей вѣры могутъ пользоваться дорогимъ для нихъ покровительствомъ русскихъ властей и расположеніемъ русскаго народа и кромѣ того чувствовали себя матеріально обезпеченными настолько, что могли забыть свое недавнее горе, недавно пережитый страхъ за жизнь, тогда они уже не такъ скоро рѣшались на перемѣну старой своей вѣры на новую, съ ученіемъ которой на первыхъ порахъ имъ нелегко было близко познакомиться по неудовлетворительному состоянію среди нихъ православнаго миссіонерства...

Оставляя до слѣдующей главы изображеніе православно-миссіонерской дѣятельности среди эмигрантовъ, мы считаемъ нужнымъ теперь же, въ доказательство высказаннаго сейчасъ замѣчанія объ измѣненіи къ лучшему матеріальной обстановки ихъ, опи-

сать кратко сельско-хозяйственную ихъ жизнь по водвореніи въ копальскомъ уѣздѣ.

Будучи народомъ осѣдлымъ и земледѣльческимъ, эмигранты изъ племени Дауровъ, Солоновъ и Сибо, при выборѣ себѣ мѣста для поселенія обращали вниманіе на мѣстности съ сельско-хозяйственнымъ характеромъ. Сарканскій выселокъ копальскаго уѣзда отличался въ этомъ отношеніи предъ всѣми другими мѣстностями уѣзда, такъ какъ онъ обладаетъ плодороднѣйшею почвою, весьма удобною для орошенія, и изобилуетъ водою, какою снабжаютъ его двѣ горныя рѣчки Басканъ и Сарканъ, особенно въ лѣтнее время богатыя водою ([1]). Въ 1868 году въ окрестностяхъ Сарканскаго выселка поселились около 800 человѣкъ обоего пола эмигрантовъ, которымъ тогда же была оказана мѣстною администраціей значительная матеріальная помощь, состоявшая въ единовременной денежной выдачѣ по 65-ти рублей на каждое эмигрантское семейство. Кромѣ того общество Сарканскаго выселка отвело всѣмъ новымъ поселенцамъ, впредь до поземельнаго надѣла, достаточное количество удобной хлѣбопахатной земли, а „копальскій комитетъ по призрѣнію эмигрантовъ“ снабдилъ ихъ необходимыми на первыхъ порахъ земледѣльческими орудіями и сѣменами для

([1]) Сарканскій выселокъ, переименованный въ 1875 году въ станицу, находится при подошвѣ Алатаускаго горнаго хребта, съ сѣверной его стороны, въ 85-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ уѣзднаго города Копала, по почтовому тракту. Выселокъ этотъ образовался изъ казачьяго пикета, состоявшаго частію изъ копальскихъ и лепсинскихъ казаковъ, а частію — изъ крестьянъ-переселенцевъ тобольской и томской губерній. Названіе свое выселокъ получилъ отъ рѣчки Сарканъ, протекающей около самаго выселка, а рѣчка свое названіе связываетъ съ какимъ то *Сарыхан*'омъ, жившимъ въ этой мѣстности въ прежнія времена. Другая рѣчка, протекающая около выселка, называется „*Басканъ*“ по имени *Басъхан*'а т. е. главнаго, старшаго хана, жившаго также въ этой мѣстности. Къ сожалѣнію, при кратковременномъ пребываніи въ Сарканѣ и при другихъ занятіяхъ, намъ не удалось распросить хорошенько объ этихъ двухъ древнихъ ханахъ, по имени которыхъ называются сосѣднія рѣчки и два сосѣдніе выселка.

обсѣмененія ихъ полей. На полученныя отъ семирѣченской администраціи деньги эмигранты закупили рогатаго скота (быковъ), составляющаго главную рабочую силу у земледѣльцевъ Туркестанскаго края. Къ несчастію эмигрантовъ открывшійся въ концѣ 1868 года сильный падежъ скота, истребилъ у нихъ почти весь скотъ; наступившая зима сопровождалась сильными холодами, и эмигрантамъ приходилось тогда бороться со всѣми невзгодами зимней стужи въ сбитыхъ на скорую руку землянкахъ; наконецъ появленіе оспы среди нихъ еще болѣе увеличило тягость ихъ жизни въ новомъ мѣстопребываніи. Тогда военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Колпаковскій и новоучрежденное семирѣченское церковное братство отнеслись съ самымъ живымъ участіемъ къ положенію эмигрантовъ и оказали имъ снова матеріальную помощь. Эмигранты снова было поправились, но въ началѣ 1869 года опять повторился падежъ скота, истребившій почти весь скотъ, такъ что у эмигрантовъ къ веснѣ 1869 года изъ 464 головъ осталось только 63 штуки. Безпомощные борцы съ бѣдностію въ этотъ разъ получили заимообразно денежныя пособія и съ 1870 года начали уже исправляться матеріально. Въ началѣ лѣта 1871 года эмигранты окончательно переселились со степи въ самый выселокъ и начали здѣсь дружно обстраиваться, такъ что Сарканскій выселокъ сразу увеличился вслѣдствіе этого слишкомъ на 100 дворовъ. Всѣ эмигранты, поселившіеся здѣсь, принадлежали на половину къ калмыцкому племени и на половину—къ Дауръ-солонамъ и Сибо. Всѣ они были зачислены тогда въ казачье сословіе и имъ произведена была окончательная нарѣзка земли наравнѣ съ казаками.

Поселившись въ Сарканѣ, эмигранты не только воспользовались всѣми выгодами земледѣлія, но, при своемъ трудолюбіи и сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ, вызвали плодородіе почвы къ гораздо большей производительности, чѣмъ это было до прибытія ихъ

въ Сарканъ. Коренные сарканскіе жители — казаки исключительно занимались хлѣбопашествомъ и сѣяли преимущественно пшеницу — озимую и яровую — и овесъ. Огородничествомъ они почти вовсе не занимались и говорили обыкновенно: *„здѣсь у насъ не родятся, какъ въ Алматахъ* (т. е. въ г. Вѣрномъ), *ни арбузы ни дыни*", а потому мелкіе арбузы и дыни, какіе удавалось произращать казакамъ, они считали уже лакомствомъ; садоводствомъ казаки совершенно не занимались и не думали примѣнять его къ сарканской мѣстности. Совершенно иначе поступили эмигранты. Поселившись сначала въ 4-хъ верстахъ отъ Сарканскаго выселка, Дауръ-солоны и Сибо уже на слѣдующій (1869) годъ сдѣлали попытку посѣять гречу и бангъ, изъ сѣмянъ котораго они стали добывать отличное масло. То и другое, при необыкновенномъ трудолюбіи эмигрантовъ и при отличномъ умѣніи ихъ обращаться съ землею, дало богатый урожай. Въ 1871 г. многіе изъ нихъ сняли по 100 каповъ одной озимой пшеницы, т. е. по меньшей мѣрѣ по 1.000 пудовъ. Кромѣ того, эмигранты съ самаго же начала своего поселенія въ Сарканѣ занялись огородничествомъ, которое стало быстро развиваться въ ихъ рукахъ, такъ что уже въ 1871 году было совсѣмъ не рѣдкостью встрѣтить въ Сарканѣ раннею весною свѣжій лукъ и рѣдиску, въ концѣ мая — свѣжіе огурцы, а въ іюлѣ — хорошіе арбузы и дыни. Одинъ эмигрантъ — китаецъ столь усердно занимался своимъ огородомъ и столь тщательно каждый годъ обработывалъ его, что туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Кауфманъ I-й, во время своего проѣзда въ 1870 году чрезъ Сарканъ, обратилъ свое вниманіе на этотъ огородъ и поощрилъ его трудолюбиваго хозяина. — Кромѣ названныхъ овощей, эмигранты разводили на своихъ огородахъ въ большемъ количествѣ стручковый перецъ, разные китайскіе овощи и нѣсколько красильныхъ цвѣточныхъ растеній для своихъ домашнихъ нуждъ. — Освоившись съ мѣстными

климатическими условіями, эмигранты впервые завели въ Сарканѣ табачныя плантаціи, которыя они на первыхъ порахъ засѣвали сѣменами низкаго достоинства, а затѣмъ достали высшаго сорта сѣмянъ изъ Кульджи и Вѣрнаго, — и табачное ихъ производство возвысилось. Въ садоводствѣ они также достигли большихъ успѣховъ: изъ яблочныхъ сѣмянъ они въ два года выростили яблоковыя деревья и собрали съ нихъ плоды въ 1871 году ([1]). Урюкъ и виноградную лозу они также начали разводить. Въ отношеніи лѣсоводства эмигранты дѣлали попытки съ разведеніемъ тутоваго дерева и ясеня, но безуспѣшно, что зависѣло или отъ дурнаго качества сѣмянъ, или отъ климата. За то выписанные изъ Кульджи сѣмена кайрагача (вяза) взошли отлично и можно надѣяться, что это дерево со временемъ замѣнитъ для сарканцевъ тальникъ и распространится по всему Туркестанскому краю, какъ тополь. Недостатокъ лѣса и медовыхъ травъ въ окрестностяхъ Саркана имѣетъ вліяніе на плохое состояніе пчеловодства; но эмигранты не бросили совершенно и этого промысла: они начали перевозить своихъ пчелъ въ сосѣдній выселокъ Терехтинскій и пчеловодство даетъ имъ барыши. Кромѣ этого они начали разводить въ Сарканѣ кохинхинскихъ куръ, завезенныхъ русскими переселенцами изъ воронежской губерніи, и китайскихъ, выписанныхъ эмигрантами изъ Кульджи. Въ 1875 г. появились у нихъ и тонкорунныя долгохвостыя овцы.

Занимаясь главнымъ образомъ земледѣліемъ, эмигранты не сидятъ сложа руки въ свободное отъ обработки земли и уборки хлѣба время. Съ наступленіемъ весны они начинаютъ пахать землю, засѣваютъ ее и исправляютъ арыки ([2]). Затѣмъ въ свобод-

([1]) См. Туркест. вѣдом. 1871 г. № 38, ст. «Изъ Сарканскаго выселка Семирѣч. области».

([2]) Подъ именемъ арыковъ разумѣются безчисленныя и въ разныхъ направленіяхъ проводимыя иногда за десятки верстъ канавы для ис-

ное отъ земледѣльческихъ работъ время большая часть эмигрантовъ отправляется на заработки въ Копалъ и Лепсинскую станицу, или на почтовый трактъ, гдѣ на станціяхъ они за наемную плату дѣлаютъ изъ глины заборы и приготовляютъ сырцевый кирпичъ для зданій. Съ наступленіемъ времени для уборки хлѣба мужчины отправляются на свои пашни, гдѣ жнутъ хлѣбъ, молотятъ [1] и убираютъ его, а потомъ снова начинаютъ пахать землю и сѣять озимую пшеницу.— Въ зимнее время эмигранты вьютъ изъ дикой конопли (кендырь) [2] для своихъ домашнихъ нуждъ веревки, плетутъ изъ камыша рогожки для настилки потолковъ, а изъ ивовыхъ прутьевъ—разной величины корзины. Женщины-эмигрантки въ лѣтнее время сѣютъ табакъ и обработываютъ свои огороды; осенью выдѣлываютъ овчины, прядутъ овечью шерсть, шьютъ мѣшки (капъ) и валяютъ кошмы; зимой они заготовляютъ для своихъ семействъ одежду и обувь. — Въ шитьѣ и вышиваньѣ эмигрантки большія мастерицы; нѣкоторыя изъ принадлежностей ихъ стараго костюма отличаются очень изысканною отдѣлкой, какъ наприм. китайскіе башмачки, обыкновенная обувь Дауръ-солоновъ и Сибо. Можно только пожалѣть, что эмигрантки, знакомыя съ пряденьемъ хлопка, не свыклись еще съ обработкою льна и приготовленіемъ хол-

кусственнаго орошенія полей. Эта система орошенія извѣстна во всемъ Туркестанскомъ краѣ и служитъ лучшимъ доказательствомъ умѣнья туземцевъ принаравливаться къ мѣстной природѣ.

(1) Молотьба у эмигрантовъ производится своеобразно: увѣсистый каменный катокъ возится одною лошадью по сжатому хлѣбу, при чемъ зерна выдѣляются отъ соломы чисто и самая солома не портится. Этотъ способъ молотьбы начинаетъ примѣняться и казаками.

(2) Въ окрестностяхъ Саркана кендырь ростетъ въ изобиліи повсемѣстно, но казаки не пользуются имъ, а сѣютъ русскую коноплю; потому что, какъ говорятъ казаки, за кендыремъ очень много хлопотъ, а между тѣмъ волокно его грубо и сѣмянъ для масла кендырь не даетъ. Поэтому большее количество кендыря идетъ въ Сарканѣ исключительно на топливо.

стовъ, и пожалѣть тѣмъ болѣе, что разведеніе въ Сарканѣ хлопка, изъ котораго онѣ привыкли на своей родинѣ прясть нитки, не можетъ быть примѣнено къ климату ихъ новаго мѣстожительства. Ремесленниковъ среди эмигрантовъ пока мало, но есть надежда, что и ремесламъ они скоро научатся.

Намъ остается сказать еще о торговлѣ эмигрантовъ. Понятно, что, при земледѣльческомъ ихъ бытѣ и исключительномъ занятіи хлѣбопашествомъ и огородничествомъ, торговля у нихъ можетъ быть только мѣновою. До лѣта 1871 года эмигранты покупали необходимыя для себя бумажныя матеріи, сельско-хозяйственныя орудія, чайную посуду и кирпичный чай въ г. Копалѣ, или въ Лепсинской станицѣ, куда сбывали свои сельско-хозяйственныя произведенія—хлѣбъ и особенно табакъ; съ 1871 года въ Сарканѣ начинаютъ появляться уже торговцы *изъ Татаръ*, съ которыми было можно завести мѣновую торговлю. Одинъ изъ зажиточныхъ торговцевъ-татаръ купилъ себѣ *на церковной площади* домъ и думаетъ открыть въ немъ постоянную торговлю. Этотъ фактъ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, вниманія и будетъ очень жаль, какъ справедливо замѣчаетъ о. Покровскій, если сарканская мѣновая торговля попадетъ исключительно въ руки Татаръ, которые уже въ 1875 году владѣли всею сарканскою торговлею... Самымъ благопріятнымъ временемъ для сарканской торговли служитъ осень, когда земледѣльцы оканчиваютъ свои полевыя работы; къ этому времени, начиная съ 1873 года, начинаютъ съѣзжаться въ Сарканъ и каракалинскіе киргизы (*акчемъ*) за пшеницей, которой они въ 1874 году вывезли на 600, а въ 1875 г. на 300 верблюдахъ. Киргизы-акчемы платятъ за пшеницу конями, солью, кожами, азямами, холстомъ, разными бумажными матеріями и выбойками и наконецъ лошадьми, при чемъ хорошая рабочая лошадь отдается ими за 45—50 пудовъ пшеницы, а 2—3 лѣтніе жеребята средняго достоинства—за 25—30 пуд. пшеницы. На деньги пшеница поку-

пается только частію. Мѣстный сарканскій базаръ не мало оживляется и окрестными Киргизами, которые привозятъ въ Сарканъ свои сырыя произведенія: лошадиныя кожи, овчины, мерлушки, барсучьи, лисьи и волчьи мѣха, кашы, уголь, дрова, арканы (недоуздки) и веревки изъ кендыря. И въ остальное время года мѣстная торговля отличается преимущественно мѣновымъ характеромъ: казаки все нужное для себя получаютъ изъ лавокъ подъ пшеницу и овесъ, а Калмыки подъ пшеницу и табакъ.

Устроивши такъ скоро и прочно свое сельское хозяйство, сарканскіе поселенцы не менѣе хорошо обставили и домашнюю свою жизнь.—Уже въ 1871 г. всѣ они жили въ новыхъ просторныхъ и опрятныхъ домахъ, состоящихъ изъ двухъ комнатъ, изъ которыхъ одна устроена порусски. Дома ихъ строятся большею частію изъ глины, но есть постройки и изъ сырцоваго кирпича. — Какъ тѣ, такъ и другіе отштукатурены глиной снаружи и внутри и, по своей отдѣлкѣ и прочности, не уступаютъ казачьимъ деревяннымъ постройкамъ. У нѣкоторыхъ домовладѣльцевъ стѣны внутри выбѣлены. Нары, всегда теплые въ зимнее время, у многихъ бываютъ покрыты бѣлыми чистыми кошмами; набивной глиняной полъ всегда бываетъ вычищенъ. У крещеныхъ на одной стѣнѣ комнаты на видномъ мѣстѣ, на полочкѣ стоятъ св. иконы, а рядомъ съ этою полочкой въ тѣхъ домахъ, гдѣ есть ученики и школы, находится другая полочка съ книжками, тетрадками и др. училищными принадлежностями учениковъ. Домашняя немногосложная утварь у поселенцевъ всегда содержится въ опрятности. Есть въ Сарканѣ нѣсколько эмигрантскихъ домовъ съ русскою печкой, столомъ и скамейками, съ деревянною кроватью и со стеклянными рамами во всѣхъ окнахъ. Рядомъ съ домомъ у каждаго домовладѣльца устроены изъ глины амбары для хлѣба, хлѣвы для лошадей и рогатаго скота и маленькія будочки для дворовыхъ собакъ.

Вообще въ домашнемъ быту эмигранты начинаютъ мало по малу сближаться съ русскимъ населеніемъ выселка, съ казаками. Большая часть изъ нихъ придерживается еще пока старины, но какъ будто потому только, чтобы не бросать годныхъ пока еще, хотя и старыхъ вещей.—Такъ напр. тѣ, у которыхъ цѣлы вывезенныя съ родины арбы (телѣги на двухъ колесахъ), продолжаютъ ѣздить и зимой и лѣтомъ на арбахъ (¹), но у нѣкоторыхъ начинаютъ уже встрѣчаться и русскія телѣги. Тоже самое нужно сказать и объ одеждѣ эмигрантовъ, которая должна быть раздѣлена на будничную и праздничную. Въ будни эмигранты бываютъ постоянно заняты работой и потому будничная одежда ихъ не сложна и пожалуй непригляднa, но въ праздничные дни они одѣваются чисто и опрятно; особенно любятъ щеголять своимъ праздничнымъ нарядомъ эмигрантки. Покрой одежды эмигрантовъ—китайскій; но они начинаютъ мало-по-малу свыкаться съ казачьимъ плащемъ и фуражкой, а женщины ихъ считаютъ особымъ щегольствомъ нарядиться въ ситцевое платье и надѣть на свои плечи шаль. Эти внѣшнія заимствованія эмигрантовъ служатъ началомъ внутренняго сближенія ихъ съ казаками, съ которыми они живутъ вообще весьма дружно, такъ что есть уже примѣры родственныхъ связей эмигрантовъ съ русскимъ населеніемъ выселка, чего конечно главнымъ образомъ нужно ожидать отъ молодаго поколѣнія эмигрантовъ и этому уже положено начало. Одинъ молодой человѣкъ—эмигрантъ, бывшій ученикъ

(¹) Китайская арба отличается отъ сартской, употребительной во всемъ Туркестанскомъ краѣ. Сартская арба — двухколесная же, но колеса имѣютъ около трехъ аршинъ въ діаметрѣ и вертятся на неподвижной оси; китайская арба гораздо меньше и ниже сартской: колеса китайской арбы имѣютъ не болѣе полутора аршина въ діаметрѣ, менѣе округлы и вертятся вмѣстѣ съ осью, къ которой они прикрѣплены. Не смотря на свои огромные размѣры, сартское колесо легче и удобнѣе; на сартской арбѣ можно спокойно ѣхать и по ямамъ, и по рѣкамъ, а на китайской арбѣ это неудобно.

школы и служившій потомъ помощникомъ завѣдывающаго школою, священника о. Покровскаго, женился въ 1870 году на русской дѣвушкѣ и этотъ первый бракъ, не бывалый въ Сарканѣ, былъ отпразднованъ пиромъ, въ которомъ принимали участіе эмигранты и русскіе (¹).

Калмыки и по прибытіи въ Сарканъ думали было остаться вѣрными своему кочевому образу жизни и взялись было по прежнему за скотоводство, но новыя условія жизни ихъ въ новой странѣ повліяли и на нихъ благотворно: въ 1870—71 г. и Калмыки, по примѣру Дауръ-солоновъ и Сибо, принялись за обработку земли,—занялись хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. На своихъ огородахъ Калмыки сѣютъ тыкву-горлянку, кольбарію, баклажаны, кукурузу, фасоль, стручковый перецъ, а съ 1875 года начали разводить ягоду *жуань-гуия*, имѣющую пріятный кисловатый вкусъ, а изъ растеній клещевину, зерна которой даютъ масло, а стебли идутъ на топливо. Въ садоводствѣ Калмыки также не отстаютъ отъ Дауръ-солоновъ и Сибо и съ большимъ успѣхомъ разводятъ въ своихъ садахъ яблони и урюковыя деревья. — Кромѣ плодовыхъ деревьевъ Калмыки тщательно разводятъ кайрагачъ (вязъ) и въ очень большемъ количествѣ. Хлѣбопашеству Калмыки придаютъ такое большое значеніе, что все лѣто проводятъ на своихъ пашняхъ, оставляя на это время пустыми свои дома. Изъ ремеслъ среди Калмыковъ распространено пока одно сапожное, которое исполняется у нихъ исключительно женщинами и притомъ весьма оригинально. — Сапожныхъ колодокъ Калмычки-сапожницы не имѣютъ и кромѣ того шьютъ сапоги швами наружу и, надо отдать имъ справедливость, — шьютъ очень прочно. Когда сапоги бываютъ готовы, то для того,—чтобы

(¹) См. Туркест. вѣдом. 1871 г. № 38, ст. «Изъ Сарканскаго выселка Семирѣченской области».

придать имъ соотвѣтствующую ногѣ форму и сохранить эту форму на болѣе или менѣе продолжительное время. Калмычки набиваютъ сапоги глиною и, придавъ имъ извѣстную форму, оставляютъ сохнуть, послѣ чего глина высыпается изъ сапога, получившаго уже форму ноги. Кромѣ сапожнаго ремесла Калмычки хорошо владѣютъ вышиваньемъ, которымъ онѣ пользуются при отдѣлкѣ верхней своей одежды. Подобно Дауръ-солонамъ и Сибо, и Калмыки начинаютъ сближаться съ русскими и заимствовать у нихъ форму жизни, но имъ дается это труднѣе, потому что прежній кочевой ихъ бытъ слишкомъ много отличается отъ осѣдлаго земледѣльческаго быта русскихъ. Въ этомъ отношеніи можно указать на то, между прочимъ, что Калмыки до сихъ поръ никакъ не могутъ помириться съ способомъ перевозки тяжестей на телѣгахъ: привыкши обходиться до переселенья въ Семирѣчье безъ всякихъ телѣгъ, они и съ поселеніемъ въ Сарканѣ, продолжаютъ возить все — и хлѣбъ и топливо (*курай*—сухая трава) на спинахъ своихъ быковъ (1).

IV. Православно-миссіонерская дѣятельность сарканскихъ священниковъ—оо. Чернявскаго и Покровскаго среди эмигрантовъ.

Послѣ просвѣщенія эмигрантовъ св. крещеніемъ, томское епархіальное начальство не оставило ихъ безъ духовнаго руководителя, а озаботилось назначить къ нимъ постояннаго духовнаго пастыря и учителя и открыть среди нихъ христіанскую школу. 2-го августа 1868 года былъ опредѣленъ къ поселившимся около Саркана новокрещеннымъ священникъ съ званіемъ миссіонера, о. Діомидъ Чернявскій, кото-

(1) См. Туркестанскія вѣдомости 1873 г. № 21, ст. «Изъ Сарканскаго выселка».

рому поручалось и завѣдываніе школою. На содержаніе ему назначено было священническаго жалованья 300 руб. въ годъ и учительскаго 400 руб. Получивши назначеніе, о. Чернявскій прибылъ къ мѣсту новаго своего служенія—въ Сарканъ въ концѣ августа того же 1868 года, но не встрѣтилъ здѣсь ничего благопріятнаго для высокаго своего служенія и ничего утѣшительнаго лично для себя. Эмигранты, къ которымъ онъ былъ посланъ, жили въ то время не въ самомъ выселкѣ Сарканскомъ, а въ степи, верстахъ въ 4—5-ти отъ выселка, гдѣ впрочемъ проживала только половина всѣхъ новокрещенныхъ эмигрантовъ, которыхъ обязанъ былъ воспитывать духовно о. Чернявскій; другая половина ихъ кочевала въ разныхъ мѣстностяхъ копальскаго и сергіопольскаго уѣздовъ Семирѣченской области, и потому самъ о. миссіонеръ не могъ имѣть постояннаго пристанища. Кромѣ того въ Сарканскомъ выселкѣ не было въ то время ни церкви, ни школы... И новокрещенные христіане были не младшими братьями казаковъ, а ихъ поденщиками; и священникъ Чернявскій былъ не миссіонеромъ-благотворителемъ новокрещенныхъ, не дѣятельнымъ защитникомъ ихъ интересовъ, а безмолвнымъ зрителемъ ихъ страданій. Его собственная матеріальная необезпеченность, бѣдность, съ которою пришлось бороться ему, семейному человѣку, не получавшему даже и назначеннаго ему содержанія [1], словомъ безвыходная нужда и нищета обезоруживали о. Чернявскаго въ его отношеніяхъ съ грубыми казаками-сарканцами, подаяніями которыхъ онъ питался съ своимъ семействомъ, буквально *выпрашивая* у нихъ каждую крупицу.

---

[1] Назначенное ему содержаніе онъ получилъ ровно чрезъ семь мѣсяцевъ послѣ своего поступленія въ Сарканъ, въ августѣ 1869 года, когда долженъ былъ уѣхать обратно въ томскую епархію.

Слѣдующая выдержка изъ письма о. Чернявскаго отъ 7 февраля 1869 года къ нѣкоему Вл. Н. показываетъ, въ какомъ печальномъ положеніи находился онъ на первыхъ порахъ своей новой службы.

„Считаю за лишнее, писалъ о. Чернявскій, говорить Вамъ, какъ человѣку хорошо знакомому съ жизнію, насколько трудно семейному человѣку (каковъ я) идти неуклонно къ благой и высокой цѣли, когда мысль очень часто должна заниматься вопросомъ: „какъ бы справиться съ окончательнымъ безденежьемъ“? Вамъ извѣстно, что я не могу разсчитывать на доходы отъ прихожанъ. Мои прихожане сами нуждаются въ доброхотныхъ подаяніяхъ, мое единственное обезпеченіе — жалованье. Назначеніе быть священникомъ для новокрещенныхъ Калмыковъ и учителемъ въ школѣ для калмыцкихъ дѣтей я получилъ 2 августа 1868 года, но жалованья до сихъ поръ не получалъ ни одной копѣйки. Что я человѣкъ не богатый (положительно можно сказать—бѣдный) въ этомъ я увѣрялъ (NN) и просилъ его позаботиться объ устраненіи отъ меня такого безвыходнаго положенія, въ какомъ я теперь нахожусь (на завтра я остаюсь безъ копѣйки и долженъ приниматься за продажу нужной для семьи одежды на пропитаніе ея)“.... Грустны положенія подобнаго рода и не безопасны для пастыря юныхъ чадъ Христовой церкви!

„Изъ Вѣрнаго я имѣю частныя свѣдѣнія, что будто бы въ семирѣченскомъ областномъ правленіи для меня получено пособіе въ 378 р. Я эти деньги до сихъ поръ не получалъ. Не знаю, насколько справедливы эти свѣдѣнія, но мнѣ при крайней нуждѣ приходится хвататься за нихъ. Нельзя ли будетъ Вамъ, добрый Вл. Н. чрезъ своихъ вѣрненскихъ знакомыхъ узнать, насколько справедливы полученныя мною свѣдѣнія и, если они справедливы, ускорить высылку 378 р. мнѣ, чрезъ что я избавлюсь отъ необходимости продавать нужныя вещи за безцѣнокъ“.

Къ этимъ внѣшнимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, печально отражавшимся на душевномъ состояніи о. Чернявскаго ([1]), нужно прибавить и то невыгодное для успѣховъ его миссіонерской дѣятельности обстоятельство, что самъ онъ не зналъ ни одного изъ тѣхъ инородческихъ нарѣчій, на какихъ говорили новокрещенные, и даже не имѣлъ у себя переводчика. Много ли добраго и полезнаго для новокрещенныхъ могъ сдѣлать при такой печальной обстановкѣ своей жизни священникъ-миссіонеръ, не встрѣчавшій нравственной поддержки даже и въ русскихъ казакахъ сарканскаго выселка?! Чтобы судить о сарканскихъ казакахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ о. Чернявскому, необходимо упомянуть здѣсь о слѣдующемъ прискорбномъ фактѣ. Когда о. Чернявскій пріѣхалъ къ сарканскимъ новокрещеннымъ въ званіи миссіонера-священника, сарканскіе казаки были прихожанами сосѣдней, Лепсинской церкви. Чувствуя неудобство обращаться за удовлетвореніемъ религіозныхъ своихъ потребностей къ лепсинскому священнику по отдаленности Саркана отъ Лепсы ([2]), они просили о. Чернявскаго исполнять у нихъ духовныя требы и съ своей стороны предложили ему общественную квартиру безплатно. О. Чернявскій добросовѣстно исполнялъ пастырскія свои обязанности у сарканскихъ казаковъ до самаго своего отъѣзда изъ Саркана. Но когда онъ рѣшилъ оставить Сарканъ и православно-русскіе казаки узнали, что ему выданъ годовой окладъ жалованья, полученія котораго онъ съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ около года, тогда казаки самымъ наглымъ образомъ вынудили его заплатить сарканскому обществу за все время проживанія своего въ отведенной ему тѣмъ же

([1]) Онъ доведенъ былъ почти до умопомѣшательства, которое имѣло у него характеръ строго религіозный; онъ молчалъ, плакалъ, ѣлъ когда ему давали и сколько давали....

([2]) Лепсинская станица находится къ сѣверо-востоку отъ Сарканской станицы, въ 65-ти верстахъ отъ послѣдней.

обществомъ безплатно квартирѣ.... Какъ такой фактъ могъ отразиться на душевномъ состояніи о. Чернявскаго, понятно каждому. Понятно и то, что отъ о. Чернявскаго нельзя было ожидать широкой и плодотворной дѣятельности на миссіонерскомъ поприщѣ въ Сарканѣ при столь неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Ему приходилось съ одной стороны воздѣлывать совершенно дѣвственную ниву инородческую, но для этого у него не было необходимыхъ орудій; съ другой стороны ему нужно было очищать заросшую терніемъ грубости и религіознаго невѣжества ниву казацкую, но тутъ онъ падалъ въ изнеможеніи своего скорбящаго духа, подавленнаго семейными и служебными заботами.... Однако, при всѣхъ неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ, онъ оставилъ послѣ себя два памятника своей страдальческой жизни въ Сарканѣ: при немъ было устроено *изъ кошмы* помѣщеніе для церкви и онъ же *первый* основалъ въ Сарканѣ христіанскую школу, которая послужила началомъ распространенія русско-христіанской грамотности среди сарканскихъ новокрещенныхъ. Эти два памятника лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ, что̀ можетъ сдѣлать искренно относящійся къ своему дѣлу миссіонеръ, при самыхъ даже неблагопріятныхъ условіяхъ для своей тяжелой, мало кому понятной дѣятельности. Да будетъ же добрая память о первомъ труженикѣ на невоздѣланной почвѣ водворенія христіанства среди китайскихъ эмигрантовъ Семирѣченской области Туркестанскаго края [1]!

По отъѣздѣ о. Чернявскаго изъ Саркана, на его мѣсто назначенъ былъ священникъ-миссіонеръ о. Вл. Гавр. Покровскій. Онъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія въ августѣ 1869 года. И этому продолжате-

---

[1] Въ настоящее время о. Чернявскій проживаетъ въ томской губерніи и состоитъ штатнымъ священникомъ въ одномъ изъ приходовъ томской епархіи.

лю недавно начатой миссіонерской дѣятельности среди новокрещенныхъ пришлось вынести большую борьбу съ окружающими обстоятельствами, прежде чѣмъ поставить свою дѣятельность въ нормальное положеніе и утѣшаться ея успѣхами.

О. Покровскій, прибывши въ Сарканъ, засталъ эмигрантовъ все еще живущими въ степи, въ 4—5 верстахъ отъ выселка; церковь помѣщалась въ томъ же кошомномъ зданіи; обученіе дѣтей эмигрантовъ производилось въ вольнонаемныхъ неудобныхъ квартирахъ; помѣщенія для священника не было, ни казеннаго, ни общественнаго. — Къ этимъ матеріальнымъ неудобствамъ, какія приходилось испытывать о. Покровскому, по пріѣздѣ въ Сарканъ, присоединялись еще невзгоды нравственныя, представляемыя русскимъ казаческимъ населеніемъ Саркана. Сарканскіе казаки до 1868 года жили въ теченіе 12-ти лѣтъ безъ церкви и безъ священника и въ этотъ продолжительный періодъ привыкли къ своему безпастырскому, внѣцерковному состоянію. Среди нихъ, вслѣдствіе такой обстановки ихъ религіозно-нравственнаго быта, укоренился расколъ, побудившій и не отпавшихъ еще отъ церкви къ грубому отношенію ихъ къ церкви и священнику, и ослаблялъ нравственное вліяніе послѣдняго. Въ то же время это, зараженное расколомъ и загрубѣлое въ религіозно-нравственномъ отношеніи, казачество вредно вліяло и на новокрещенныхъ, показывая имъ примѣры самой дикой необузданности. Такъ напр. въ 1868 году казакъ Назаръ, очевидно зараженный духоборческою ересью, разбилъ св. икону, ударивъ ее объ полъ; въ 1869 году казакъ Ольшанскій внушалъ эмигрантамъ, что они молятся не истиннымъ иконамъ, а ложнымъ, что они молятся діаволу, но не Богу; въ томъ же 1869 году православные сарканскіе казаки затратили на свои нужды всѣ церковныя деньги, которыя только по распоряженію Семирѣченскаго военнаго губернатора были съ нихъ взысканы; въ 1870 году изъ-подъ казачь-

яго караула пропала церковная кружка съ сборными деньгами, взысканными съ казаковъ по распоряженію того-же губернатора и пр. т. п.

Приведенные факты достаточно характеризуютъ русское населеніе Саркана; сарканское казачество, очевидно, не только не могло помогать священнику-миссіонеру въ его тяжкой задачѣ просвѣщенія православною христіанскою вѣрою и обрусенія эмигрантовъ, но и отвлекало значительную долю энергіи священника на ослабленіе ихъ вреднаго нравственнаго вліянія на эмигрантовъ. Послѣднимъ предстояло кромѣ того еще освободиться и вообще отъ тяжелаго гнета бѣдности и отъ матеріальной зависимости отъ казаковъ, которые были и богаче и состоятельнѣе эмигрантовъ и держали въ своихъ рукахъ общественную власть. Казакамъ было выгодно держать эмигрантовъ въ зависимости отъ себя и не хотѣлось признавать ихъ не только равноправными гражданами, но и братьями по вѣрѣ, къ которымъ слѣдовало обращаться съ братскою христіанскою любовію. Поэтому когда эмигранты оправились отъ своей бѣдности и начали заявлять свои гражданскія права, казаки отнеслись къ этому враждебно и священнику-миссіонеру, ставшему на сторону правыхъ, предстояло разсориться съ казацкимъ населеніемъ Саркана, что̀, очевидно, не могло не отразиться не выгодно не только на матеріальномъ благосостояніи священника, но и на его душевномъ спокойствіи.—Къ счастію его всѣ эти неурядицы уладились при терпѣніи о. Покровскаго и его умѣньи уладить дѣло, къ которому онъ былъ приставленъ и къ которому относился душевно, съ искреннею преданностію.

Миссіонерская дѣятельность о. Покровскаго среди новокрещенныхъ началась съ утвержденія ихъ въ православно-христіанской вѣрѣ, которую они приняли, но не разумѣли. Сознавая всю трудность духовнаго перерожденія человѣка, особенно пожилаго, сродпившагося съ своимъ міросозерцаніемъ, о. Покров-

скій съ самаго вступленія своего на мѣсто духовнаго пастыря сарканскихъ новокрещенъ, обратилъ вниманіе свое преимущественно на молодое поколѣніе эмигрантовъ и къ ихъ утвержденію въ новой вѣрѣ избралъ вѣрнѣйшее средство—образованіе ихъ въ духѣ христіанской церкви въ устроенной о. Чернявскимъ школѣ.—Эмигрантскихъ дѣтей онъ завлекалъ въ школу подарками азбукъ, карандашей, картинокъ религіознаго содержанія, и дѣти мало по малу, вмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ, заучивали христіанскія молитвы и привыкали къ христіанскимъ обрядамъ. Въ школѣ же они узнавали русскія названія дней и мѣсяцевъ, знакомились съ русскимъ лѣтосчисленіемъ и вообще съ разговорнымъ русскимъ языкомъ. Но что гораздо важнѣе въ положеніи эмигрантовъ,—въ школѣ и чрезъ школу они сближались съ церковію. Прежняя кошомная церковь не могла, разумѣется, производить на нихъ особеннаго впечатлѣнія, имѣя такой убогій видъ; но за то внутреннее устройство церкви тѣмъ сильнѣе поражало ихъ дѣтски-любознательную душу, а церковная служба и особенно пѣніе трогали ихъ сердце, и эмигранты привыкли къ христіанскому храму, полюбили его такъ же, какъ любили они школу и начали охотно посѣщать его каждый воскресный и праздничный день. Въ 1869 году, на праздникъ Р. Хр. обучавшіеся въ школѣ дѣти эмигрантовъ уже ходили по выселку „славить Христа“, и замѣчательно—тѣже казаки ласково принимали ихъ и дарили имъ деньги за пропѣтый гимнъ во славу Христа. — Въ великій постъ они говѣли, исповѣдывались и пріобщались св. таинъ.—Чрезъ дѣтей, учениковъ школы, христіанское вліяніе проникло и въ самыя семьи эмигрантовъ: въ семействахъ, дѣти которыхъ обучаются въ школѣ, уже съ большимъ благоговѣніемъ относятся къ розданнымъ имъ св. иконамъ, правильнѣе изображаютъ на себѣ крестное знаменіе, а въ праздники зажигаютъ восковыя свѣчи предъ иконами.

О состоянiи этой школы мы имѣемъ нѣкоторыя оффицiальныя свѣдѣнiя, которыя считаемъ нужнымъ привести здѣсь. Какъ видно изъ записки старшаго чиновника особыхъ порученiй при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ, г. Бродовскаго, написанной въ видѣ отчета по поводу произведеннаго имъ въ 1870 году по порученiю туркестанскаго генералъ-губернатора осмотра школъ Семирѣченской области,—въ Сарканскомъ выселкѣ существовали двѣ школы: одна для дѣтей казаковъ, а другая для дѣтей китайскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ выселкѣ. Обѣ эти школы были открыты въ 1868 году миссiонеромъ Чернявскимъ и существовали каждая отдѣльно, какъ по ненахожденiю въ выселкѣ достаточно просторнаго помѣщенiя для совмѣстной школы, такъ и по неудобству вести одновременно обученiе русскихъ дѣтей и дѣтей эмигрантовъ, совершенно незнакомыхъ съ русскою разговорною рѣчью. Въ 1870 г. въ обоихъ школахъ преподавалъ законъ Божiй мѣстный священникъ-миссiонеръ, о. Покровскiй, а въ школѣ для дѣтей эмигрантовъ онъ заправлялъ одинъ всею учебною и воспитательною частью. Относясь къ своему дѣлу съ особеннымъ усердiемъ, о. Покровскiй имѣлъ весьма доброе влiянiе и на русскую (казачью) школу, а особенно на эмигрантскую. Эта послѣдняя школа была открыта въ ноябрѣ 1868 года и въ 1870 г. не имѣла еще своего зданiя, а помѣщалась на квартирѣ.—Во время осмотра этой школы г. Бродовскимъ въ ней обучалось 28 мальчиковъ, сыновей Дауръ-солоновъ и Чахаръ-калмыковъ. Ученики школы не овладѣли еще тогда вполнѣ русскимъ языкомъ, но прiятно и неожиданно удивили ревизующаго школу своимъ хорошимъ чтенiемъ и письмомъ по русски, своимъ достаточнымъ развитiемъ и очень порядочнымъ хоровымъ пѣнiемъ молитвъ, и все это г. Бродовскiй всецѣло приписалъ завѣдывающему школою, о. Покровскому. Г-нъ Бродовскiй замѣтилъ между прочимъ, что ученики изъ Чахаръ-калмыковъ труднѣе справляются съ русскою рѣчью, чѣмъ дѣти Да-

уръ-солоновъ и объяснилъ это разобщенностію Чахаръ-калмыковъ съ русскимъ населеніемъ выселка (¹). Въ 1871 году эту школу посѣщали уже до 50 учениковъ, въ числѣ которыхъ были и десятилѣтнія дѣти и двадцатилѣтніе юноши и даже женатые,—и своими успѣхами обратили на себя вниманіе военнаго губернатора области, который въ началѣ 1871 года одного старшаго и лучшаго воспитанника утвердилъ помощникомъ преподавателя въ школѣ, а другаго церковнымъ старостою, съ предоставленіемъ ему права носить форменный кафтанъ. Независимо отъ успѣховъ учениковъ школы, о. Покровскаго радовало и то, что самое помѣщеніе школы улучшилось, что было наконецъ устроено довольно удобное и помѣстительное изъ сырцеваго кирпича помѣщеніе для мужской эмигрантской школы. Въ 1871 г. неподалеку отъ этой школы членомъ семирѣченскаго братства, копальскимъ 1 гильдіи купцомъ, Вас. Петр. Кузнецовымъ выстроено было изъ сырцоваго кирпича зданіе для женской эмигрантской школы, которую почтенный строитель снабдилъ швейною машиною и содержаніе которой принялъ на свой счетъ. Кромѣ того онъ постоянно оказывалъ свое благотворительное вниманіе не только этой школѣ, но и мужской (²). Для послѣдней онъ выписалъ хорошія географическія карты. Одновременно съ заботами о благоустройствѣ мѣстной школы, о. Покровскій неусыпно хлопоталъ и о благоустройствѣ церкви, которая столь важную услугу оказы-

---

(¹) Смотр. Дѣло канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора № 46, отд. 3, л. 15—17.

(²) Во вниманіе къ пожертвованіямъ и постоянному обезпеченію женской сарканской школы купцомъ Кузнецовымъ, военный губернаторъ Семирѣченской области, генералъ-лейтенантъ Гер. Алек. Колпаковскій исходатайствовалъ, въ маѣ 1871 года, у туркестанскаго генералъ-губернатора разрѣшеніе на наименованіе этой школы *„Ксеніевской"*, какъ желалъ этого г. Кузнецовъ для воспоминанія о своей супругѣ—Ксеніи. (См. Дѣло канцеляріи турк. генералъ-губернат. № 25, отд. 3, л. 188).

вала ему въ его просвѣтительной дѣятельности среди эмигрантовъ. — И старанія его не остались безплодными: на первый разъ кошомная церковная постройка была замѣнена тесовою, въ 1873 году была обнесена кругомъ деревянною оградою и обсажена тополями, черемухой и дикими яблонями, такъ что сдѣлалась лучшимъ украшеніемъ станицы; внутри церковь украсилась великолѣпной утварью. Рядомъ съ нею въ 1874 году была уже начата постройка каменной церкви.

Чтобы дать возможность научиться чему-нибудь полезному въ жизни и устарѣвшимъ уже для грамоты эмигрантамъ, въ Сарканскомъ выселкѣ открыта была, на средства семирѣченскаго церковнаго братства, ремесленная школа, въ которой въ 1871 году обучались сапожному и столярному ремеслу до 20-ти взрослыхъ эмигрантовъ.

Словомъ, въ 1871 году о. Покровскій имѣлъ удовольствіе — утѣшаться успѣхами и поведеніемъ дѣтей новокрещенныхъ, сознательно полюбившихъ церковь и школу и начавшихъ уже оказывать благотворное вліяніе и на своихъ родителей, ослабляя въ нихъ языческіе обычаи и вѣрованія (¹). Кромѣ того въ этомъ же году свящ. Покровскимъ были просвѣщены св. крещеніемъ нѣсколько человѣкъ китайскихъ эмигрантовъ, проживавшихъ въ выселкѣ. Но миссіонерская дѣятельность о. Покровскаго въ Сарканскомъ выселкѣ не была одиночнымъ явленіемъ въ церковной жизни Семирѣченской области; случаи принятія христіанской вѣры эмигрантами были и въ другихъ мѣстностяхъ области, какъ это видно между прочимъ изъ оффиціальнаго документа. Въ извлеченіи изъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода отмѣчена въ слѣдующихъ словахъ семирѣченская миссіонерская дѣятельность: „просвѣ-

---

(¹) См. Туркест. вѣдомости 1871 г. № 29, ст. «Изъ Сарканскаго выселка».

щеніе св. вѣрою китайскихъ эмигрантовъ въ Семирѣченской области, при помощи Божіей, продолжалось и въ 1871 году. Благоустроенное положеніе эмигрантовъ въ Сарканскомъ выселкѣ, наглядно представляя ихъ соплеменникамъ превосходство христіанской жизни подъ сѣнію русскаго правительства, содѣйствуетъ успѣшному распространенію христіанства между ними. Въ январѣ минувшаго года 33 китайскихъ переселенца изъ рода Солоновъ и одна киргизка, проживавшіе на границѣ нашего южно-тарбагатайскаго отряда, близъ укрѣпленія Бахтинскаго, заявили нашему пограничному начальству о своемъ желаніи принять христіанство и перейти въ русское подданство. Священникъ Уржарской станицы, получивъ объ этомъ извѣстіе, немедленно отправился (за 110 верстъ) въ Бахтинское укрѣпленіе и, по надлежащемъ приготовленіи, 17-го января совершилъ надъ ними св. таинство крещенія. Тутъ были и младенцы, и семидесятилѣтніе старцы. Во время совершенія св. таинства взрослые правильно осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ и молились. На другой день всѣ новопросвѣщенные св. крещеніемъ приняли присягу на подданство Россіи и ея правительству и дали подписки жить на мѣстахъ, которыя отведены будутъ имъ тамошнимъ начальствомъ. Сверхъ сего въ самомъ Сарканскомъ выселкѣ миссіонеромъ-священникомъ Покровскимъ просвѣщено св. вѣрою 85 человѣкъ китайскихъ эмигрантовъ. Многіе изъ учениковъ школы выучились уже говорить порусски, читать, писать и познакомились съ ариѳметикой. Всѣ ученики изъ эмигрантовъ прилежно посѣщаютъ школу, сознательно полюбили церковь, любятъ церковное пѣніе и многіе выучились пѣть обѣдню" (¹).

(¹) Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1871 г. гл. «Успѣхи христіанства въ Семирѣч. области».

Относясь съ любовію къ своему дѣлу, о. Покровскій не пропускалъ ни одного удобнаго случая, когда представлялась ему возможность сообщить новокрещеннымъ что-нибудь полезное. Въ 1871 году эмигранты жили еще въ степи, а не въ самомъ выселкѣ. Пріѣзжая на праздникъ къ нимъ, о. Покровскій подолгу засиживался въ ихъ землянкахъ, разговаривая съ ними и съ ихъ дѣтьми, которыхъ онъ кромѣ того заставлялъ прочитывать что-нибудь изъ книги. Въ это время онъ къ своей радости замѣчалъ, съ какимъ любопытствомъ и удовольствіемъ отцы и матери смотрѣли на своихъ дѣтей во время чтенія ими книгъ и какъ незамѣтно быстро летѣло время въ его миссіонерскихъ бесѣдахъ съ отцами и матерями, интересовавшимися знать, что̀ читаютъ ихъ дѣти. Но этого утѣшенія о. Покровскій дождался не вдругъ... Въ первые два года по его пріѣздѣ въ Сарканъ, эмигранты не вполнѣ довѣряли ему, какъ новому человѣку, особенно въ дѣлѣ вѣры и совѣсти. Но тѣмъ не менѣе, замѣчая искреннюю любовь къ себѣ священника и знакомясь съ новой вѣрой, они не только охотно приносятъ рожденныхъ своихъ дѣтей для крещенія и причащенія, но и съ полнымъ довѣріемъ обращаются къ священнику въ случаяхъ болѣзни кого нибудь изъ семейныхъ.—При этомъ мы считаемъ умѣстнымъ и нужнымъ замѣтить, что къ новой вѣрѣ сознательно относятся только дѣти новокрещенъ, получающіе въ школѣ истинное понятіе о христіанствѣ, отцы же и матери ихъ, нѐ забываютъ совершенно старой своей вѣры, а только сближаютъ ее въ своихъ представленіяхъ съ новою и такимъ образомъ вступаютъ на столь извѣстный въ исторіи распространенія христіанства, особенно въ Россіи, путь „двоевѣрія".—О. Покровскаго наприм. Калмыки и Сибо иначе и не называли заочно какъ „русскимъ ламою" (¹). Но мы не

(¹) Священникъ Катты-курганскаго укрѣпленія, о. Зеленецкій также передалъ мнѣ, что мѣстные сарты-мусульмане величаютъ его русскимъ „*ишаномъ*".

можемъ при этомъ не упомянуть, что всѣ эмигранты, особенно Калмыки и Сибо какъ будто бы гораздо легче сближаются съ православнымъ христіанствомъ, чѣмъ мусульмане: существованіе у буддистовъ изображеній пролагаетъ въ ихъ сердцахъ путь къ почитанію св. иконъ, чего не бываетъ съ мусульманами.— Намъ извѣстно, съ какимъ трудомъ почитаніе св. иконъ распространяется среди новокрещенныхъ татаръ-мусульманъ въ Казанскомъ краѣ и съ какимъ глумленіемъ относятся они къ православно-христіанскимъ процессіямъ съ св. иконами. Не то съ новокрещенными Калмыками и Сибо. Въ Сарканскомъ выселкѣ, послѣ посѣва хлѣба, бываетъ ежегодное празднество, по случаю принесенія изъ Копала Абалакской иконы Божіей матери. Встрѣча этой иконы, по словамъ о. Покровскаго, торжественна и трогательна: всѣ жители выселка, отъ мала до велика, выходятъ на встрѣчу къ иконѣ за версту и болѣе, и потомъ съ пѣніемъ церковныхъ пѣсней несутъ ее въ сарканскую церковь.... Калмыки и Сибо также выходятъ съ своими дѣтьми на встрѣчу иконы и падаютъ на землю съ благоговѣйнымъ чувствомъ вѣры и почтенія къ этой величественной блистающей золотомъ иконѣ.— Этотъ фактъ въ миссіонерскомъ отношеніи замѣчателенъ, по нашему мнѣнію, особенно по сравненію его съ противоположными фактами изъ религіозной жизни нашихъ казанскихъ крещеныхъ Татаръ, не съумѣвшихъ додуматься до болѣе приличныхъ выраженій для св. иконъ, какъ „*образъ-гонота*“ и под.

Въ началѣ своего очерка мы съ особенною цѣлію собрали все, что могли найти о религіозно-нравственномъ міровоззрѣніи эмигрантовъ, чтобы яснѣе оттѣнить ихъ отношенія къ православно-христіанскому вѣроученію и произшедшую съ принятіемъ послѣдняго перемѣну въ ихъ духовной жизни. Было сказано, что они, какъ шаманы, не имѣли ни храмовъ, ни обрядовъ, кромѣ жертвоприношеній.—Поэтому намъ должно быть понятно, что, и по принятіи христіанства,

Дауръ-солоны, какъ шаманисты, проявляютъ менѣе религіозности, чѣмъ эмигранты буддисты; но за то первые отличаются бо́льшимъ умственнымъ развитіемъ и удобнѣе поддаются чисто разсудочнымъ объясненіямъ новой вѣры. На исполненіе христіанскихъ религіозныхъ обрядовъ Дауръ-солоны смотрятъ какъ на неизбѣжное требованіе закона и, повидимому, не имѣютъ никакой вѣры въ спасительную силу христіанскихъ таинствъ. Вслѣдствіе такого различія въ нравственномъ характерѣ сарканскихъ новокрещенъ и священникъ-миссіонеръ употреблялъ для духовнаго воздѣйствія на нихъ не одинаковыя средства: по отношенію къ Калмыкамъ и Сибо онъ старался о духовномъ перевоспитаніи ихъ въ духѣ православной христіанской церкви, объ уничтоженіи въ ихъ религіозномъ сознаніи буддійскихъ представленій и о замѣнѣ ихъ христіанскими; въ отношеніи же шаманистовъ Дауръ-солоновъ миссіонеръ заботился о передачѣ и уясненіи имъ христіанскаго міросозерцанія и о внушеніи имъ христіанско-церковнаго взгляда на обрядность христіанства. Кромѣ того о. Покровскому предстояла еще очень трудная, но неизбѣжная въ его положеніи задача—располагать къ себѣ тѣхъ новокрещенъ, которые прежде были духовными лицами и которые какъ до принятія христіанства, такъ и послѣ перемѣны старой своей вѣры стояли во главѣ остальной массы и всегда были авторитетными лицами въ глазахъ послѣднихъ. Общимъ же въ отношеніи всѣхъ эмигрантовъ орудіемъ у о. Покровскаго служили и служатъ школа и церковь.

На такихъ именно началахъ основалась миссіонерская дѣятельность о. Покровскаго въ отношеніи его новокрещенныхъ пасомыхъ; усердіе послѣднихъ къ церкви и школѣ, соединенное съ личнымъ довѣріемъ къ самому о. Покровскому, и желаніе ихъ всѣхъ видѣть въ своихъ дѣтяхъ новыхъ людей и новыхъ

вѣрующихъ служило для него лучшимъ доказательствомъ успѣховъ его дѣятельности [1].

Чтобы судить о результатахъ этой дѣятельности, достаточно, на основаніи словъ о. Покровскаго, сказать, что за минувшее пятилѣтіе (т. е. съ 1869 по 1874 г.) мужская школа въ Сарканѣ воспитала 39 человѣкъ, изъ которыхъ многіе вышли не только умѣющими хорошо говорить порусски и достаточно грамотными, но и сознательно вѣрующими, преданными православной вѣрѣ христіанской. — Такимъ особенно воспиталея новокрещенный изъ Солоновъ Михаилъ Букинга, нынѣ исправляющій при церкви должность псаломщика. Изъ тогоже числа бывшихъ воспитанниковъ школы пять человѣкъ исполняютъ въ церкви обязанности пѣвцовъ при богослуженіи. А главное, въ домашнемъ, семейномъ быту своемъ бывшіе воспитанники школы служатъ уже руководителями христіанской вѣры для своихъ родныхъ. О. Покровскому отрадно было видѣть, если какой нибудь калмыкъ или солонъ, бывшій назадъ тому пять лѣтъ еще полудикимъ язычникомъ, начиналъ послѣ того сознательно исполнять обязанности воспріемника при таинствѣ крещенія, въ средѣ новокрещенныхъ, при чемъ самъ читалъ символъ православной вѣры!

Сердечное расположеніе эмигрантскаго населенія въ Сарканѣ къ православной вѣрѣ также было очевидно въ его время для каждаго: каждое воскресенье и каждый праздникъ можно было встрѣтить за литургіей нѣсколько человѣкъ новокрещенныхъ, особенно женщинъ съ грудными малютками и вообще съ маленькими дѣтьми, которыхъ они любятъ приносить къ причастію. При этомъ, нельзя не указать на ту, обращающую на себя вниманіе, особенность, что всѣ дѣти новокрещенъ причащались положительно безъ вся-

---

(1) Турк. вѣдом. 1872 г. № 15, ст. «Изъ Сарканскаго выселка Семирѣченской области».

каго съ ихъ стороны сопротивленія и обычныхъ у русскихъ дѣтей при этихъ случаяхъ плача и крика. Точно такое же расположеніе и любовь къ вѣрѣ видны были въ большинствѣ эмигрантовъ и при посѣщеніи ихъ домовъ со св. крестомъ въ праздники, а также и при другихъ случаяхъ общественнаго богослуженія.

Новокрещенные, бывшіе нѣкогда духовными лицами въ буддизмѣ и шаманствѣ, какъ напримѣръ, новокрещенные ламы, и понынѣ продолжаютъ вести безбрачную жизнь; они не теряютъ и нынѣ своего прежняго значенія въ эмигрантскомъ населеніи, какъ искусные, по мнѣнію эмигрантовъ, врачи. Можетъ быть даже, что нѣкоторые изъ нихъ задерживаютъ въ язычествѣ старое, отживающее поколѣніе эмигрантовъ; но это противодѣйствіе, какъ остатокъ языческаго мрака, имѣетъ вообще весьма мало вліянія на всю массу новокрещенныхъ. Таковы вообще видимые результаты дѣятельности миссіонеровъ среди эмигрантскаго населенія Саркана!

Кромѣ 669 человѣкъ обоего пола, водворившихся въ Сарканѣ, остальные новокрещенные, причислившіеся нынѣ къ выселкамъ Карабулакскому и Коксуйскому, вошли въ составъ коксуйскаго прихода и состоятъ подъ наблюденіемъ коксуйскаго священника Знаменскаго,—и есть полная надежда на ихъ обрусеніе и оправославленіе. Словомъ, дѣло обрусенія и воспитанія въ истинахъ христіанства эмигрантовъ въ копальскомъ округѣ поставлено уже на прочныя начала и слѣдовательно цѣль, съ которою въ этомъ округѣ учреждено миссіонерство,—эта высокая цѣль нынѣ на половину уже достигнута, не смотря на всѣ стѣснительныя и вообще неблагопріятныя условія, которыми сказались для миссіонерства въ теченіе минувшихъ пяти лѣтъ послѣдніе 1872 и 1873 годы.

Въ настоящее время, вслѣдствіе все болѣе и болѣе накопляющихся фактовъ, настоятельно требуетъ разрѣшенія новый вопросъ, именно: вопросъ о расши-

реніи въ Семирѣчьѣ настоящей дѣятельности миссіонерства, и о постановкѣ его на болѣе широкихъ основаніяхъ ([1]).

Въ 1875 г. о. Покровскій писалъ, что усердіе сарканскихъ прихожанъ какъ казаковъ, такъ и Калмыковъ къ храму Божію вполнѣ замѣчательно. Въ 1873 г. они облагообразили церковную ограду, развели въ ней хорошій садъ, за которымъ присматривалъ особый поливальщикъ, нанятый за 200 п. пшеницы; въ 1874 г. они пожертвовали 100 четвертей пшеницы на пріобрѣтеніе въ Кульджѣ колокола, а въ 1875 г. выстроили на свой же счетъ каменную колокольню къ церкви. Точно также возрастало и усердіе прихожанъ сарканскихъ къ посѣщенію церковныхъ богослуженій: Русскіе заохочены были къ хожденію въ церковь объясненіемъ Евангелія, происходившимъ за каждою литургіею, а Калмыки — пѣніемъ церковныхъ пѣсней на лѣвомъ клиросѣ на калмыцкомъ языкѣ ([2]).—Школы сарканскія особенно въ зимнее время оживаютъ: теплыя, свѣтлыя и просторныя комнаты ихъ были посѣщаемы 54 мальчиками (31 русск. и 23 калм.) и 15 дѣвочками; христіанскія обязанности исполняются ими весьма охотно, что объясняется какъ личнымъ религіознымъ усердіемъ ихъ, такъ и безплатнымъ совершеніемъ у нихъ всѣхъ христіанскихъ требъ. Новообращенныхъ было въ 1875 г. двое: кульджинскій калмыкъ и киргизъ. Какъ на примѣръ сближенія Калмыковъ съ Русскими, можно ука-

([1]) Туркест. вѣдом. 1874 г. № 29, ст. «Неофиты Сарканскаго выселка».

([2]) Считаемъ нужнымъ замѣтить здѣсь, что для церковнаго пѣнія о. Покровскій употреблялъ готовые тексты изъ переводовъ покойнаго преосвящ. Нила; а переводы эти, кажется, не особенно удовлетворительны въ отношеніи церковной терминологіи, заимствованной изъ буддійскаго вѣроученія. Какъ на примѣръ укажемъ на слово «Боже», переведенное у преосвящ. Нила распространеннымъ у буддистовъ выраженіемъ «бурханъ», что неудобно.

зать на бракъ одного калмыка съ дочерью казака.— Въ 1875 году всѣ копальскіе эмигранты уже приняли св. крещеніе, а кульджинскіе имѣли уже свою церковь и своего священника-миссіонера, что и объясняетъ значительное число новокрещенныхъ въ этомъ году (¹).

V. Перемѣны, происшедшія въ Сарканскомъ выселкѣ со времени водворенія въ немъ китайскихъ эмигрантовъ.

Китайскіе эмигранты постепенно поселялись въ Сарканѣ, такъ что въ 1875 г. все населеніе Саркана состояло изъ 43 домовъ казачьихъ, 138 домовъ Калмыковъ, изъ 100 слишкомъ юртъ Киргизовъ, находящихся въ услуженіи у сарканскихъ жителей, изъ 11 домовъ Татаръ, которые еще въ 1874 г. открыли въ Сарканѣ временную мечеть и начали оглашать сарканскій воздухъ крикомъ „азана". — Татарско-мусульманская миссія сопровождаетъ русско-православную миссію не только не отставая отъ послѣдней, но и опережая ее,—особенно въ средней Азіи, гдѣ кромѣ Семирѣчья со стороны русскихъ никакихъ нѣтъ попытокъ къ миссіонерской дѣятельности, между тѣмъ какъ Татары и въ большинствѣ случаевъ Татары Казанскаго края успѣли проникнуть вездѣ и продолжаютъ свою миссію въ очію, нимало не сумняся.

Въ 1875 г. Сарканскій выселокъ былъ переименованъ въ станицу, съ причисленіемъ къ ней сосѣднихъ небольшихъ поселковъ: Абакумовскаго, Аксинскаго и Басканскаго, входившихъ прежде въ составъ Копальской станицы. Калмыки, окончательно поселившись въ Сарканѣ, не только сдѣлались полноправными съ казаками русскими гражданами, но и принимаютъ даже участіе въ станичномъ управленіи; въ 1875 г. одинъ калмыкъ былъ избранъ помощникомъ станичнаго атамана, а четверо другіе—станичными судьями. И другіе эмигранты не менѣе Кал-

---

(¹) Туркест. вѣдом. 1875 г. № 51, ст. «Изъ Саркана».

мыковъ сроднились съ новымъ своимъ отечествомъ и русскимъ правительствомъ. Обласканные постоянною заботливостію о нихъ семирѣченской администраціи и семирѣченскаго братства, они возрождались нравственно и настолько свыкались съ новымъ своимъ мѣстожительствомъ, что не только не сожалѣли о своей старой родинѣ, когда кульджинская провинція занята была въ 1871 г. русскими войсками, а еще радовались, что съ этою перемѣною политическаго положенія Кульджи открывалась возможность возобновленія родственныхъ отношеній съ освобожденными отъ таранчинскаго ига ихъ единоплеменниками. Самый внѣшній видъ Сарканскаго выселка измѣнился за это время. Теперь уже издали замѣтенъ высокій церковный куполъ, надъ которымъ отрадно при солнцѣ блеститъ позолоченный крестъ; издали замѣтны бѣлыя крыши далеко не деревенскихъ зданій. Передъ выселкомъ на быстрой, каменистой рѣчкѣ, переѣздъ чрезъ которую прежде былъ очень неудобенъ въ лѣтніе, жаркіе мѣсяцы, нынѣ вы встрѣтите большой, прекрасный, деревянный мостъ, и при въѣздѣ въ самое селеніе, видите совершенно новую, береговую улицу, всю застроенную какъ на подборъ большими, каменными зданіями, каковы: станичное управленіе, домъ миссіонера, мужская школа и, особенно выдающееся своей красивой постройкой, зданіе женской Ксеніевской школы. Наконецъ, въ довершеніе всего этого видите вы обрамленную широкими улицами, огороженную оградой и заросшею деревьями церковную площадь, среди которой возвышается новый каменный храмъ, заинтересовывающій съ перваго же раза своею оригинальною архитектурою, по поводу которой нельзя не сказать, что окружающія съ трехъ сторонъ храмъ, обширныя галлереи, какъ нельзя болѣе умѣстны здѣсь, при миссіонерскомъ назначеніи храма, какъ отличныя и удобныя мѣста для стоянія, во время богослуженій, готовящихся къ св. крещенію язычниковъ. Не мало живописнаго представляютъ ши-

рокія, чистыя улицы и густо разросшіяся аллеи вербовника и тополя, особенно въ центрѣ русскаго казачьяго выселка. Въ эмигрантскихъ же кварталахъ вниманіе каждаго съ удовольствіемъ останавливается на повсемѣстно зеленѣющихся огородахъ. Въ однихъ вы встрѣчаете всевозможные овощи; въ другихъ—исключительно табакъ, въ третьихъ — зеленѣющія бесѣдки, съ висящими кувшинными тыквами и разноцвѣтныя, пестрѣющія клумбы различныхъ цвѣтовъ, до которыхъ большія охотницы Дауръ-солонки и Сибо.

Населеніе выселка болѣе чѣмъ утроилось; исключительно земледѣльческій характеръ населенія и развитіе земледѣлія, чѣмъ особенно могутъ похвалиться эмигранты, подняло благосостояніе выселка за это время настолько, что нынѣ въ Сарканѣ завелись постоянныя лавки со всевозможными товарами, приспособленными къ требованіямъ мѣстныхъ потребителей. Таковы, напр. лавки съ кирпичнымъ чаемъ, ситцами, обувью, лавки съ желѣзными вещами: сошниками, лопатами, ведрами, чугунными котлами и проч.; кромѣ этого, открылись двѣ постоянныя мясныя лавки и, наконецъ, завелись даже разнощики съ сальными свѣчами и серянками.

А какъ разнообразны жители Саркана! Казаки, Калмыки, Дауръ-солоны, Сибо, Манджуры, переселенцы-крестьяне, между которыми есть даже нѣсколько семействъ изъ природныхъ Зырянъ. При такомъ разноплеменномъ населеніи, въ Сарканѣ вошелъ въ употребленіе, какъ болѣе общедоступный языкъ для всѣхъ,—языкъ киргизскій.

Но, не смотря на такое разноплеменное населеніе Саркана, въ нравственномъ отношеніи этотъ выселокъ можетъ считаться даже образцовымъ. Особенно зарекомендовали себя съ этой стороны эмигранты, отличающіеся трудолюбіемъ, трезвостію и честностью. Прежде несчастные горемыки, бѣжавшіе отъ поголовнаго истребленія во время дунганской рѣзни безъ

одежды, безъ хлѣба и почти безъ скота, они скоро начали оказывать благотворное вліяніе и на казачье населеніе выселка. Въ концѣ 1873 года, они на общественномъ сходѣ постановили приговоръ о закрытіи въ выселкѣ кабаковъ съ 1 января 1874 года; значительная партія сарканскихъ казаковъ, заинтересованныхъ въ этой торговлѣ противились было такому постановленію приговора, но Калмыки, присутствовавшіе на сходѣ, большинствомъ голосовъ настояли на приговорѣ. Въ концѣ 1876 года сарканское общество, въ виду окончанія срока этому приговору, хотѣло было опять открыть въ Сарканѣ съ новаго года торговлю водкой, но военный губернаторъ, какъ писалъ Букина о. Покровскому въ письмѣ отъ 7 ноября 1876 года, запретилъ имъ навсегда такую торговлю, хотя сарканское общество дало было уже два приговора на открытіе въ выселкѣ питейныхъ домовъ. Въ числѣ особенно выдающихся мудрыхъ распоряженій эмигрантовъ въ общественной ихъ жизни слѣдуетъ упомянуть о томъ, что они учредили у себя ежегодный общественный сборъ хлѣба, для прекращенія въ выселкѣ нищенства, такъ что, со времени этого учрежденія, что было осенью 1872 года, нищенства и воровства между эмигрантами нѣтъ и въ поминѣ. Какъ на образецъ суда у нихъ по преступленіямъ противъ общественнаго благосостоянія г. Фридериксъ указываетъ на слѣдующій случай: одинъ изъ новокрещенныхъ эмигрантовъ укралъ у своего сосѣда куль муки. Общество, убѣдившись въ дѣйствительности обвиненія, разслѣдовало дѣло и когда оказалось, что обвиняемый впалъ въ проступокъ, побуждаемый къ тому крайнею своею бѣдностію, то постановило помочь ему пожертвованіемъ общественнаго хлѣба подъ условіемъ немедленно исключить его изъ общества и выселить въ китайскія владѣнія, если онъ будетъ замѣченъ въ воровствѣ во второй разъ (1). Вообще нужно сказать,

(1) См. Туркест. вѣдомости 1874 г. № 24, ст. «Нѣсколько замѣтокъ о Семирѣченской области».

что эмигранты сарканскіе вслѣдствіе своихъ честныхъ, прямыхъ отношеній къ общественнымъ дѣламъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе общества, напр. выборъ выселковыхъ властей и проч., въ послѣднее время снискали себѣ такое уваженіе, что на общественныхъ сходкахъ перевѣсъ по большей части остается за этими новыми гражданами (¹). Въ религіозномъ отношеніи новокрещенные эмигранты такъ же обставлены хорошо: они живутъ вблизи церкви, школы и миссіонера, что для пастырскихъ миссіонерскихъ бесѣдъ мѣстнаго священника съ ними представляетъ не мало удобствъ, особенно въ виду того, что нѣкоторые ученики школы уже настолько владѣютъ русскимъ языкомъ, что могутъ облегчать трудъ священника, продолжая его дѣло въ родныхъ своихъ семьяхъ. Они охотно отдаютъ дѣтей своихъ въ школу и сами желаютъ ближе знакомиться съ христіанствомъ, потому что начали уже понимать, что о христіанской вѣрѣ нельзя судить по тѣмъ проявленіямъ религіозной жизни, какія представляли сарканскіе казаки. Можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что если сарканскіе новокрещены не будутъ встрѣчать никакихъ препятствій на пути своего религіознаго перевоспитанія, если ими будетъ руководить преданный дѣлу священникъ, то они достигнутъ желаемыхъ цѣлей, будутъ сами стремиться, какъ новые члены церкви, къ духовному совершенству, такъ какъ они начали уже чувствовать, что христіанской именно вѣрѣ и русскимъ христіанскимъ законамъ они обязаны настоящимъ своимъ духовнымъ и матеріальнымъ благосостояніемъ, что только христіанская церковь и христіанскіе законы возродили ихъ къ новой лучшей жизни. О. Покровскому при всемъ этомъ приходилось жалѣть о томъ только, что при разноплеменности эмигрантовъ, онъ не имѣлъ возможности совершать богослуженіе на ихъ родныхъ

(¹) Туркест. вѣдомости 1873 г. № 41, ст. «Сарканскій выселокъ».

нарѣчіяхъ какъ по недостаточному своему знакомству съ этими нарѣчіями, такъ и потому, что высланныя ему семирѣченскимъ братствомъ богослужебныя книги на монгольскомъ языкѣ и нарѣчіи алтайскихъ Калмыковъ оказались непримѣнимыми къ дѣлу, такъ какъ мѣстные Калмыки не понимаютъ совсѣмъ ни книжнаго монгольскаго языка, ни нарѣчія алтайскихъ Калмыковъ, между тѣмъ какъ у Дауръ-солоновъ и Сибо письменнымъ языкомъ служитъ манджурскій (¹).

VI. Распространеніе миссіонерской дѣятельности изъ Саркана по направленію къ Кульджѣ.

Преслѣдуя по отношенію къ крещенымъ эмигрантамъ задачу обрусенія ихъ при духовномъ воздѣйствіи на нихъ церкви и школы, о. Покровскій заботился въ тоже время о привлеченіи и расположеніи къ христіанству и кульджинскихъ язычниковъ, имѣвшихъ частыя сношенія съ новокрещенными сарканскими христіанами и имѣлъ въ этомъ успѣхъ. Въ 1869 г. онъ просвѣтилъ св. крещеніемъ 6 челов., въ 1870 г.—21 челов., въ 1871 г.—91 челов., въ 1872 г. 16 челов. и въ 1873 г. 11 челов.,—всего 145 челов., включая сюда и 9 челов. Киргизъ.—Доказательствомъ того, что и послѣ 1874 г. продолжалось въ язычникахъ движеніе въ пользу христіанства, служило прибытіе въ Сарканъ въ 1874 г. изъ Кульджи и Чугучака 12 язычниковъ обоего пола.

Такое тяготѣніе язычниковъ къ христіанству могло имѣть, какъ очевидно само собою, очень важное государственное значеніе въ будущемъ, такъ какъ язычникъ, принимая православное христіанство, тѣмъ самымъ вступалъ во внутреннее единеніе съ русскимъ населеніемъ края, становился искреннимъ вѣрноподданнымъ православнаго русскаго Государя и истин-

---

(¹) Туркест. вѣдом. 1872 г. № 15, ст. «Изъ Сарканскаго выселка Семирѣченской области».

нымъ сыномъ православно-русскаго отечества.—Между тѣмъ въ концѣ 1868 г. цѣлыя массы переселившихся было эмигрантовъ совращены были китайскими чиновниками и уведены были обратно къ китайскимъ предѣламъ къ Чугучаку. На обратномъ пути своемъ они должны были испытать много бѣдствій отъ холода и перенести много болѣзней; многіе изъ нихъ совершенно погибли въ дорогѣ, но всѣ они погибли для насъ Русскихъ, для нашего отечества, потому именно, что не приняли сразу христіанства и не имѣли такимъ образомъ никакихъ связующихъ началъ съ русскимъ населеніемъ Семирѣчья. Если представить при этомъ грубый деспотизмъ китайскихъ властей въ Чугучакѣ и жалкое религіозно-нравственное состояніе Калмыковъ, у которыхъ нѣтъ ни ламъ, ни кумиренъ и пр., то будетъ очень понятно, почему чугучакскіе Калмыки, Дауръ-солоны и Сибо, не видящіе доселѣ исхода къ лучшему, горько оплакиваютъ свое увлеченіе въ 1868 году совѣтами китайскихъ властей и свое возвращеніе изъ Семирѣчья, гдѣ ихъ соплеменники подъ кровомъ русскаго правительства и подъ сѣнію православной церкви проводили довольную и безпечальную свою жизнь; будетъ понятно, почему возвратившіеся изъ Семирѣчья эмигранты снова пытались уйти за китайскую границу, къ Русскимъ и бѣжали въ пограничное съ Чугучакомъ русское укрѣпленіе (Темиръ-Су) Семипалатинской области. Одинъ изъ такихъ прибылъ въ 1875 г. въ Сарканъ и разсказывалъ, что онъ для того, чтобы достичь русскихъ предѣловъ, рѣшился и перенесъ во время своего побѣга неимовѣрныя трудности: прежде всего онъ былъ ограбленъ на дорогѣ Киргизами, которые отняли у него лошадь и все бывшее при немъ имущество, послѣ чего онъ трое сутокъ бѣжалъ по степи совершенно нагой; чтобы не умереть съ голода и пріобрѣсти какую-нибудь одежду для себя, онъ сказался мусульманиномъ и согласился быть названнымъ сыномъ встрѣтившагося ему на пути бездѣтнаго кир-

гиза; 10 дней онъ пасъ барановъ своего названнаго отца и заработавъ себѣ такимъ образомъ рубаху и халатъ, рѣшился бѣжать далѣе и наконецъ достигъ своей завѣтной цѣли—Саркана.

Такое положеніе дѣлъ на нашей китайской границѣ очень благопріятствовало бы правильному устройству русской миссіи въ Семирѣчьѣ, тѣмъ болѣе что языческое населеніе Кульджинскаго района, по освобожденіи отъ таранчинскаго владычества и съ возвращеніемъ въ этотъ край русской администраціи, начало пользоваться всѣми благами жизни и полной религіозной свободой. — Все это при неудовлетворительности религіозно-нравственнаго состоянія въ язычествѣ и буддизмѣ также способствовало бы развитію миссіонерства среди кульджинскихъ язычниковъ ([1]). Во время минувшей кровавой катастрофы, они лишились своихъ богатыхъ монастырей и кумиренъ, остались безъ ламъ и не имѣли возможности отправлять свое богослуженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ прерваны всякія сношенія съ Тибетомъ, вслѣдствіе чего духовное единеніе съ центромъ буддизма у нихъ

([1]) Число всѣхъ язычниковъ (Китайцевъ, Калмыковъ и Сибо) въ Кульджѣ и Кульджинскомъ районѣ простирается до 51,237 душъ обоего пола. Изъ нихъ Калмыки обѣщаютъ, по словамъ о. Путинцева, настоятеля кульджинской церкви, самую обильную жатву для христіанскаго миссіонера. Во время пасхи 1877 года о. Путинцевъ замѣтилъ, что въ кульджинскую православную церковь, во время богослуженія и послѣ, когда церковь была открыта, приходили десятки Калмыковъ обоего пола. Всѣ они внимательно разсматривали церковь и молились въ ней по своему обряду, стоя на колѣнахъ и падая ницъ, въ особенности предъ большою, рисованною на полотнѣ, иконою распятія Спасителя. Изъ разговоровъ съ ними о. Путинцевъ узналъ, что имъ весьма нравится наша церковь и совершаемое въ ней богослуженіе.— почему они и стали ходить въ нашъ храмъ. Затѣмъ, въ концѣ мая мѣсяца тогоже 1877 года, о. Путинцовъ съ разныхъ сторонъ получилъ свѣдѣнія, что Калмыки, живущіе въ деревняхъ по лѣвому берегу р. Или, охотно бы приняли къ себѣ христіанскаго миссіонера (См. Странникъ. 1878. Февраль, стр. 224—225, ст. протоіерея М. Путинцева: «Письма изъ Кульджи» письмо 2-е).

прекратилось. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, они, при непосредственныхъ сношеніяхъ съ своими крещеными единовѣрцами, естественно желали принять русское подданство, чтобы потомъ устроить и духовную свою жизнь по примѣру сарканскихъ поселенцевъ. Продолжавшійся еще въ 1874 году, прозелитизмъ кульджинскихъ язычниковъ ясно указывалъ на стремленіе ихъ выйти изъ того религіознаго мрака, въ какомъ они тогда находились. Замѣтить при томъ слѣдуетъ, что среди пограничнаго киргизскаго населенія находилось тогда не мало кульджинскихъ женщинъ-язычницъ, захваченныхъ Киргизами и проживавшихъ въ домахъ послѣднихъ наложницами. Нечего и говорить о томъ, сколь тяжкая участь выпала на долю этихъ несчастныхъ женщинъ, обреченныхъ служить сластолюбію своихъ хозяевъ, которые съ утратою физической красоты въ женщинахъ, прогоняли ихъ отъ себя и онѣ должны были переходить потомъ въ руки болѣе бѣдныхъ Киргизъ. Для этихъ женщинъ утѣшительныя слова Евангелія были бы дѣйствительно благовѣстіемъ, гласомъ радованія, какъ замѣчаетъ о. Покровскій, а купель крещенія была бы для нихъ—не только дверью къ вѣчному спасенію, но и дверью къ освобожденію отъ ига киргизско-мусульманской подневольной жизни. Нѣсколькимъ такимъ женщинамъ удалось освободиться отъ своихъ деспотовъ и онѣ прибыли въ Сарканъ, гдѣ по принятіи христіанства сдѣлались самыми усердными христіанками ([1]). Всѣ эти, благопріятствовавшія успѣхамъ миссіонерской дѣятельности среди китайскихъ эмигрантовъ Семирѣченской области, условія не только ободряли о. Покровскаго въ его трудахъ по образованію новокрещенъ въ духѣ православной русской церкви, но и побудили его начать расширеніе

([1]) Въ бытность свою въ Копалѣ, мы узнали, что и тамъ въ 1875 г. была окрещена одна киргизская женщина, вышедшая потомъ за мужъ за русскаго и живущая до настоящаго времени безукоризненно.

этой дѣятельности въ Семирѣченской области учрежденіемъ миссіонерскихъ пунктовъ въ Борохудзирѣ и Бахтахъ, — мѣстностяхъ сосѣднихъ съ Кульджею и Чугучакомъ и возобновить миссіонерскій пунктъ въ самой Кульджѣ. Заявляя о такомъ своемъ желаніи, о. Покровскій высказывалъ увѣренность, что миссіонерская дѣятельность въ Семирѣченской области Туркестанскаго края, при сочувствіи къ этому дѣлу со стороны администраціи, при нравственной поддержкѣ дѣятелей на этомъ поприщѣ и при матеріальной поддержкѣ желающихъ креститься эмигрантовъ,—будетъ имѣть желаемые успѣхи, и что въ средѣ семирѣченскаго духовенства всегда найдутся люди, готовые посвятить себя на служеніе такому высокому дѣлу [1]. Мы съ своей стороны просимъ читателей не удивляться высказаннымъ о. Покровскимъ условіямъ успѣховъ миссіонерской дѣятельности въ Семирѣченской области, которыя въ данномъ случаѣ весьма естественны. Много-ли могъ бы успѣть священникъ-миссіонеръ въ своемъ стремленіи распространить свѣтъ Евангелія среди языческаго мрака въ Семирѣченской области, если бы администрація не сочувствовала этому дѣлу, если бы своевременно не оказывала ему нравственнаго и матеріальнаго содѣйствія? Сколько о. Покровскому пришлось понести трудовъ, сколько вынести нравственной борьбы, сколько всевозможныхъ препятствій встрѣчалъ вообще онъ въ своей дѣятельности!! И безъ сочувствія духовной и гражданской власти къ его дѣятельности, безъ содѣйствія ему и безъ правительственной поддержки онъ едвали бы могъ достигнуть тѣхъ результатовъ, какими потомъ имѣлъ полное право утѣшаться!.....

---

[1] Турк. вѣдом. № 29, 1874 г. ст. «Неофиты Сарканскаго выселка». Къ сожалѣнію, съ этимъ послѣднимъ заявленіемъ о. Покровскаго трудно согласиться; не скоро найдешь въ Семирѣчьѣ миссіонер. душу.

VII. Учрежденіе въ г. Вѣрномъ семирѣченскаго православнаго церковнаго братства и участіе его въ судьбѣ новокрещенныхъ китайскихъ эмигрантовъ.

Чтобы лучше обезпечить судьбу новокрещенныхъ китайскихъ эмигрантовъ, и вѣрнѣе содѣйствовать ихъ религіозно-нравственному возрожденію, въ г. Вѣрномъ было учреждено въ 1868 году православное церковное братство при храмѣ св. мученицъ Вѣры, Надежды, Любви и матери ихъ — Софіи. „Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1868 года (читаемъ мы въ предисловіи къ уставу братства) въ предѣлахъ Семирѣченской области, въ копальскомъ уѣздѣ, совершилось радостное для церкви Христовой событіе, принятіе Калмыками язычниками св. православной вѣры, въ числѣ нѣсколькихъ душъ, перешедшихъ изъ Китая на жительство въ предѣлы Россіи. Русское православное общество въ Вѣрномъ, Копалѣ и другихъ городахъ пограничной съ Китаемъ Семирѣченской области, по чувству христіанской любви и гражданскому долгу, не могло не принять въ свое духовное общеніе новообращенныхъ изъ язычества, хотя мало просвѣщенныхъ въ истинахъ и правилахъ христіанства и какъ новыхъ своихъ соотечественниковъ, недостаточно еще ознакомленныхъ съ новымъ отечествомъ.

„Идя во слѣдъ церкви, преподавшей новообращеннымъ изъ язычества даръ св. крещенія и пославшей къ юному стаду Христову духовнаго пастыря-миссіонера, православные граждане отдаленной окраины Россіи возъимѣли желаніе образовать православное церковное братство въ г. Вѣрномъ, полагающее основаніемъ своимъ усердіе къ духовно-нравственному и гражданскому просвѣщенію какъ обратившихся уже къ православію Калмыковъ-язычниковъ, такъ и могущихъ послѣдовать ихъ благому примѣру другихъ инородцевъ въ киргизской степи и въ сосѣдней пограничной странѣ, гдѣ около г. Кульджи — средоточія управленія китайскихъ Калмыковъ, нѣсколько лѣтъ

назадъ, усердіемъ двухъ братьевъ — русскихъ граждапъ воздвигнутъ православный храмъ, не оконченный пока постройкою вслѣдствіе бывшихъ тамъ смутныхъ обстоятельствъ.

„Православное общество попеченія о духовномъ благѣ и русской гражданственности кочевыхъ обитателей степи инородцевъ, обнимая своимъ участіемъ и русскихъ мѣстныхъ гражданъ, нуждающихся въ христіанскомъ просвѣщеніи и благотворительности, имѣетъ быть посредникомъ между степными кочевниками, принятыми подъ скипетръ русскаго Государя, и всѣмъ русскимъ православнымъ міромъ, на сочувствіе котораго къ меньшимъ его степнымъ братьямъ, общество возлагаетъ твердое упованіе и къ помощи котораго будетъ обращаться въ той мысли, что дѣло, принимаемое имъ на себя, есть дѣло всей русской земли, соединяющейся чрезъ братство, какъ чрезъ звено, съ дальнею степною инородческою ея окраиною“. Такова была общая задача пороучрежденнаго братства въ г. Вѣрномъ. Въ частности уставъ братства гласитъ:

1) Православное братство поставляетъ для себя задачею:

а) распространять и развивать духовно-нравственное просвѣщеніе и полезныя знанія въ населеніи Семирѣченской области;

б) служить нуждамъ и пользамъ мѣстной православной церкви заботами о благоустройствѣ и украшеніи храмовъ и молитвенныхъ домовъ, снабженіемъ ихъ и приходскихъ училищъ книгами духовно-нравственнаго содержанія, равно по Русской исторіи и народности, для безмезднаго пользованія духовенства и прихожанъ, а инородцевъ, мало еще ознакомленныхъ съ русскимъ языкомъ, пока книгами того же содержанія, переведенными на ихъ инородческіе языки;

в) вспомоществовать нуждамъ православныхъ миссіонеровъ епархіальнаго или миссіонерскаго вѣдѣнія; а впослѣдствіи, по пріумноженіи средствъ братства, содержать учителей русской грамотности у инород-

цевъ изъ числа переводчиковъ, или благонадежныхъ лицъ, ведущихъ по житейскимъ дѣламъ постоянныя сношенія съ инородцами;

г) служить страждущему человѣку пособіями престарѣлымъ, недужнымъ, погребеніемъ лицъ, умершихъ въ крайней бѣдности, призрѣніемъ сиротъ, оставшихся безпріютными и вообще всѣмъ тѣмъ, что знаменуетъ прямую христіанскую добродѣтель.

д) устраивать ремесленныя школы и заботиться о пріобрѣтеніи для развитія ихъ матеріальныхъ средствъ и учителей.

2) Братство учреждается при церкви св. мученицъ Вѣры, Надежды и Любви и матери ихъ Софіи въ г. Вѣрномъ и усвоиваетъ себѣ наименованіе Семирѣченскаго православнаго братства. Въ этой церкви братство имѣетъ хоругвь съ изображеніями: на одной сторонѣ св. мученицъ, имени коихъ посвященъ храмъ, а на другой — казанской Божіей Матери ради историческихъ воспоминаній о Семирѣченскомъ краѣ. При церкви братство будетъ имѣть синодикъ, или помянникъ, въ который вписаны будутъ для поминовенія о здравіи и упокоеніи имена благотворителей братства и братчиковъ. Независимо отъ всегдашняго поминовенія предъ престоломъ Божіимъ послужившихъ пользамъ и нуждамъ братства, для торжественнаго приношенія молитвъ о здравіи живущихъ и за упокой умершихъ братчиковъ, избираемъ будетъ праздничный день предъ годичнымъ собраніемъ въ наличности состоящихъ братчиковъ и одна изъ почитаемыхъ поминальныхъ субботъ.

3) Братство состоитъ подъ особеннымъ попеченіемъ епархіальнаго архіерея и подъ непосредственнымъ покровительствомъ начальника Семирѣченской области.

4) Въ составъ братства могутъ поступать лица православнаго исповѣданія всѣхъ званій и состояній и обоихъ половъ, какъ живущія въ предѣлахъ Семирѣченской области, такъ и въ другихъ мѣстахъ Рос-

сіи. Братство составляютъ братчики и почетные члены братства. Почетные братчики приглашаются постановленіями братства. Желающіе вступить въ число братчиковъ жертвуютъ въ братство по мѣрѣ своихъ средствъ и усердія деньгами или же книгами и другими вещами, могущими служить цѣлямъ его. Право же голоса въ братскихъ собраніяхъ имѣютъ тѣ изъ братчиковъ, которые заявятъ братству желаніе дѣлать пожертвованіе ежегодно, равно и тѣ, которые принесли братству единовременно значительную какую либо жертву. Пожертвованія свои братчики вносятъ во всякое время, когда пожелаютъ, и при этомъ могутъ заявлять свою волю относительно назначенія жертвуемаго. Всѣмъ братчикамъ ведется списокъ.

5) Управленіе дѣлами братства принадлежитъ совѣту братства, имѣющему во главѣ старшину и состоящему изъ 6—8 братчиковъ распорядителей, которые всѣ избираются общимъ собраніемъ братчиковъ. На двухъ изъ братчиковъ распорядителей, возлагаются обязанности казначея и библіотекаря. Въ помощь для производства переписки старшина приглашаетъ по своему усмотрѣнію кого-либо изъ братчиковъ въ сотрудники къ себѣ. Какъ старшина совѣта, такъ и члены совѣта братчики-распорядители избираются на одинъ годъ и служатъ братству безмездно, а по окончаніи годичнаго срока производятся новые выборы.

Лица, избранныя на одинъ годъ, могутъ быть вновь избираемы на будущее время. Каждое изъ избираемыхъ въ совѣтъ лицъ можетъ отказаться отъ своего званія въ силу какой либо необходимости, но обязывается предварительно заявить письменно объ этомъ старшинѣ совѣта.

6) Старшина, по мѣрѣ надобности, созываетъ совѣтъ братства, въ засѣданіяхъ коего могутъ участвовать и прочія лица, принадлежащія къ братству, съ совѣщательнымъ голосомъ. Всѣ дѣла, требующія об-

сужденія совѣта братства, рѣшаются по общему взаимному совѣщанію присутствующихъ въ совѣтѣ братчиковъ-распорядителей и по единогласному ихъ постановленію.

7) Совѣтъ братства ведетъ переписку съ братчиками, а также съ разными лицами и учрежденіями, чрезъ старшину и имѣетъ установленную печать съ надписью наименованія братства.

8) Всѣ заявленія лицъ, имѣющихъ нужду въ братствѣ, представляются къ старшинѣ братства, который удовлетворяетъ ихъ просьбу или оставляетъ безъ исполненія по основательнымъ причинамъ, увѣдомляя устно или письменно просителей.

9) Всѣ въ наличности состоящіе братчики приглашаются совѣтомъ братства, по окончаніи каждаго года, въ общее собраніе для выслушанія годоваго отчета о дѣятельности братства и объ употребленіи поступившихъ къ нему суммъ. Въ этомъ собраніи обсуждаются общіе вопросы, касающіеся дѣлъ братства; принимаются мѣры къ успѣшному выполненію цѣлей братства и выслушиваются всѣ предложенія братчиковъ, устно или письменно заявленныя ими, относительно большаго развитія задачи, положенной въ основаніи братства.

Въ этомъ же собраніи избираются братчики для повѣрки денежнаго отчета, представляемаго совѣтомъ братства. Отчетъ по повѣркѣ вмѣстѣ съ общимъ годичнымъ отчетомъ о дѣятельности братства представляется къ свѣдѣнію военному губернатору Семирѣченской области, а когда дозволятъ денежныя средства, отчеты будутъ помѣщаемы для всеобщаго свѣдѣнія въ повременныхъ изданіяхъ. Кромѣ годичнаго общаго собранія братчиковъ, могутъ быть чрезвычайныя собранія, назначаемыя совѣтомъ братства, по дѣламъ особенно важнымъ.

10) Братскія денежныя средства составляются изъ добровольныхъ пожертвованій, какъ братчиковъ дѣлающихъ ежегодные взносы, такъ и жертвующихъ

единовременно. Братчики озабочиваются приглашеніемъ къ пожертвованіямъ извѣстныхъ лицъ—ревнителей распространенія полезныхъ знаній и нравственно-религіознаго просвѣщенія — въ Семирѣченской области и въ другихъ губерніяхъ и изыскиваютъ источники постоянныхъ доходовъ для братства. Для записи пожертвованій выдается братчикамъ книжка отъ старшины братства, которая ко времени годичнаго отчета должна быть возвращаема къ нему ([1]).

11) Для усиленія средствъ братства въ церкви, при коей учреждается братство, поставлена будетъ кружка, для добровольныхъ денежныхъ приношеній отъ православныхъ христіанъ, сборъ отъ которой пріобщается къ общей денежной суммѣ братства. Если впослѣдствіи братство будетъ обладать недвижимымъ имуществомъ, то арендная плата тоже причисляется къ общимъ суммамъ для цѣлей братства.

12) Приходъ и расходъ денежныхъ средствъ братства своевременно вносятся въ денежныя книги, веденныя совѣтомъ братства въ надлежащемъ порядкѣ, и подписываются двумя или тремя братчиками-распорядителями. При накопленіи суммъ братства, онѣ будутъ вносимы въ кредитныя учрежденія для приращенія процентами и билеты будутъ храниться вмѣстѣ съ прочими деньгами въ уѣздномъ казначействѣ въ ящикѣ, запечатанномъ печатями братства и старшины его, а ключъ будетъ находиться у казначея братства.

Денежные пакеты и посылки, слѣдующіе въ братство, будутъ получаться старшиною братства или по его довѣренности кѣмъ-либо изъ братчиковъ-распорядителей" ([2]).

([1]) *Примѣчаніе.* Братство не отвергаетъ пожертвованій отъ лицъ и другихъ христіанскихъ исповѣданій, одушевленныхъ желаніемъ служить дѣлу развитія нравственно-духовнаго просвѣщенія и полезныхъ знаній въ отдаленномъ краѣ Россіи.

([2]) Мы позволили себѣ привести здѣсь текстъ устава семирѣченскаго православнаго церковнаго братства по причинѣ малой его распро-

Какова была дѣятельность этого братства, мы почти ничего сказать не можемъ. Въ 1871 году, въ годовомъ отчетѣ братства въ первый разъ было высказано предположеніе объ открытіи въ г. Вѣрномъ братской школы для дѣтей новокрещенныхъ Калмыковъ; затѣмъ въ іюлѣ 1874 г. старшина братства, протоіерей Путинцевъ напомнилъ совѣту братства о пользѣ и необходимости братской школы для дѣтей новокрещенныхъ обоего пола. Вслѣдствіе этого напоминанія, совѣтъ братства, сообразуясь съ своими средствами, постановилъ открыть въ г. Вѣрномъ братскую школу пока для однихъ мальчиковъ, съ тѣмъ, чтобы при школѣ былъ пріютъ, въ которомъ бы пользовались полнымъ содержаніемъ отъ братства десять мальчиковъ — дѣтей новокрещенныхъ. Священникъ Казанской церкви г. Вѣрнаго, членъ совѣта братства, о. Бѣлоярскій заявилъ при этомъ совѣту о своемъ желаніи безплатно преподавать въ предполагаемой къ открытію школѣ законъ Божій и уступилъ также безплатно для помѣщенія пріюта флигель занимаемаго имъ общественнаго дома и кромѣ того принялъ на себя трудъ по наблюденію за воспитанниками пріюта. Преподавательницей учебныхъ предметовъ въ школѣ была приглашена дочь о. Бѣлоярскаго, окончившая курсъ въ омской женской гимназіи, дѣвица Екатерина Бѣлоярская, которой постановлено было давать изъ суммъ братства небольшое вознагражденіе.

Учебная часть въ школѣ опредѣлялась особымъ положеніемъ, составленнымъ о. Бѣлоярскимъ и утвержденнымъ военнымъ губернаторомъ Семирѣченской области, генералъ-лейтенантомъ Колпаковскимъ.

Главною цѣлію, какую должны были преслѣдовать братская школа и пріютъ, было: воспитаніе въ

странности и малой извѣстности даже въ Туркестанскомъ краѣ: въ бытность свою въ Семирѣчьѣ, мы едва могли найти одинъ экземпляръ этого устава.

дѣтяхъ крещеныхъ Калмыковъ религіозно-нравственнаго чувства, обученіе ихъ русской грамотѣ и пріученіе къ ремесламъ. Поэтому учебными предметами въ школѣ назначались: законъ Божій, чтеніе на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ, пѣніе и молитвы, начальныя правила ариѳметики, письмо и ремесла, обученіе которымъ должно было вводиться постепенно по мѣрѣ увеличенія средствъ братства.

Ближайшій надзоръ за учебно-воспитательною и хозяйственною сторонами школы и пріюта принадлежалъ братству, но не исключалъ вліянія на педагогическую часть учрежденія и завѣдывающаго училищами Семирѣченской области, безъ всякой однако съ его стороны начальственной власти по отношенію къ школѣ. Опредѣленнаго срока для пребыванія въ школѣ и пріютѣ не назначалось. Ученики школы выпускались изъ заведенія, по усмотрѣнію братства, только по достиженіи возможности самостоятельно трудиться и заработывать себѣ пропитаніе.

На содержаніе каждаго воспитанника пріюта отпускалось изъ братскихъ суммъ по 2 р. 20 к. въ мѣсяцъ и по одному рублю за каждаго на отопленіе и освѣщеніе пріюта. Кромѣ того братство снабжало воспитанниковъ пріюта одеждою, бѣльемъ, обувью и всѣми учебными пособіями. Учебныя занятія въ школѣ должны были производиться съ 15 сентября до 1-го іюня ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, по 2 часа до обѣда и раздѣлялись на два урока, между которыми свободный часъ употреблялся на гимнастику. Послѣобѣденное время употреблялось на приготовленіе и повтореніе уроковъ и на отдыхъ. Въ каникулярное время воспитанники пріюта обучались преимущественно ремесламъ. Собственно религіозно-нравственная сторона жизни воспитанниковъ школы и пріюта опредѣлялась слѣдующимъ положеніемъ:

Утромъ и вечеромъ, передъ обѣдомъ и послѣ онаго, передъ ученіемъ и послѣ онаго, дѣти обязаны были читать общую молитву, а въ праздники, если

не препятствовала дурная погода, обязаны были посѣщать богослуженіе и въ церкви стоять въ строгомъ порядкѣ. О соблюденіи постовъ, объ исповѣди и св. причащеніи о. Бѣлоярскій ничего не сказалъ въ своемъ „проектѣ устава" и совѣтъ братства не обратилъ на это своего вниманія, но мы убѣждены, что на практикѣ воспитанники братскихъ школы и пріюта жили по православному, т. е. соблюдали посты, исповѣдывались и пріобщались св. таинъ по уставу православной церкви.

Съ такимъ въ общихъ чертахъ устройствомъ братская школа въ г. Вѣрномъ и при ней пріютъ на десять воспитанниковъ,—дѣтей новокрещенныхъ Калмыковъ, были открыты, съ разрѣшенія мѣстнаго военнаго губернатора и съ благословенія преосвященнаго туркестанскаго, покойнаго Софоніи, въ воскресенье 15 сентября 1874 г.

На предшествовавшемъ къ открытію школы и пріюта молебнѣ, отслуженномъ протоіереемъ Путинцевымъ, кромѣ военнаго начальства области и членовъ братства, участвовали и многіе новокрещенные Калмыки.

О внутренней жизни этой школы и пріюта, со времени ихъ открытія до настоящаго времени, мы не можемъ ничего сказать по неимѣнію свѣдѣній. Намъ извѣстно только, что на публичномъ экзаменѣ происходившемъ 6 іюня 1875 г. въ этой школѣ въ присутствіи военнаго губернатора области, успѣхи учениковъ по всѣмъ преподаваемымъ въ школѣ предметамъ оказались не только вполнѣ удовлетворительными, но даже превзошли всякія ожиданія. И совѣтъ братства не разъ убѣждался въ теченіи этого года въ весьма успѣшномъ ходѣ учебныхъ занятій въ школѣ (¹).

(¹) Изъ дѣла канцеляріи туркестанскаго генералъ-губернатора № 6 отд. IV «Объ открытіи при семирѣченскомъ братствѣ школы для крещеныхъ Калмыковъ» л. 1—17.

Затѣмъ, въ концѣ 1878 г., когда намъ пришлось быть въ г. Вѣрномъ и говорить о миссіонерскомъ дѣлѣ съ преосвященнымъ Александромъ, мы услышали отъ него грустное заявленіе, что онъ, по пріѣздѣ въ г. Вѣрный, школы уже не засталъ, а братство нашелъ только на бумагѣ. Такъ скоропреходяще все земное!

VIII. Заключеніе.

Мы видѣли, въ какомъ положеніи находились новокрещенные эмигранты, когда среди нихъ жилъ и дѣйствовалъ о. Покровскій. Положеніе это мы изобразили на основаніи корреспонденцій, писанныхъ самимъ же о. Покровскимъ. Чтобы кому-нибудь не показалось, что о. Покровскій, пиша о себѣ, естественно не могъ говорить не въ свою пользу, мы приводимъ здѣсь вполнѣ подтверждающее все вышеписанное, заявленіе лица совершенно посторонняго для этого дѣла, полковника Н. Фридерикса, командированнаго въ Семирѣчье изъ Ташкента съ оффиціальными порученіями и прожившаго въ Семирѣчьѣ ¾ года: почти все лѣто, осень и зиму. Въ такой значительный періодъ времени онъ познакомился хорошо съ краемъ и, заинтересованный Семирѣчьемъ, записалъ свои впечатлѣнія въ памятную книжку, которую потомъ и напечаталъ въ Туркестанскихъ вѣдомостяхъ (1874 г. № 24) подъ заглавіемъ: *„Нѣсколько замѣтокъ о Семирѣченской области“*. Вотъ отрывки изъ этихъ замѣтокъ:

Въ Сарканѣ живетъ миссіонеръ священникъ П—ій, завѣдывающій de facto весьма значительною и благоустроенною колоніей китайскихъ эмигрантовъ, окрестившихся въ числѣ 700 человѣкъ въ православную вѣру. Лѣтъ восемь назадъ, на мѣстности этой, богатой почвою земли, водою, прекраснымъ климатомъ и всѣми условіями къ развитію населенія, было всего десятка два домовъ, и кругомъ ихъ виднѣлись также

большіе камни, издали казавшіеся домами. О церкви и священникѣ только вздыхали жители - казаки, возившіе крестить своихъ дѣтей въ Копалъ, за 60 верстъ (¹), или чрезъ горныя рѣки, опрокидывавшія телѣги — лѣтомъ, или же зимою въ снѣгъ и гололедицу.... Теперь вы увидите здѣсь 320 приблизительно дворовъ, церковь красивой архитектуры и встрѣтите священника „*истиннаго отца и благодѣтеля бывшихъ язычниковъ*“, опрятные домики которыхъ въ китайскомъ вкусѣ, съ аккуратными до прелести огородами составляютъ главный элементъ населенія. Здѣшніе эмигранты чрезвычайно трудолюбивы и отличаются добрыми нравственными качествами. Г. Фридериксъ входилъ въ ихъ жилища вмѣстѣ съ священникомъ, слышалъ бесѣды о. Покровскаго съ эмигрантами (порусски они понимаютъ и многіе говорятъ), дружескіе совѣты и поученія; видѣлъ его ласковость и простое обращеніе съ стариками, женами и дѣтьми; видѣлъ очевидную привязанность новокрещенныхъ къ своему наставнику и покровителю, ихъ веселость и довольство. Осматривая огороды эмигрантовъ, гдѣ ростутъ между прочимъ никогда невиданные имъ по формамъ и оттѣнкамъ цвѣтовъ овощи, которыхъ г. Фридериксъ назвать не умѣлъ, онъ до такой степени заинтересовался и остался доволенъ видѣннымъ, что считалъ грѣшнымъ умолчать объ этомъ..... Пашни эмигрантовъ стали, по его словамъ, такъ богаты, что казакамъ, поселившимся въ Сарканѣ еще въ 1858 г., скоро придется занимать хлѣбъ у эмигрантовъ, которые сѣютъ также много клеверу и первые начали сѣять озимую пшеницу.

Видѣлъ г. Фридериксъ и сарканскія училища (мужское и женское), въ которыхъ большинство уче-

(¹) На самомъ дѣлѣ отъ Саркана до Копала 87½ верстъ. Изъ предыдущихъ страницъ очерка извѣстно, что сарканцы въ церковномъ отношеніи были причислены къ Лепсинской станицѣ, отстоящей отъ Саркана на 60 верстъ.

никовъ — дѣти эмигрантовъ, — обучаются русской грамотѣ, ариѳметикѣ и поютъ хоромъ православныя молитвы. Обѣ школы состоятъ подъ руководствомъ миссіонера священника и его супруги и имѣютъ юнаго учителя и молодую дѣвушку-учительницу, полныхъ рвенія къ своему дѣлу. Дѣти веселы и идутъ въ школу какъ на праздникъ. Причетникъ въ церкви также изъ эмигрантовъ (1), которые выбираются уже на второстепенныя должности станичной администраціи. Примѣромъ трудолюбія, трезвымъ и честнымъ поведеніемъ новокрещенные эмигранты, бывшіе прежде несчастными горемыками, бѣжавшими отъ поголовнаго истребленія ихъ Дунганами безъ одежды, безъ хлѣба и почти безъ скота, теперь оказываютъ уже благотворное вліяніе и на другіе элементы населенія, не говоря уже о томъ, что сами живутъ въ довольствѣ и относительно счастливо. Матеріальное благосостояніе ихъ чрезъ сношенія съ родными и знакомыми привлекаетъ сюда ежегодно новыхъ переселенцевъ изъ Кульджинскаго района. Каждому эмигранту отводится здѣсь весьма значительная часть хлѣбопахатной земли и дается пособіе до 20 руб. Православіе они принимаютъ по доброй волѣ безъ малѣйшаго принужденія, за что ручаются личныя достоинства миссіонера, почтенное имя котораго достаточно уже извѣстно въ Туркестанскомъ краѣ.

Изъ всего видѣннаго г. Фридериксъ заключаетъ, что распространеніе православнаго миссіонерства, оказавшаго такой блестящій успѣхъ въ Сарканскомъ выселкѣ и Копалѣ (гдѣ окрестилось 800 человѣкъ), при столь просвѣщенныхъ и преданныхъ своему дѣлу представителяхъ его, при полной поддержкѣ со стороны мѣстной администраціи и даже общества, — распространеніе этой миссіи и далѣе—на Кульджинскій край

(1) Это—Михаилъ Букига, отрывки изъ писемъ котораго къ о. Покровскому приведены ниже.

повело бы, по всей вѣроятности, къ неменѣе утѣшительнымъ результатамъ, поднявши туземное населеніе на высшій уровень христіанскаго и гражданскаго развитія.

Мы съ своей стороны прибавимъ къ этому, что именно съ Кульджинскаго края, не трогая пока западнаго Туркестана и его мусульманскаго населенія и слѣдовало бы начать миссіонерское дѣло и вести его не торопясь, обдуманно, умѣло, съ терпѣніемъ, полнымъ самоотверженіемъ и при участіи администраціи и общества къ этому великому и важному въ государственномъ смыслѣ дѣлу. А между тѣмъ чтоже мы видимъ въ Семирѣчьѣ? Единственный труженикъ на этомъ поприщѣ, о. Покровскій, вынужденъ былъ оставить свое дѣло въ Сарканѣ и перейти въ Ходжентъ, вынужденъ былъ оставить Сарканъ въ то самое время, когда любовь къ нему новокрещенныхъ только что начала обнаруживаться и когда дѣятельность его начала было давать желанные плоды.

Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ нѣсколько писемъ бывшихъ учениковъ о. Покровскаго изъ дѣтей эмигрантовъ къ послѣднему, изъ которыхъ ясно видно, какою любовію пользовался онъ со стороны эмигрантовъ въ бытность свою въ Сарканѣ и какую добрую память оставилъ онъ по себѣ тамъ. Мы приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этихъ писемъ, изъ которыхъ между прочимъ можно видѣть самое направленіе инородческаго образованія въ Сарканѣ, данное ему о. Покровскимъ. Викторъ Илесу, въ письмѣ отъ 8 августа 1876 года, пишетъ: „покорнѣйше прошу въ томъ, что мы живемъ не совсѣмъ хорошо. Послѣ васъ случилась болѣзнь; померло четыре человѣка изъ Каракалмыковъ безъ всякаго покаянія.... Поэтому прошу ваше благословеніе, нельзя-ли вамъ просить генерала-губернатора, чтобы намъ скорѣе прислалъ священника.... Мы эмигранты просили, чтобы намъ васъ возвратили; кромѣ васъ намъ никого не надо. Батюшка! Эмигранты сарканскаго общества

всѣ вамъ поклонъ кланяются"..... Въ слѣдующемъ своемъ письмѣ отъ 29 тогоже августа Илесу писалъ: „получили мы ваше письмо 28 августа тогоже года и прочитали всѣмъ нашимъ братьямъ и мы остались очень благодарны, что вы насъ по сіе время жалѣете и благословляете пастырскимъ благословеніемъ и за насъ молитесь Богу. Мы какъ приняли православную вѣру назадъ тому восемь лѣтъ, (вы) какъ родной отецъ изъ (съ) дѣтьми жили мы. Вы какъ (въ) Ходжентъ уѣхали, послѣ васъ мы сироты остались. Нѣкоторые плачутъ, что (вы) не пріѣдете въ Сарканъ. Около 10 августа пріѣзжалъ благочинный и спрашивалъ, какъ вы не тоскуете ли объ отца Василья? Вамъ не жалко ли его, что онъ уѣхалъ Ходжентъ? За это мы отвѣчали намъ жалко отца Василья.... За это благочинный насъ благодарилъ, что вы (мы) любили о. Василья. И говорилъ: и другаго священника любите какъ о. Василья. Собственно для это(го) архіерей предписалъ мнѣ, чтобы спокоить васъ"....

Изъ этихъ двухъ выписокъ изъ писемъ видно, какъ искренно любили о. Василья его новокрещенные; значитъ, было за что любить этого священника. Изъ нижеслѣдующей выписки мы увидимъ гораздо больше: Александръ Ергенту, въ письмѣ отъ 1 декабря 1876 г. пишетъ: „Многоуважаемый батюшка! Я пишу къ вамъ письмо, желаю вамъ быть здоровымъ и всему вашему семейству. Мы въ Сарканѣ живемъ всѣ здоровы. Я пріѣхалъ (съ богомолья) 20 ноября и мнѣ показался безъ васъ Сарканъ пустой деревней. Всѣ Калмыки поминаютъ васъ. Послѣ вашего отъѣзда нынѣшній годъ *бѣжали* изъ Саркана Калмыки семь душъ; куда они бѣжали, неизвѣстно, но теперь незнаю, что будетъ послѣ; однако калмыкъ сарканскій во время все будетъ бѣжать. Если возможно, то для вѣчной памяти пришлите мнѣ свою фотографическую карточку,—я вамъ посылаю свой карточка. Прошу батюшка уважайте, вы всегда (въ) мо-

емъ сердцѣ". Михаилъ Букинга, повидимому особенный любимецъ о. Василья, писалъ ему часто и всегда съ чувствомъ глубокой благодарности. По рекомендаціи о. Василья, Букинга былъ назначенъ псаломщикомъ и вотъ онъ очень интересно описываетъ праздникъ Рождества Христова, въ письмѣ отъ 29 декабря 1876 г. „Рождество праздникъ по приходу мы ходили съ крестомъ и всѣхъ обходили, исключая Татаръ и Еврея и даже мы были у кержаковъ (раскольниковъ) Трегубенкова и Головченкова. У Трегубенкова жена одна осталась и у Головченкова также одна молодуха осталась, а остальные, какъ циплята завидя коршуна, спрятается, и такъ они разбѣжались кто куда попало, кто курятникъ, кто конюшню, кто подъ полъ и такъ мы не могли ихъ найти". Многоуважаемый отецъ Василій Покровскій.... Прошу покорнѣйше отъ васъ, писалъ 30 января 1877 г. Иванъ Букубатъ, послалъ мнѣ карты или портретъ для того, чтобы напоминали бы васъ. Мы получили письмо отъ васъ все равно съ вами видались и такъ думали (въ) своей душѣ: вы когда жили (въ) Сарканѣ, намъ ночь казалась днемъ, а теперь намъ показалось день ночь и ночь. Батюшка! Вы усердно и прилежно занимались духовной частію; намъ какъ было памятно ваше заниманье или ваше приказанье".... Въ томъ же письмѣ приписалъ Иванъ Кармачукъ: „мы въ церковь пѣть не ходимъ, а Богу молиться ходимъ каждый праздникъ... Благодарю батюшка, что вы насъ обучали говорить русскому языку и грамотѣ читать и писать, пѣть на клиросѣ церкви..... Мы шибко поминаемъ васъ, своего роднаго отца, мы еще не такъ поминали, какъ васъ поминаемъ". Любезнѣйшій отецъ мой Василій Покровскій, пишетъ отъ 6-го февраля 1877 года Ергенту, поздравляю васъ съ масляномъ. Все ли вы здорово живете въ Ходжентѣ. И мы въ Сарканѣ живемъ всѣ живъ здоровъ. Всѣ Калмыки также живъ здоровъ. Всѣ сарканскій Калмыки жалѣютъ васъ, каждый день поминаютъ объ васъ, по-

вой церковь еще не освѣтила (не освѣщена; въ) самой то холодной церкви молимся Богу. Колоколъ будутъ снять, деревянной колокольня будутъ ставить"....
Въ письмѣ отъ 10 марта Букинга пишетъ: „новаго у насъ Сарканѣ ничего нѣтъ. Каждый недѣля у насъ служба. Калмыки наши тоже постуютъ (постятся) всѣ..... А церковь по сіе время не освященъ и даже иконостасъ не конченъ..... 30 октября 1877 г. Ергенту писалъ: „благодѣтельнѣйшій о. Василій! Наставникъ жизни нашей!... Въ Сарканѣ всѣ Калмыки живъ здоровъ, они часто поминаютъ васъ. Какъ вы уѣхали съ Сарканъ, то Калмыки совсѣмъ нехотѣлъ церковь молиться Богу: Калмыки вамъ извѣстенъ: вы старался объ Калмыка, что(бы) они молились Богу и работали работу. Въ школѣ учатъ ребята хорошо, *пѣвцы плохо*, папъ новый церковь еще не освященъ; (въ) самомъ старомъ церкви служимъ. Я всѣмъ Калмыкамъ поклонился отъ васъ, Калмыки всѣ радовался". Исесу отъ 1 января 1878 г. пишетъ: „поздравляю васъ съ новымъ годомъ съ новымъ счастьемъ. Каково вашего здоровью. Все благополучно ли семейство ваше. Но извините отецъ мой; вамъ извѣстно, что я не умѣю писать складомъ по русской грамотѣ, такъ какъ мнѣ очень тоскливо стало объ васъ. А потому вы когда служилъ (въ) станицѣ Сарканской, тогда обучали меня всякіи духовныя, а теперь нѣтъ такой отецъ какъ вы".... Наконецъ Букинга 5 іюня 1878 г. пишетъ: „я живу слава Богу благодаря васъ, по вашему доброму наставленію пастырскому и молитвами. Живемъ очень хорошо. Домъ мой настоящій барскій домъ; въ эдакомъ домѣ прадѣды мои неживали, а мнѣ Богъ привелъ жить чрезъ васъ. А теперь у меня есть гдѣ позаниматься чтеніемъ, письмомъ; однимъ словомъ хорошо; что больше не надо искать эдакого счастія. Такъ когда сижу я дома, то ежеминутно думаю объ васъ. Если бы вы здѣсь жили, то бы непремѣнно ходили ко мнѣ часто, какъ бы родные мы со мною вмѣстѣ. Благодарю васъ

о. Василій за ваши добродѣтели. Дай Богъ вашимъ дѣтямъ эдакого наставника, какъ и вы меня наставили на путь, такъ и вашимъ дѣтямъ".

Что же, спросятъ насъ, дѣлается теперь въ Сарканѣ? Школы сарканскія, какъ намъ оффиціально извѣстно и какъ мы лично убѣдились въ этомъ во время своей поѣздки въ Семирѣчье вообще и въ частности въ Сарканъ, продолжаютъ свое существованіе и вотъ въ какомъ видѣ:

Сарканская мужская школа находится въ вѣдѣніи мѣстнаго священника, неокончившаго курсъ въ вятской духовной семинаріи о. А. Л—па, который числится законоучителемъ-преподавателемъ и миссіонеромъ по отношенію къ китайскимъ эмигрантамъ, принявшимъ православіе и поселившимся въ Сарканской станицѣ на жительство. Въ школьномъ дѣлѣ священнику помогаютъ два помощника: псаломщикъ Михаилъ Букинга и новокрещенный изъ эмигрантовъ племени Дауръ-солоновъ, окончившій курсъ въ сарканской школѣ, но не имѣющій учительскаго званія, Сергѣй Сѣдельниковъ.

Учащихся въ школѣ 78 мальчиковъ, которые всѣ, по вѣроисповѣданію—православные, а по происхожденію — дѣти частію мѣстныхъ казаковъ, а частію эмигрантовъ изъ племени Дауръ-солоновъ, Сибо-солоновъ и Калмыковъ. Въ учебномъ отношеніи учащіеся раздѣляются на четыре послѣдовательныя отдѣленія: въ I отд. (годъ 1-й) 30 учениковъ, во II отд. (годъ 2) 12 учениковъ, въ III отд. (годъ 3) 24 ученика, въ IV отд. (годъ 4-й) 12 учениковъ. Первое отдѣленіе находится подъ руководствомъ Букинги, а остальныя три отдѣленія подъ руководствомъ священника и его помощника Сѣдельникова. Школа посѣщается учениками исправно; ученіе прерывалось, по случаю полевыхъ работъ, съ 1 апрѣля по 1 мая и съ 1 іюня по 1 сентября.

Училищное зданіе, построенное изъ сырцоваго кирпича, довольно крѣпко, и, хотя на видъ большое,

не можетъ быть признано помѣстительнымъ. Довольно широкимъ корридоромъ зданіе дѣлится поперегъ на двѣ половины, изъ которыхъ въ каждой по двѣ комнаты, освѣщенныя съ двухъ сторонъ и слѣва; и одна комната освѣщена кромѣ того еще сзади. Три изъ этихъ комнатъ заняты классами, а четвертая библіотекой училища. При низкомъ потолкѣ классныя комнаты, не смотря на значительные размѣры по длинѣ и ширинѣ, вмѣщаютъ въ себѣ только 655 куб. аршинъ, слѣдовательно достаточны только для 43 учениковъ. Поднятіе потолка и опущеніе пола значительно увеличило бы объемъ классныхъ комнатъ, а уничтоженіе оконъ съ одной стороны дало бы школѣ правильное освѣщеніе.

Училищное имущество составляютъ: двѣ иконы, три портрета Государя Императора, 10-ть ученическихъ столовъ (на 78 учен.) самой старой системы съ горизонтальными крышками и съ отдѣльными скамейками, двѣ классныя доски, двое стѣнныхъ часовъ, два стола съ табуретами для учителей, одинъ колокольчикъ для звонка, шесть металлическихъ и шесть стеклянныхъ чернильницъ, 1 этажерка и 1 шкафъ для книгъ.

Училищная библіотека состоитъ изъ 176 названій книгъ, изъ которыхъ самая большая часть могутъ удовлетворять любопытству и только иногда любознательности учителя; въ числѣ такихъ книгъ можно указать на журналъ — „Дѣло“, къ школѣ совсѣмъ неидущій. По методикѣ же и училищевѣдѣнію въ библіотекѣ книгъ нѣтъ. Изъ учебныхъ пособій въ школѣ имѣются: 1 глобусъ, 9 географическихъ картъ, нѣсколько штукъ большихъ кубиковъ, самодѣльной работы священника, съ наклеенными на разныхъ сторонахъ кубиковъ буквами азбуки и 15 экземпл. обыкновенныхъ торговыхъ счетовъ.

Ходъ обученія по разнымъ предметамъ училищнаго курса въ сарканской школѣ ничѣмъ не отличается отъ обученія во всѣхъ начальныхъ школахъ

Семирѣченской области, хотя бы сарканская школа должна значительно отличаться отъ послѣднихъ, потому что въ ней есть значительный инородческій элементъ. Это объясняется тѣмъ, что священникъ Л—нъ, будучи умнымъ отъ природы, не получилъ полнаго общаго образованія, мало знакомъ съ задачами воспитанія и способами преподаванія и кромѣ того не имѣетъ въ себѣ миссіонерскаго духа, отсутствіе котораго въ его положеніи весьма ощутительно для христіанскаго образованія новокрещенныхъ эмигрантовъ. Псаломщикъ Букинга, при маломъ своемъ развитіи вообще, умѣетъ только по навыку преподавать коекакъ начальную грамоту; казакъ Сѣдельниковъ не отличается отъ Букинги ни развитіемъ, ни педагогическою опытностію.

По закону Божію священникъ преподаетъ исторію ветхаго и новаго завѣта и объясненіе богослуженія и кромѣ того, по субботамъ, объясняетъ содержаніе воскресныхъ евангелій. Успѣхи учениковъ во всѣхъ названныхъ предметахъ далеко неудовлетворительны: ученики, какъ видно, усвоили только незначительную часть преподаннаго и то въ формѣ отрывочныхъ вопросовъ и отвѣтовъ. Законоучитель относится къ своему предмету не съ теплою любовію отца—учителя и пастыря, а педантически,—сухо и безжизненно. Во время посѣщенія школы инспекторомъ народныхъ училищъ (4-го ноября), на утреннемъ урокѣ въ субботу, законоучитель, собравши въ одной классной комнатѣ учениковъ всѣхъ отдѣленій школы, вслѣдствіе чего ученики младшаго отдѣленія должны были сидѣть на полу поджавши подъ себя ноги (при чемъ инородцы эмигранты рѣзко выдѣлялись изъ среды русскихъ мальчиковъ какъ своими физіономіями, такъ и своею восточною посадкою) объяснялъ очередное литургійное евангеліе (Лук. XVI, 19 — 31). Пріятное впечатлѣніе инспектора отъ оригинальной картины класса скоро исчезло и смѣнилось грустью. На первыхъ же порахъ было инспекторомъ замѣчено,

что хотя у всѣхъ учениковъ, за исключеніемъ сидѣвшихъ на полу, были экземпляры евангелія, но далеко не всѣ смотрѣли въ книгу и даже не знали, какіе стихи прочитывались и объяснялись. По предложенію инспектора, это упущеніе было тотчасъ исправлено. Затѣмъ оказалось, что большинство учениковъ не слушали объясненія и не слѣдили за рѣчью законоучителя. Объясненіе евангелія велось совершенно неправильно: законоучитель не счелъ нужнымъ предпослать своему объясненію общаго разсказа живымъ языкомъ о содержаніи евангелія, а началъ прямо съ чтенія славянскаго текста: *„человѣкъ нѣкій бѣ богатъ“....* и объяснялъ каждое слово непонятнаго ученикамъ текста. По окончаніи объясненія оказалось, что ни одинъ ученикъ не былъ въ состояніи передать не только подробно, но и кратко содержаніе объясненнаго текста. Въ чтеніи славянскаго текста чередовались исключительно ученики старшихъ отдѣленій; ученики же младшаго отдѣленія никакого участія въ урокѣ не принимали и на это не обращалось законоучителемъ ни малѣйшаго вниманія. По окончаніи урока инспекторъ дѣломъ рукъ самого же законоучителя убѣдилъ его, что преподаваніе у него ведется неправильно и указалъ ему на недостатки его въ преподаваніи. Предложено было въ тоже время законоучителю позаботиться о немедленномъ пріобрѣтеніи на школьныя деньги картинъ изъ св. исторіи и держаться въ преподаваніи болѣе живаго разсказа, вмѣсто педантическаго слѣдованія за текстомъ учебниковъ.

Успѣхи учениковъ въ механизмѣ чтенія и письма можно назвать удовлетворительными, но сознательнаго отношенія къ предмету чтенія и письма замѣтно немного и у русскихъ мальчиковъ, а тѣмъ болѣе у инородцевъ. Послѣдніе русскою рѣчью владѣютъ очень недостаточно и передать прочитанное большею частію бываютъ не въ состояніи. Въ счисленіи умственномъ не всѣ ученики одинаково бойки, что зависѣло отъ

несообщенія имъ простыхъ пріемовъ такого счисленія. Въ рѣшеніи задачъ на доскѣ навыкъ у учениковъ есть. Въ пѣніи большихъ успѣховъ нѣтъ; ученики поютъ немногія молитвы и то не особенно стройно.— Кромѣ названныхъ предметовъ преподается въ школѣ отечественная исторія и отечественная географія, но знаній по этимъ предметамъ ученики обнаруживали очень мало. Съ 1-го октября введено въ школѣ обученіе дѣтей сапожному ремеслу.

Внѣшній порядокъ въ школѣ во время уроковъ недостаточенъ, вслѣдствіе неоживленности преподаванія и плохаго устройства классныхъ ученическихъ столовъ. Преподаваніе ведется исключительно на русскомъ языкѣ, такъ какъ священникъ Л—нъ не знаетъ языка инородцевъ; только въ младшемъ отдѣленіи Букинга пользуется инородческимъ языкомъ, какъ вспомогательнымъ орудіемъ во время своего преподаванія. Жизненности въ преподаваніи вообще не было замѣчено инспекторомъ; многіе ученики въ старшемъ отдѣленіи не могли ничего сказать о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ.

Начальная школа для дѣвочекъ въ Сарканской станицѣ состоитъ въ вѣдѣніи вдовы чиновника, окончившей курсъ въ клинскомъ уѣздномъ училищѣ, не имѣющей званія учительницы К. П—вой. Въ школѣ обучается 31 дѣвочка, дочери мѣстныхъ казаковъ и эмигрантовъ, — всѣ православнаго вѣроисповѣданія. Ученицы школы раздѣляются на два послѣдовательныя отдѣленія: въ I отдѣл. 24 ученицы, во II отдѣл. 7 ученицъ.

Въ школѣ преподаются: священникомъ Л—мъ законъ Божій, а учительницею П—вой чтеніе и письмо, ариѳметика, пѣніе и рукодѣлья. Ученицы посѣщаютъ школу исправно. Ученіе прекращалось въ школѣ, по случаю полевыхъ работъ съ 1 апрѣля по 1 мая и съ 1 іюня по 1 октября.

Школа помѣщается въ собственномъ зданіи, выстроенномъ купцомъ Кузнецовымъ и содержится въ

исправности. Въ зданіи три комнаты съ отдѣльною небольшою передней: комната для учительницы, классная комната и комната для библіотеки. Расположеніе классной комнаты въ отношеніи къ свѣту совершенно неправильно, потому что свѣтъ падаетъ на ученицъ сзади и спереди. Переставить ученическіе столы и скамьи иначе невозможно, потому что этому препятствуетъ расположеніе дверей и печей въ зданіи. И самая вмѣстимость классной комнаты въ 255 куб. аршинъ недостаточна на 30 ученицъ.

Училищное имущество составляютъ: 2 иконы, 1 портретъ Государя Императора, 1 портретъ Государыни Императрицы, 4 длинныхъ съ наклонною доскою стола, 4 одинаковой длины со столами скамьи, 2 стола для учительницы, 1 классная доска на подножкахъ, 1 стѣнные часы и 1 чернильный приборъ. Библіотеки при училищѣ нѣтъ; нужныя книги и пособія получаются изъ мужской школы.

Преподаваніе учебныхъ предметовъ въ школѣ ведется безтолковымъ образомъ: учительница не обращаетъ вниманія на выразительность и сознательность чтенія ученицъ; не упражняетъ ученицъ въ самостоятельномъ изложеніи своихъ и чужихъ мыслей, а ограничивается простымъ списываніемъ съ книги; мало отводитъ мѣста навыку ученицъ въ умственномъ счисленіи и въ письменномъ рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ; недостаточно упражняетъ ученицъ въ пѣніи и чрезмѣрно много занимаетъ ихъ женскими рукодѣліями, отводя этимъ занятіямъ очень часто первые два утренніе часа и преслѣдуя при этомъ не житейскія потребности ученицъ, а совершенно неприложимыя ни ко времени, ни къ мѣсту задачи роскоши. Главное вниманіе въ этомъ отношеніи учительница обращаетъ на изысканныя вязанья крючкомъ и на разныя хитрыя и совершенно въ данномъ случаѣ безполезныя вышиванья. Въ педагогіи учительница ничего не понимаетъ и если можетъ быть оставлена при школѣ, то не болѣе какъ учительницею руко-

дѣлья и то подъ надзоромъ и руководствомъ завѣдывающей училищемъ учительницы. Вслѣдствіе такого безтолковаго веденія школьнаго дѣла г-жею П—вой, ученицы ввѣренной ей школы высматриваютъ очень жалкими, безжизненными существами: не развиты у нихъ ни даръ слова, ни сообразительность; не замѣтно въ нихъ и любознательности; свѣдѣніями въ школьныхъ предметахъ они не обладаютъ вообще и не знаютъ самыхъ простыхъ и обыденныхъ предметовъ. Особенно жалкими кажутся дочери эмигрантовъ; онѣ умѣютъ произносить звуки и писать буквы русской азбуки, но читаемаго и пишемаго не разумѣютъ: въ разговорномъ русскомъ языкѣ онѣ упражняются самою учительницею, и сами практикуются въ разговорѣ при постоянныхъ сношеніяхъ съ своими русскими соученицами. Вслѣдствіе своей неразвитости вообще и крайне недостаточнаго владѣнія русскою рѣчью, эмигрантки весьма застѣнчивы, такъ что вызвать ихъ на отвѣтъ очень трудно. Между тѣмъ эмигрантки вызываютъ къ себѣ полное сочувствіе, какъ по своему настоящему положенію, такъ и по возможному и желательному будущему ихъ вліянію на семейную жизнь эмигрантовъ. Поэтому весьма желательно дать этой школѣ другую обстановку, при которой бы всѣ замѣченные инспекторомъ недостатки не имѣли мѣста. Учительница П—ова едвали способна даже думать о настоящемъ и будущемъ исключительномъ положеніи эмигрантокъ и потому обращаетъ болѣе всего вниманіе на чисто внѣшнюю ихъ сторону. Она напримѣръ заставляетъ эмигрантокъ въ передней снимать отцевы или материны сапоги, въ какихъ приходятъ дѣвочки въ школу и заставляетъ ихъ сидѣть въ классѣ разутыми; нѣкоторымъ дѣвочкамъ она даетъ надѣвать хранящіяся въ школѣ для этой цѣли башмаки, а на нѣкоторыхъ надѣваются кромѣ того и ситцевыя платья, хранящіяся также постоянно въ училищѣ. Вслѣдствіе этого внѣшній видъ ученицы-эмигрантки имѣютъ сравнительно приличный, но

внутренняя сторона ихъ жизни какъ бы не входитъ въ разсчеты учительницы.

Этимъ мы закончимъ свой очеркъ и въ заключеніе отъ души пожелаемъ скорѣйшаго и успѣшнѣйшаго осуществленія искренняго стремленія преосвященнаго туркестанскаго Александра возстановить, поддержать и направить миссіонерское дѣло въ Семирѣченской области. Помоги Богъ благому и многоплодному начинанію!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007096187